№1 (10) - 2015 ISSN 2181-032X

O’ZBEKISTON ARXEOLOGIYASI

АРХЕОЛОГИЯ УЗБЕКИСТАНА

O’ZBEKISTON RESPUBLIKASI FANLAR AKADEMIYASI
Y. G’ULOMOV NOMIDAGI ARXEOLOGIYA INSTITUTI

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ ИМЕНИ Я. ГУЛЯМОВА

O’ZBEKISTON ARXEOLOGIYASI

АРХЕОЛОГИЯ УЗБЕКИСТАНА

№ 1 (10)
2015

Журналга 2010 йилда асос солинган

© Ўзбекистон Республикаси Фанлар академияси Археология институти

МУНДАРИЖА

Мақолалар

Сайфуллаев Б.Қ., Саидов М.М., Ражабов А.Ю., Мирсаатова С.Т. Янгиободнинг қадимги тош даври 3
Холматов Н.Ў. Тепақул 4 неолит макони 11
Аннаев Т.Дж. Тоҳаристондан топилган терракота ҳайкалчада йилқибоқлар образи 29
Богомолов Г.И. Илк ўрта асрларда Чочнинг жониворларга топиниш удумлари 33
Пардаев М., Раҳмонов Ҳ., Пардаев Ш. Шимолий-ғарбий Уструшонанинг археология харитасига доир сўнгги маълумотлар 47
Искандерова А.Д. Қорақалпоқ Давлат ўлкашунослик музейи фондидаги меъморий нақши нигорлар ҳақида 65

Халқаро ҳамкорлик

Сверчков Л.М., Бороффка Н. Сўнгги бронза даври макони Мулали топилмалари 75

Ёш тадқиқотчи минбари

Кубаев С. Илк ўрта аср Суғд турар-жой қурилиш анъанаси ҳақида баъзи бир мулоҳазалар 89
Саидов М., Ортиқов У., Ирзаева М. Қўшрободда XIV-XV аср меъморий обидаси излари 97
Бузруков М.Ж. Хомуш авлодларининг мозори ҳақида 103

Танқид ва таҳлил

Матбобоев Б., Реутова М., Болиев Б. Абдуразаков А.А. Қадимги ва ўрта асрларда Марказий Осиёда шишасозлик тарихи (асосий босқичлари). Тошкент: Фан. 2012**.** 114

Ахборот

Фарғона водийсининг қадим ва ўрта асрлар тарихини ўрганиш муаммолари 118

Юбилярларимиз

М.М. Хўжаназаровнинг 60 йиллигига 121
Тўхташ Аннаев - Сурхон археологиясининг жонкуяр тадқиқотчиси 125
Амридин Эргашович Бердимуродов. Фанга бахшида умр 127

Хотира

Вера Андреевна Булатова 130

ОГЛАВЛЕНИЕ

Статьи

Сайфуллаев Б.К., Саидов М.М., Ражабов А.Ю., Мирсаатова С.Т. Древнекаменный век Янгиабада 3
Холматов Н.У. Неолитическая стоянка Тепакул 4 11
Аннаев Т.Дж. Образ коневода и приучителя коней на терракотовой плакетке из Тохаристана 29
Богомолов Г.И. Зооморфные культы раннесредневекового Ча-ча 33
Пардаев М., Рахманов Х, Пардаев Ш. Новые материалы к археологической карте северо-западной Уструшаны 41
Искандерова А.Д. Архитектурные изразцы из фонда Каракалпакского государственного Краеведческого музея 65

Международное сотрудничество

Сверчков Л.М., Бороффка Н. Материалы поселения эпохи поздней бронзы Молали 75

Трибуна молодого исследователя

Кубаев С. Некоторые суждения об строительной традиции жилищ раннесредневекового Согда 89
Саидов М., Ортиқов У., Ирзаева М. Следы архитектурного сооружения XIV-XV века в Кошрабаде 97
Бузруков М.Ж. О мазаре потомков Хамуша 103
Нуритдинова Н.С. О семейном устройстве кочевых народов Туркестанского края в конце XIX–начале XX вв. 110

Критика и библиография

Матбобоев Б., Реутова М., Болиев Б. Абдуразаков А.А. История стеклоделия Центральной Азии в древности и средневековье (основные этапы). Ташкент: Фан. 2012**.** 114

Хроника

Проблемы изучения древней и средневековой истории Ферганской долины 118

Наши юбиляры

М.М. Хўжаназаровнинг 60 йиллигига 121
Тухташ Аннаев преданный ученый археологии Сурхана 125
К 60 летию Амридина Эргашовича Бердимурадова. Жизнь посвященная науке 127

Памяти ученого

Вера Андреевна Булатова 130

Главный редактор
Темур Ширинович Ширинов

Заместитель главного редактора
Амридин Эргашевич Бердимурадов

Ответственный секретарь
Мухтор Хасанович Пардаев

Редакционная коллегия:
К. Абдуллаев
А.А. Анарбаев
Т.Дж. Аннаев
А.А. Аскаров
А.Х. Атаходжаев
Г.И. Богомолов
Ю.Ф. Буряков
Ф. Грене (Франция)
А.П. Деревянко (Россия)
М.Ш. Кдырниязов
П. Лериш (Франция)
Б.Х. Матбабаев
Д.К. Мирзаахмедов
Ш.Р. Пидаев
А.А. Раимкулов
М.А. Реутова
Э.В. Ртveладзе
В.Д. Рузанов
Б.К. Сайфуллаев
Р.Х. Сулейманов
С.С. Суюнов
У. Такао (Япония)
Г. Ходжаниязов
М.М. Хужаназаров

На обложке:

Двуручный сосуд со стилизованным изображением из поселения Чак-Чам Ташкентской области

Адрес редакции:
140151, Самарканд,
ул. акад.В. Абдуллаева, 3
Телефон: (8-366) 232-15-13

Журнал зарегистрирован в Агентстве печати и информации Республики Узбекистан
Удостоверение № 0592

Сдано в набор 20.12.2014
Подписано в печать 06.01.2015
Формат 60x84 $^{1}/_{8}$
Усл.печ.л. 18,50
Тираж 300 экз. Заказ 359

Отпечатано в Институте археологии АН РУз
140151, Самарканд,
ул. акад. В. Абдуллаева, 3

МАҚОЛАЛАР

СТАТЬИ ARTICLES

УДК: 902.6 (575.111)

ДРЕВНЕКАМЕННЫЙ ВЕК ЯНГИАБАДА

© 2014. Б.К. Сайфуллаев, М.М. Саидов, А.Ю. Ражабов, С.Т. Мирсоатова

Институт археологии Академии наук Республики Узбекистан
Ферганский Государственный университет

Ключевые слова: *Янгиабад, пункт, отщеп, нуклеус, бифас, зубчатое орудие, Дукентсай, Каттасай, мастерская, местонахождение, яшма, поздний палеолит.*

Мақолада Тошкент вилояти, Ангрен шаҳрига қарашли Янгиобод шаҳарчасида 2014 йилнинг баҳорида олиб борилган археологик тадқиқотлар натижасида топилган палеолит даврига оид янги ёдгорликлар хусусида сўз боради. Бу ердан палеолит даврига оид 8 та топилмажой аниқланган ва улардан 3 тасининг маданий қатламлари қисман сақланиб қолган ва ўрганиш истиқболларига эга. Ушбу топилмажойлар сўнгги палеолит давринининг маконлари ва устахоналари эканлиги аниқланган. Янги қайд этилган мазкур ёдгорликлар Ўзбекистоннинг палеолит даври харитасини тулдиради ва ибтидоий давр тарихини янада бойитади.

THE PALEOLITHIC OF YANGIABAD
B.K. Sayfullaev, M.M. Saidov, A.Y. Radjabov, S.T. Mirsoatova
The article is devoted to results of archaeological researches in small town of Yangiabad located in Angren of Tashkent area in spring of 2014. Here authors find out 8 Paleolithic points from which 3 have partially kept cultural layer and have prospects for further researches. These sites define the parking and masterful epoch of the late paleolithie. These sites fill the Paleolithic map and enrich the primitive history of Uzbekistan.

В апреле месяце 2014 года археологический отряд Института археологии АН РУз произвел разведочные работы в ущелье на территории, поселка Янгиабад в Ташкентской области.

В результате проделанных работ в окрестностях поселка Янгиабад нами обнаружены 8 археологических объектов, представляющие материалы позднепалеолитической эпохи (рис. 1). Эти местонахождения сконцентрированы в 4 пунктах урановых месторождений. Среди этих местонахождений в перспективе обнадеживают три объекта: пункты 1, 5 и 8. Ниже приводится типология собранных археологических материалов из названных пунктов.

Пункт 1. Этот пункт находится на северной окраине поселка Янгиабад. Поэтому его пронумеровали цифрой 1 (рис. 2). По порядку это второе урановое месторождение в Янгиабаде. Местонахождение находится на восточном берегу Дукентсая, выше над второй разрушенной дорогой террасы реки. Его координаты: 01-N41 09.082 E70 05.751 и высота над уровнем моря 1441 м.

Здесь сверху горы в настоящее время протекает вниз ручеек родниковой воды и в месте, где вода смыкается с дорогой, с правой стороны имеется холм. Проведенные разведки на этом холме дали желаемые результаты. Здесь была собрана коллекция каменных изделий, эпохи позднего палеолита. Некоторые из этих изделий находились частично под грунтом. Каменные изделия обработаны из кремнистого известняка среднего качества, выходы которых расположены рядом. Открытие в ре-

зультате строительства дороги выхода кремнистого известняка растянуты на 30 м к югу от местонахождения. Далее они исчезают. Выяснилось, что мастера в эпоху палеолита изготавливали найденные нами каменные изделия именно из этих пород камней.

Среди найденных изделий из пункта 1 имеются нуклеусы для снятия ножевидных пластин, фрагменты соответствующих к ним пластин и один микробифас. Один из нуклеусов имеет размеры 78x96x56 мм. Снимались с него ножевидные пластины. Нуклеус имеет две противоположные ударные площадки. Обе ударные площадки широкие и подправленные после расщепления. Подобные ядрища характеризуют позднепалеолитическую эпоху и такие крупные экземпляры чаще встречаются в камнеобрабатывающих мастерских каменного века (рис. 3). Следующее изделие коллекции является пластинчатым отщепом размерами 45x31x15 мм. Он изготовлен из того же материала, что и предыдущее изделие. Ударная площадка скола фасетированная и сильно скошена к тылу. На дорсале отщепа сохранились следы субпараллельно-встречных снятий. На медиале правого латерала отщепа имеются ординарные ретуши, направленные на дорсаль (рис. 4, 1). Очередное изделие из этой коллекции является медиальным фрагментом пластины размерами 32x43x13 мм. Он также изготовлен из местного кремнистого известняка. На дорсале фрагмента сохранились следы субпараллельных пластинчатых снятий (рис. 4, 2). Четвертый предмет коллекции первого пункта является микробифасом, также из кремнистого известняка размерами 68x50x20 мм. Подобные находки являются достаточно уникальными для палеолита Узбекистана. Он имеет сердцевидную форму и видимо, оформлен из остаточного нуклеуса. Микробифас обработан с помощью бифасиальных снятий, один из его краев толстый, а второй - режущий. Кончик изделия выделен с помощью двусторонних плоских снятий (рис. 4, 3).

По назначению пункт 1 предварительно можно отнести к мастерским, так как здесь имеются крупные нуклеусы и соответствующие к ним сколы, большое количество обломков, а главное, он находится рядом с выходом используемого сырья.

В качестве аналогии к этим материалам можно привести индустрии верхних слоев Кульбулака в Ангрене и кремнеобрабатывающую мастерскую Капчигай в Ферганской долине. В упомянутых стоянках эпохи позднего палеолита также обнаружены по два экземпляра микробифасов (Касымов, 1972, с. 133. Таблица 1. Рис. 1, 2; Сайфуллаев и др., 2009, с. 29-34).

Памятник частично разрушен при строительстве дороги, но налицо перспективы его дальнейшего исследования.

Пункт 5. Он находится на левом берегу Дукентсая. Его координаты: 05-N41 06.179 E70 04.815 и высота над уровнем моря 1289 м. Из этого пункта нами собраны 6 каменных изделий, предварительно датированные нами поздним палеолитом. Среди собранных материалов имеются нуклеусы, отщепы и орудия. Все они изготовлены из яшмы. Один из нуклеусов является одноплощадочным, размерами 50x85x47 мм. Ударная площадка ядрища широкая и гладкая. Снимались с него отщепы удлиненных пропорций униполярно-субпараллельным образом (рис. 5, 1). Второй нуклеус этой коллекции также является одноплощадочным, размерами 40x55x50 мм. Он имеет дефлированную, слегка скошенную к тылу и гладкую ударную площадку. Снимались с него отщепы удлиненных пропорций униполярно-субпараллельным образом. Тыльная сторона ядрища также дефлированная (рис. 5, 2). Третий нуклеус коллекции является торцовым, предназначенный для снятия

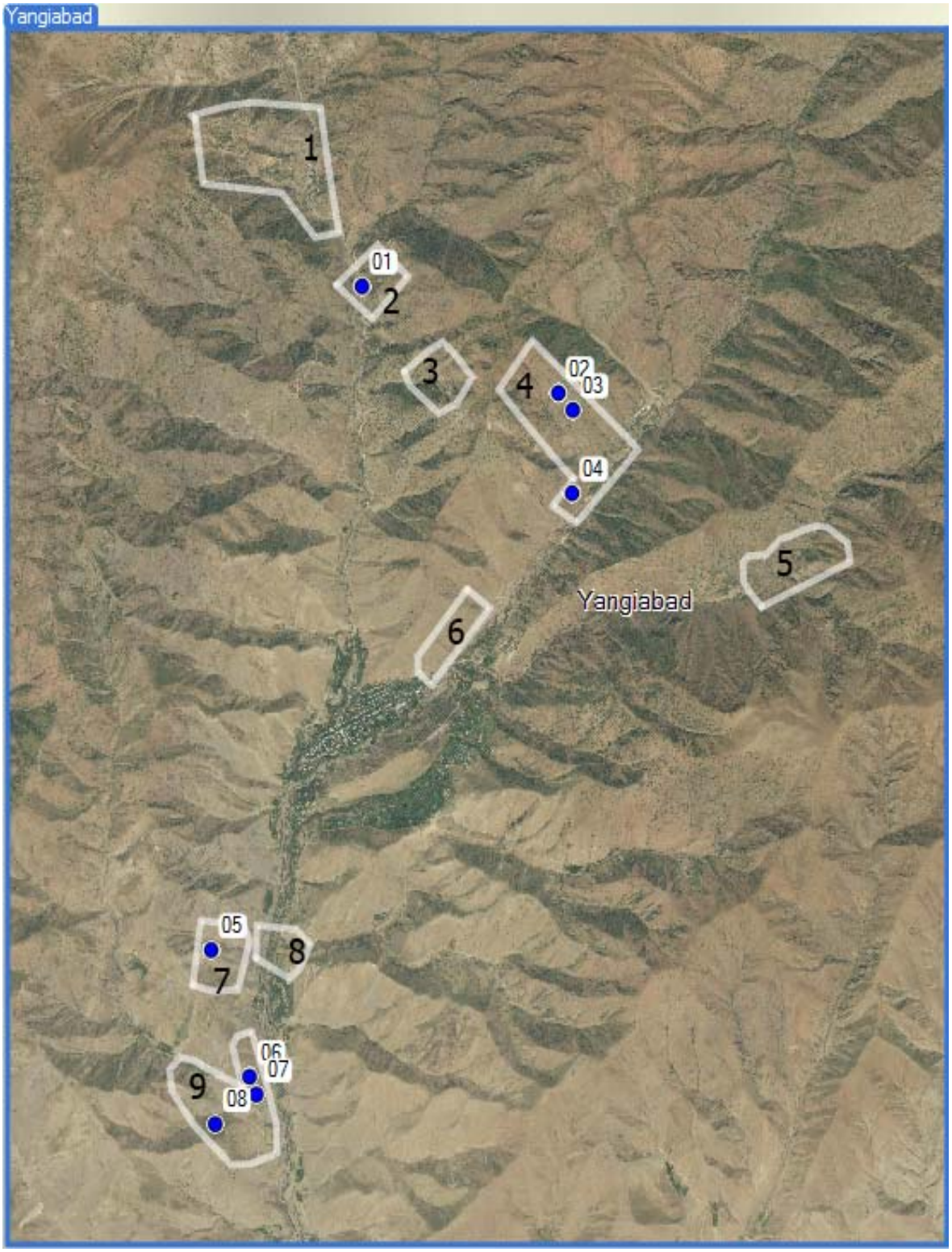

Рис. 1. Карта распространения палеолитических местонахождений в Янгиабаде (Ташкентская область)

пластинчатых отщепов мелких размеров. Расщепления производились униполярно-субпараллельным образом со стороны проксимала удлиненного отщепа-заготовки. Размеры изделия 21x32x55 мм (рис. 6, 1). Следующим изделием данной коллекции

Рис. 2. Янгиабад. Пункт №1

является двойное зубчатое орудие размерами 68x52x23 мм. Заготовкой послужил отщеп с намеренно усеченной ударной площадкой. Негативы сколов на дорсале отщепа униполярно-субпараллельные. Зубчатое лезвие на левом латерале оформлено

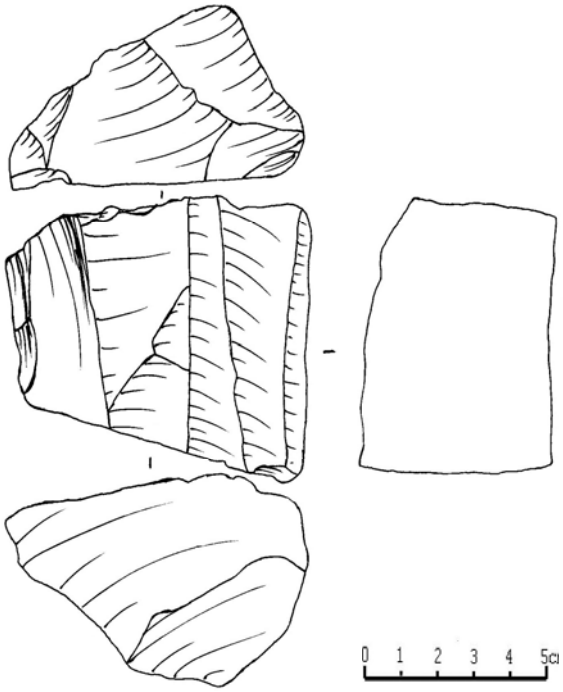

Рис.3. Янгиабад. Пункт №1. Призматический нуклеус

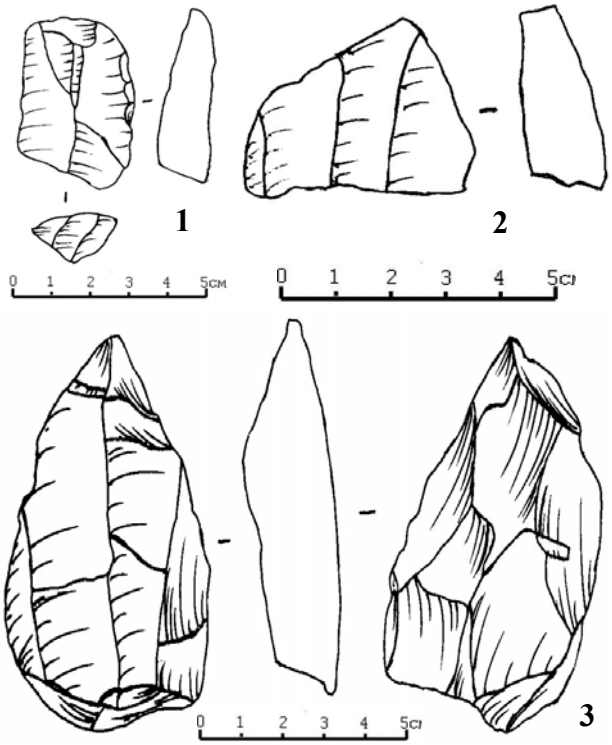

Рис. 4. Янгиабад. Пункт №1. 1-пластинчатый отщеп, 2-фрагмент пластины, 3-микробифас

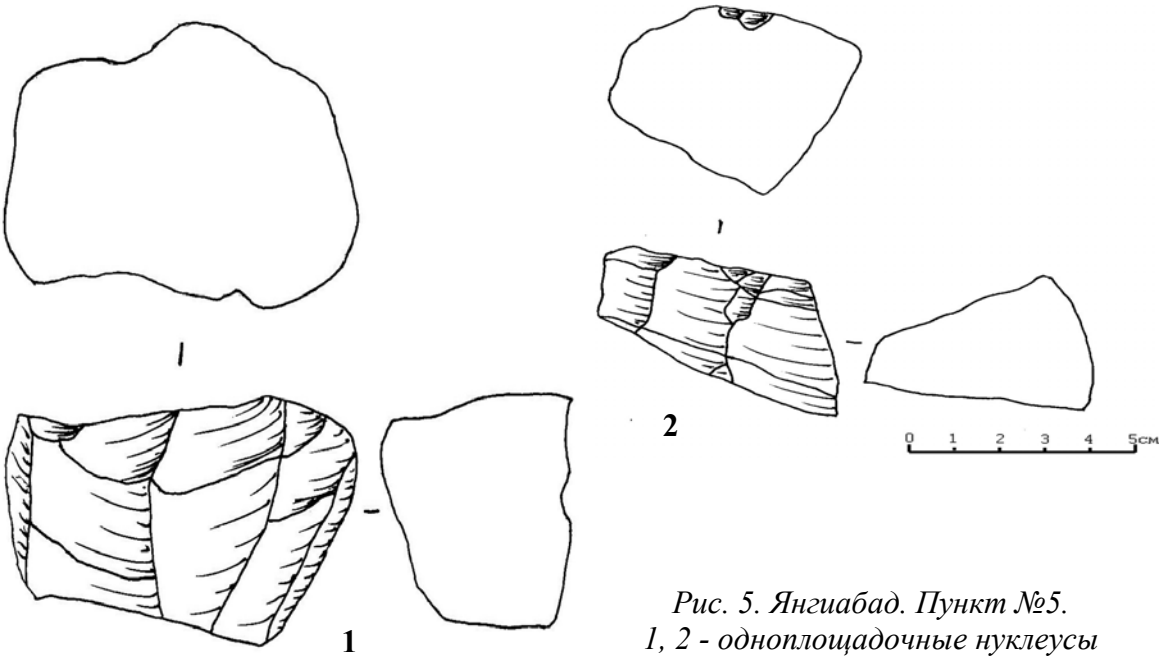

Рис. 5. Янгиабад. Пункт №5. 1, 2 - одноплощадочные нуклеусы

со стороны дорсала, а с правого латерала - со стороны вентрала. Формы обоих рабочих краев зигзагообразные (рис. 6, 2).

Этот пункт также выглядит перспективным для дальнейших исследований, так как здесь сохранились непотревоженные лессовые отложения. Предварительно материалы данного пункта можно отнести к эпохе позднего палеолита.

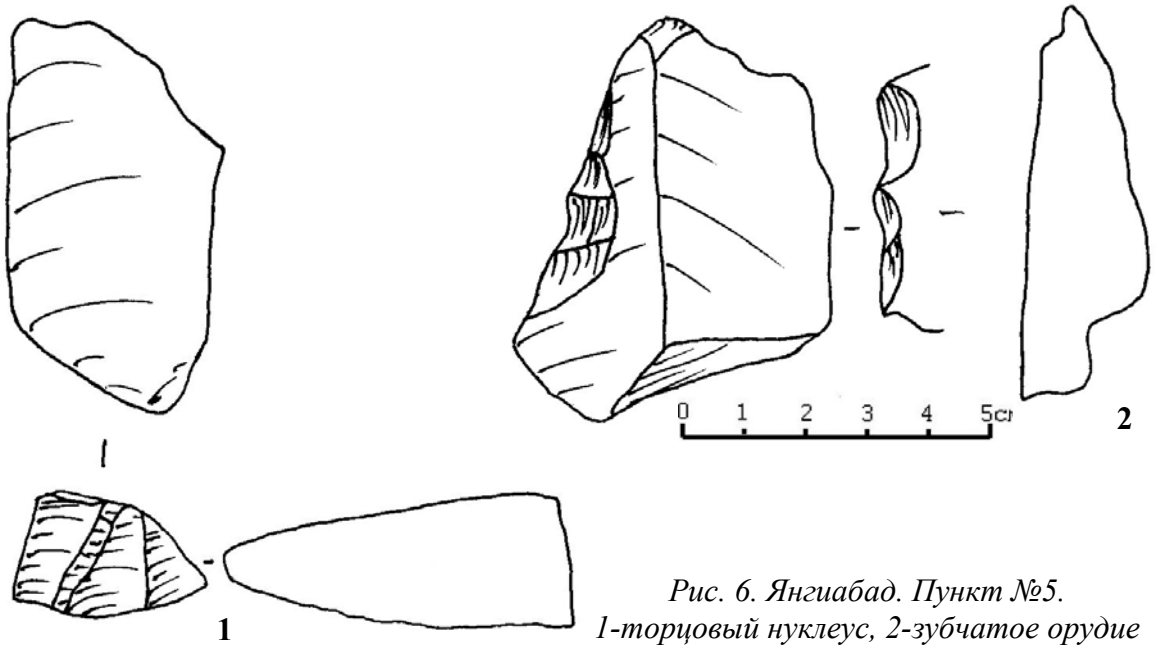

Рис. 6. Янгиабад. Пункт №5. 1-торцовый нуклеус, 2-зубчатое орудие

Рис. 7. Янгиабад. Пункт №8. 1-клювовидное орудие, 2-скребло, 3-технический скол

Пункт №8. Это местонахождение находится на левом берегу Дукентсая. Его координаты: 08-N41 05.417 E70 04.839 и высота над уровнем моря 1248 м. Здесь нами собраны 6 каменных изделий, представляющие эпоху среднего палеолита. Каменные изделия коллекции 8 пункта представлены одним клювовидным орудием, скребком и скреблом. Клювовидное орудие оформлено на нуклевидном обломке из яшмы темно-коричневого цвета размерами 65х70 х33 мм. Клюв выделен с помощью билатеральных снятий и ретушей на дистале изделия (рис. 7, 1). Второе орудие является скреблом на отщепе из яшмы размерами 77х56х21 мм. Отщеп слегка дефлированный, но скребковое

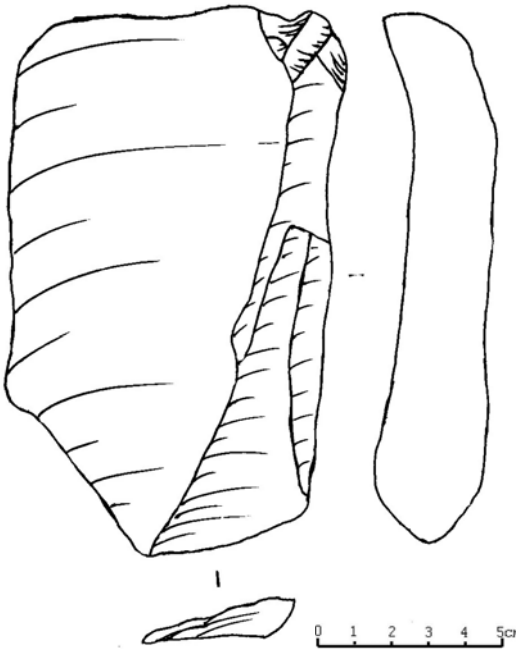

Рис. 8. Янгиабад. Пункт №7. Угловой скребок

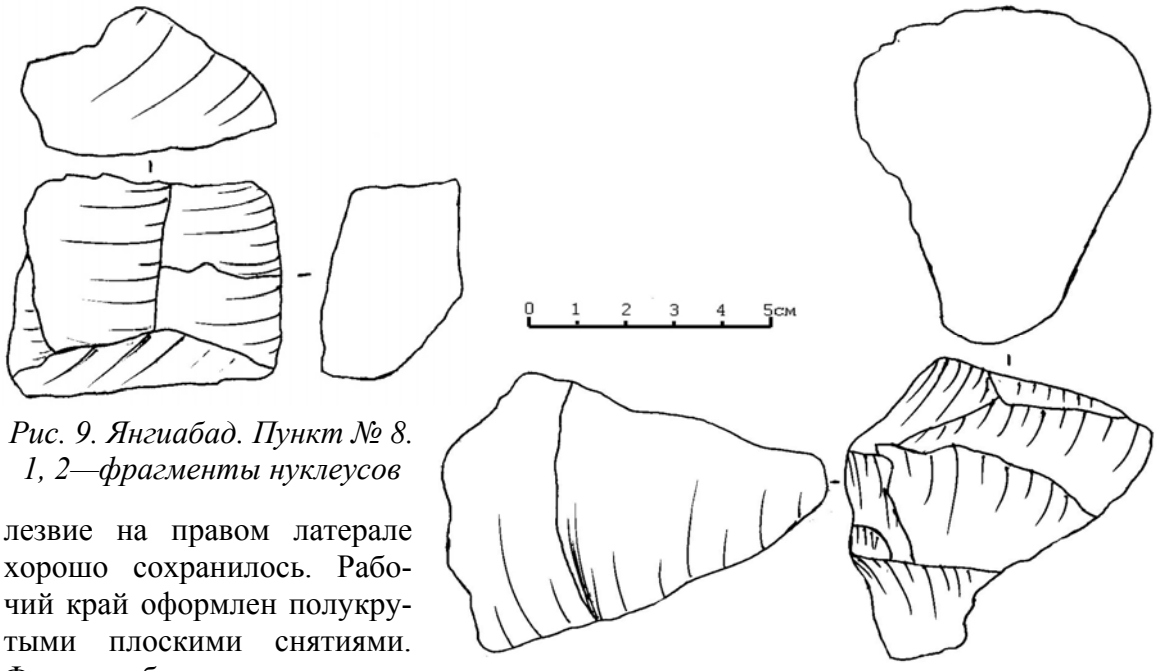

Рис. 9. Янгиабад. Пункт № 8. 1, 2—фрагменты нуклеусов

лезвие на правом латерале хорошо сохранилось. Рабочий край оформлен полукрутыми плоскими снятиями. Форма рабочего края вогнутая. Ударная площадка отщепа намеренно усечена несколькими крутыми снятиями. На дорсале отщепа имеются следы униполярных снятий. С левого латерала отщепа в вентральной части был нанесен резцовый скол. Видимо, это было комбинированным орудием (рис. 7, 2). И наконец, последнее орудие этой коллекции является угловым скребком на крупном отщепе из светло-коричневой яшмы размерами 110х73 х25 мм. Ударная площадка отщепа гладкая и сильно скошенная к тылу. На дорсале имеются следы субпараллельно-продольных снятий. Скребковое лезвие оформлено на правом дистальном углу дорсальными полукрутыми снятиями. Форма рабочего края выпуклая (рис. 8).

В коллекции восьмого пункта наряду с целыми нуклеусами представлены и их фрагменты. Один из них изготовлен из яшмы светло- коричневого цвета и является верхним фрагментом одноплощадочного нуклеуса, размерами 44х57х30. Ударная площадка ядрища гладкая и снимались с него пластинчатые сколы в продольно-субпараллельном направлении. Тыльная сторона нуклеуса дефлированная (рис. 9, 1). Второй фрагмент является фланговой частью одноплощадочного нуклеуса. В нем сохранились подправленная ударная площадка и верхняя часть униполярно-субпараллельно направленных негативов сколов. Возможно, он был фланговым техническим сколом с нуклеуса, но из-за сильной дефлированности тыльной стороны изделия об этом трудно утверждать. Снимались с него пластины. Фрагмент изготовлен также из яшмы светло-коричневого цвета размерами 68х70х78 мм (рис. 9, 2).

В коллекции одним экземпляром представлен технический скол от обновления ударной площадки нуклеуса из яшмы размерами 60х35х25 мм. Негативы сколов на дорсале отщепа перпендикулярные, т.е. сохраняется часть ударной площадки и следы продольно-субпараллельных снятий нуклеуса, с которого он был снят. Ударная площадка отщепа двухфасеточная и сильно скошенная к тылу (рис. 7, 3).

Материалы 8 пункта можно датировать эпохой среднего палеолита, и он также является перспективным для дальнейшего исследования.

Таким образом, террасы Дукентсая были густонаселенными в эпоху палеолита. Третья терраса реки обживалась в эпоху среднего палеолита, а вторая - в период позднего палеолита. Среди перспективных местонахождений для дальнейших исследований пункт №1 является мастерской по добыче сырья и первичной обработки. Пункты № 5 и 8, видимо, являются разрушенными стоянками.

Использованная литература:

Касымов М.Р. Кремнеобрабатывающие мастерские и шахты каменного века Средней Азии. Ташкент, 1972.

Сайфуллаев Б.К., Хушваков Н.О., Курбонбоев И.М. О позднем палеолите Узбекистана (по материалам новых технико-типологических исследований индустрии верхних (I-III) слоев Кульбулака) // ИМКУ. Вып.35. Самарканд, 2009.

УДК: 902.6 (575.1)

ТЕПАҚУЛ 4 НЕОЛИТ МАКОНИ ТАДҚИҚОТИ НАТИЖАЛАРИ ХУСУСИДА

© Н.У. Холматов

Самарқанд Давлат Университети

Калит сўзлар: *Ўрта Зарафшон, неолит (янги тош даври), Сазоғон маданияти, тош индустрия, стратиграфия, хронология, тош қурилмалар, культурогенез, генетик алоқалар, генесологик илдизлар.*

Статья посвящена новым материалам стоянки сазаганской культуры. В ней рассмотрена материальная культура неолитического памятника Тепакул 4 (Средний Зарафшан). Освящены специфические особенности каменной индустрии памятника, хронологии и его место в системе сазаганской культуры.

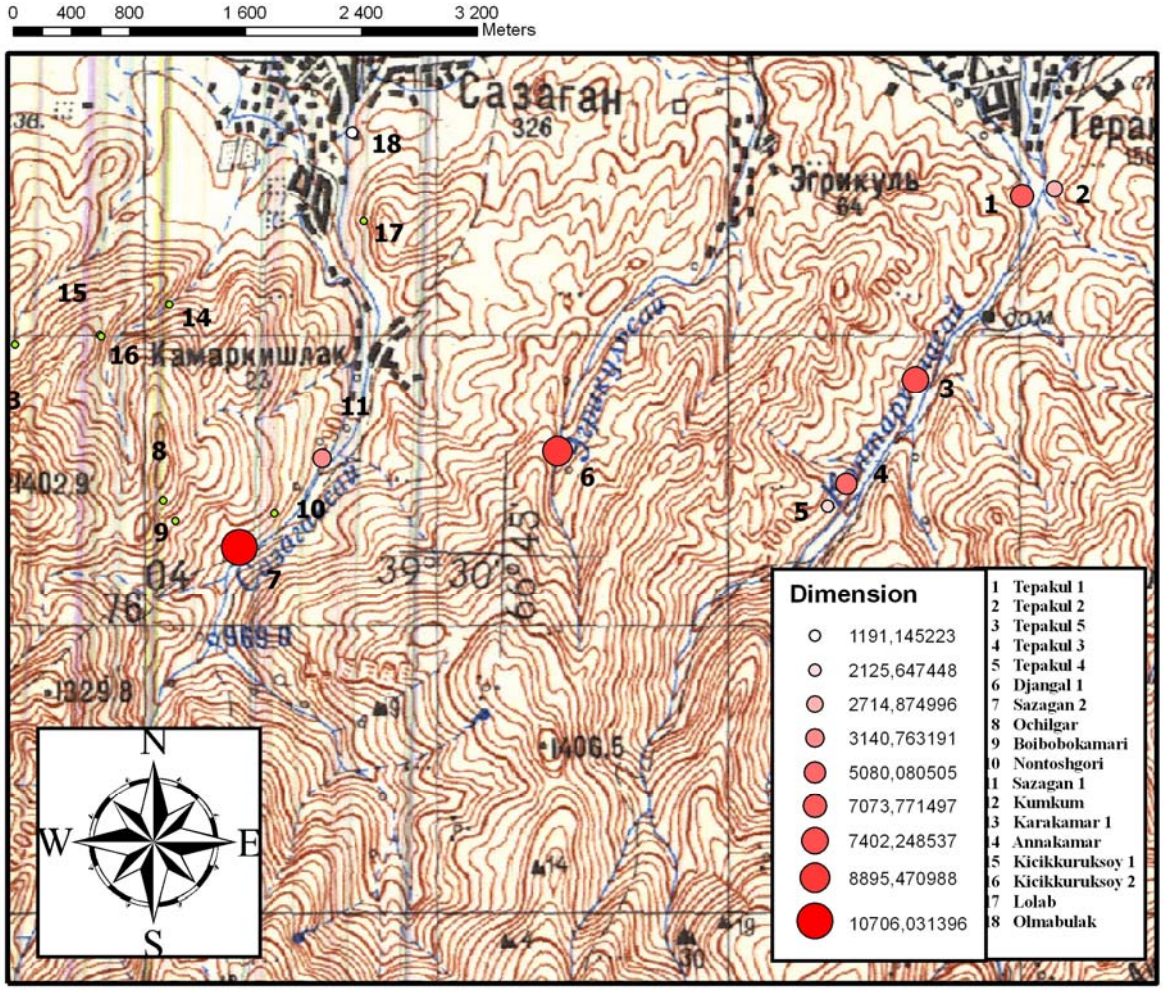
ABOUT THE RESULTS OF STUDIES OT NEOLIT SITE OF TEPAKUL 4
N.U. Holmatov
The article is devoted to discovering the material culture of Neolithic monument Tepakul 4, (Middle Zarafshan). It explores the specific peculiarities of stone industry of the monument, chronology and the place in the system of Sazagan culture.

Зарафшон воҳаси кишилик тарихи тош асри жамоалари моддий маданиятини ўрганишда ўзига хос истиқболли ўлка ҳисобланади. Буни Республикамиз мустақиллиги йилларида неолит жамоалари моддий маданияти тадқиқотида қўлга киритилган натижалардан ҳам билишимиз мумкин. Хусусан, Қуйи Зарафшон воҳасида Ўзбекистон-Польша, Ўзбекистон-Франция халқаро археологик экспедициялари аъзолари Оёқагитма ёдгорлигини тадқиқ этишди (Szymczak, Khudzhanazarov, 2006; Брунет, Хужаназаров, Хашимов, 2012, 118-125-б). СамДУ археологик экспедицияси эса Ўрта Зарафшон воҳаси Қоратепа тоғ тизмаси шимолий ён бағри Сазоғон неолит ёдгорликлари тадқиқотини давом эттирди (Тепақул 3) ҳамда қатор янги ёдгорликлар (Тепақул 4, Лолаб, Қоракамар, Очилғор) кашф этишга эришди (Холматов, 2006, 24-39-б.; 2010, 37-39-б.; 2012, 83-105 б.; 2012, 17-20-б.) Ушбу тадқиқотлар натижасида воҳа мезо-неолит даври жамоалари моддий-маданияти ўзига хос хусусиятлари, жамоалар турмуш тарзи, ижтимоий тузуми, хўжалик машғулотлари, маънавий маданияти, ўзаро қўни-қўшничилик маданий алоқалари, маданиятлар генесологик илдизлари ва уларнинг автохтонлиги ҳақида маълумотлар берувчи муҳим археологик ашёлар қўлга киритишга эришилди. Юқорида зикр этилганидек, янги тадқиқ этилган ёдгорликлар жумласига Тепақул 4 неолит макони ҳам киради (1-расм). Тепақул 4 ёдгорлиги тадқиқоти натижалари қисман чоп этилган (Джуракулов, Холматов, 2000, 4-10-б; Джуракулов, Холматов, 2001, 72-79-б.; Джуракулов, Холматов, 2002, 41-45-б.; 2002а. 171-175-б., 2002-б, 55-59-б.; Джуракулов, Холматов, 2003; Холматов, 2004, 31-34-б.; Холматов, 2006, 24-33 б.). Лекин, ёдгорликнинг моддий маданияти, тош индустрияси ва уларнингўзига хос хусусиятлари, тош қуролларининг қиёсий таҳлили, стратиграфияси, хронологияси, маданий қатламнинг таркибий тузилмалари ва элементлари борасидаги

маълумотлар умумлашган ҳолда ёритилмаган. Шу боис, қуйидаги сатрларда зикр этилган масалалар ёритилиши назарда тутилган.

Тепақул 4 макони 1995-2004 йиллар мобайнида СамДУ археологик экспедицияси томонидан тадқиқ этилган. Ёдгорлик Тепақул 3 маконидан Тепақулсой ўзани бўйлаб 300 метрлар чамаси юқорида қўшни сой ён бағрининг супасимон кўринишли майдон сатҳида жойлашган (Самарқанд вилояти, Нуробод тумани). Ер майдони ўлчами 60х130 метр бўлиб, унинг сатҳи сой томон нишаброқ кўринишга эга (2-расм). Тепақул 4 макони тадқиқоти жараёнида нафақат моддий маданият манбалари, балки ёдгорликнинг геологик ҳолати ва саналаниши, стратиграфияси, маданий қатлам таркибий тузилмалари ва элементлари борасида ҳам муҳим маълумотлар қўлга киритилган. Шу боис, дастлаб ушбу маълумотлар баёнига тўхталамиз.

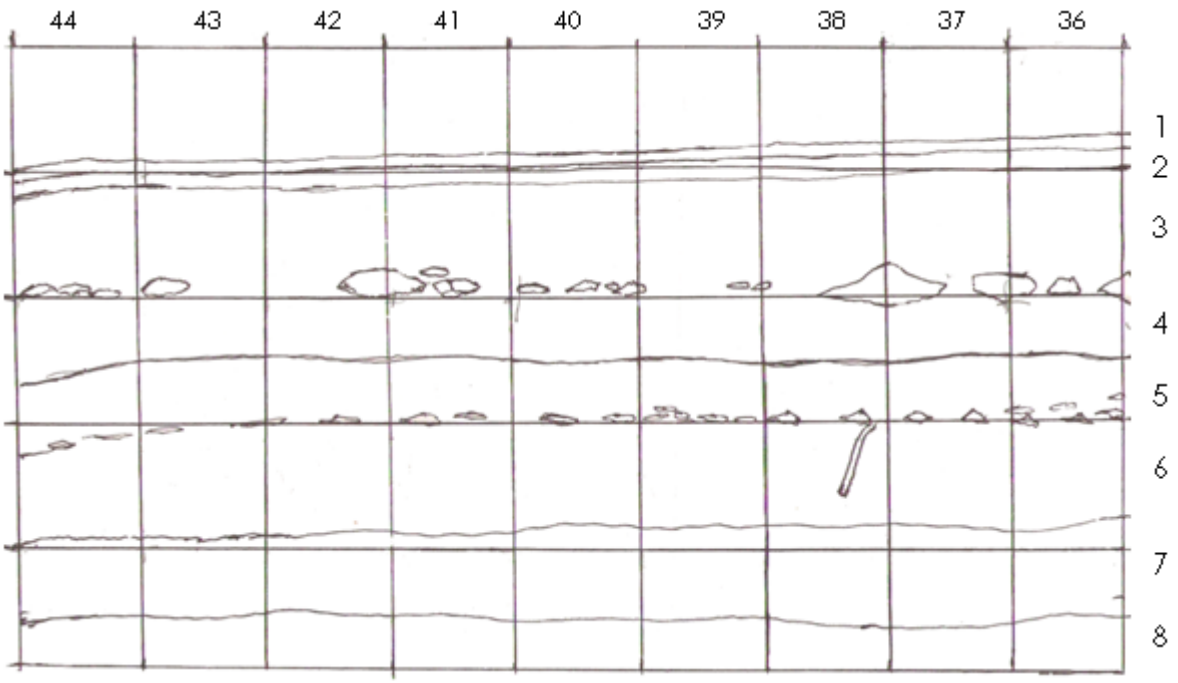
Маълумки, Сазоғон маданияти ёдгорликлари Қоратепа тоғ тизмаси шимолий ён бағридан чиқувчи йирик сойларнинг (Эгриқулча, Тепақул, Оҳалик ва ҳ.к) ён қирғоқларидаги супасимон майдонлар (сой ён қирғоқида сув сатҳидан то юқоригача 5 тагача супасимон майдонлар борлиги аниқланган) сатҳларида тадқиқ этилган. Бу жойлар геологик ва геоморфологик жиҳатдан С.А. Несмеянов, Э.Д. Мамедов, М.Д. Джуракуловлар томонидан ўрганилган (Джуракулов, Мамедов, 1985, 4-27-б.; Джуракулов, Мамедов, 1986; Джуракулов ва бошқ., 1993). Хусусан, Э.Д. Мамедов Тепақул 4 макони жойлашган Тепақулсойнинг 3-супасимон майдонининг геологик саналанишини юқори плейстоценнинг охири ва голоцен даври билан белгилаган (Джуракулов, Мамедов, 1996, 94-95-б.). Бу супасимон майдонлар қуёшга қараган бўлиб, созлов тупроқли қатламга эга. Сазоғон маданияти ёдгорликлари жойланиши ҳолатининг бундай қонунияти ҳақида олдинги тадқиқотларимизда маълумотлар келтирганмиз (Холматов, 2012, 3-б; 2012а, 83-84). Тепақул 4 макони тадқиқотида қизиқарли стратиграфик маълумотлар ҳам қўлга киритилган (юқоридан пастга томон) (3-расм): 1. Ер устки сатҳи қисми чимли қатлами (0,00-0,03 м қалинликда). 2. Чимли қатламнинг пастки қисми, майда қум заррачали, кулрангсимон қорамтир рангли тупроқли қатлам. Чегара чизиқлари нисбатан текис (қатламнинг қалинлиги 0,06-0,08 м). 3. Тўқ жигаррангли, қум заррачали тупроқли қатлам. Унда кичик ўлчамли қайроқтошлар, оқимтир рангли карбонатлар кам миқдорда бўлсада учрайди. Қатлам тупроғи нисбатан қаттиқроқ. Юқори ва пастки чегаралари бирмунча тўғри чизиқли ҳолатга эга (қатламнинг қалинлиги 0,4-0,5 м). 4. Оч сариқ, нисбатан оқимтир рангли тупроқли қатлам бўлиб, карбонатлар учрайди. Кичик ўлчамли, учли қирраларга эга бўлган тошларнинг кетма-кетлиги қатламнинг пастки чегараси яқинида кузатилади (қатламнинг қалинлиги 0,2-0,3 м). 5. Олдинги қатламга нисбатан оқимтир рангли, қум заррачали тупроқли қатлам бўлиб, унда карбонатлар бир зайлда зичроқ жойлашган. Қатламнинг пастки чегараси яқинида кичик ўлчамли, учли қирраларга эга бўлган тошлар кетма-кетлиги кўзга ташланади (қатламнинг қалинлиги 0,1-0,2 м). 6. Қизғиш жигар рангли, қум заррачалари миқдори кўпроқ бўлган тупроқли қатлам. Карбонатлашиш излари учрамайди (қатламнинг қалинлиги 0,4-0,5 м). 7. Қорамтир рангли тупроқли қатлам. Аҳён-аҳёнда кичик ўлчамли қайроқ тошлар учрайди. Чегаралари нисбатан текис кўринишга эга (қатламнинг қалинлиги 0,3-0,4 м). 8. Қорамтир рангли тупроқли қатлам давом этмоқда. Бу қатламда ингичка кўринишда қумли линзалар учрайди. Қатламнинг юқори чегараси нисбатан текис кўринишга эга (қатламнинг қалинлиги 0,1-0,2 м).

1-расм. Сазогон маданияти ёдгорликлари

2-расм. Тепакул 4. Умумий кўриниши

3-расм. Тепакул 4. Стратиграфия

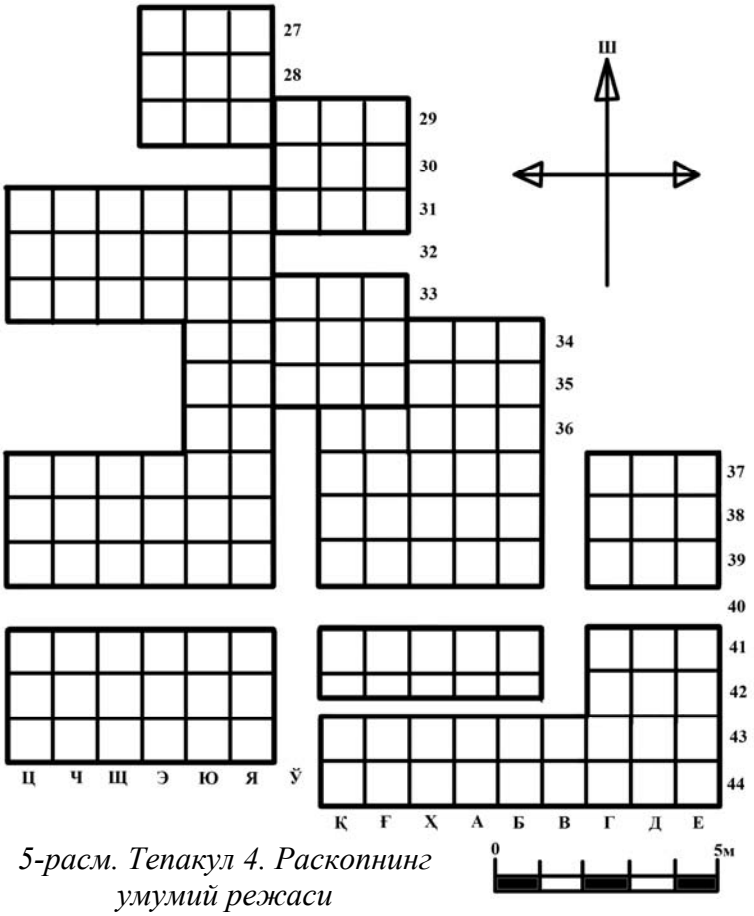

4-расм. Тепакул 4. Тош курилма

Тепақул 4 макони маданий қатлам таркибий элементлари борасида қуйидаги маълумотларни келтиришимиз мумкин. Тадқиқот жараёнида Тепақул 4 макони маданий қатламининг Сазоғон маданиятининг бошқа ёдгорликлари (Сазоғон 1, 2, Жангал 1, Тепақул 3 ва ҳ.к) маданий қатламлари сингари устки қисми аралашиб кетганлиги аниқланди. Шу боис, Сазоғон неолит ёдгорликлари маданий қатлами

анъанавий тадқиқот методикасига таянилган ҳолда Тепақул 4 макони маданий қатлами ҳам 20 сантиметрли горизонтлар асосида 2,0-2,2 м қалинликгача ўрганилди. Шу асосда маконда шартли равишда 3 та маданий горизонт аниқланди: 1. Юқори қатлам (0,0-1,1 м) аралаш қатлам деб номланиб, бунда тош даври ҳамда кейинги тарихий тараққиёт босқичларига оид археологик манбалар биргаликда учрайди. 2. Оралиқ қатлам (1,1-1,3 м) - бунда тарихий тараққиётнинг кейинги босқичларига оид манбалари учраса-да, лекин тош даврига тегишли ашёлар кўп. 3. Пастки тоза қатлам (1,4-2,2 м) - бу қатламдан фақат тош даврига оид археологик манбалар қўлга киритилган. Ёдгорлик пастки маданий горизонтидан моддий маданиятнинг ўзига хос хусусиятларини ифодаловчи баъзи таркибий элементлар, яъни ўчоқ қолдиқлари, юмалоқ қайроқтош ҳамда тошлардан иборат тош қурилмалари топилган. Тош қурилмалари алоҳида ҳолатда тош уюмларидан иборат бўлиб, тошлар ораси, остки ва устки қисмларида биронта кул қолдиғи, гулхан излари кузатилмади (4-расм). Бундай тош қурилмалари В.А. Ранов, Т.Г. Филимоновалар томонидан Тожикистон неолит ёдгорликларида (Кангурттут, Чармгарон, Люликутал) топилган. Бу қурилмалар қатламларидан кул қолдиқлари учратилмаса-да, лекин ёнидан диний эътиқод билан боғлиқ сиғиниш маросими ўтказилганлигини билдирувчи предмет ёки бирон ҳайвон тури қолдиғи топилган (Ранов, Филимонова, 2008, 24-27-б.). Тепақул 4 макони тош қурилмалари ёнидан зикр этилган нарса-буюмлар ҳам, кул қолдиқлари ҳам топилмади. Шу боис, бу тош қурилмаларини Сазоғон 2, Очилғор макони тош қурилмаларидан фарқли ўлароқ маълум диний эътиқод билан боғлиқ бўлганлиги ҳақида фикр билдиролмаймиз.

Энди Тепақул 4 макони қазишмалари жараёнида қўлга киритилган ашёлар асосида моддий маданиятни таснифлашга ҳаракат қиламиз. Ёдгорликда 156 м^2 майдон сатҳида маданий қатлам тадқиқ этилиб, 10 000 га яқин қизиқарли археологик ашёлар қўлга киритилган (5-расм). Археологик ашёлар тош буюмлар, сопол буюм парчалари, ҳайвон, парранда суяк қолдиқлари, чиғаноқ, тошдан ясалган зеб-зийнат каби предметлардан иборат. Шундан 3734 тасини бевосита тош буюмлари ташкил этади. Тош буюмлар чақмоқтош, чақмоқтошли-сланец, халцедон, кварц каби тоғ жинсларидан тайёрланган. Макон тош индустрияси учирин-

5-расм. Тепақул 4. Раскопнинг умумий режаси

дили-пайрақали бўлиб, пайрақали қисмида микропайрақалар салмоғи юқорироқ, шунингдек, қайроқтошли элементлар ҳам мавжуд (учириндилар - 2727 дона - 68,8% пайрақалар эса - 925 дона - 27,8%ни ташкил этади).

Тепақул 4 макони тадқиқоти жараёнида қўлга киритилган тош буюмларининг типологик таҳлили уларни қуйидаги гуруҳларга ажратиш имконини берди (1-жадвал): 1. Ишлов берилмаган учириндилар, ишлаб чиқариш чиқиндилари (1903 дона). 2. Ишлов берилмаган пайрақалар (483 дона), шулардан микропайрақалар (273 дона). 3. Тош ўзаклари (48 дона) ва тошни йўниш билан боғлиқ бўлган предметлар (34 дона). 4. Учириндидан ясалган қуроллар (824 дона). 5. Пайрақадан ясалган қуроллар (442 дона), жумладан, микропайрақа қуроллар (136 дона). 6. Бошқа типологик типга оид қуроллар: қайроқ тош қуроллари (71 дона); плиткасимон қирғичлар (13 дона), ёрғучоқлар (9 дона); йирик ўлчамли ушатгич қуроллар бўлаклари (3 дона).

Тошни йўниш билан боғлиқ бўлган предметлар (34 дона). Булар тош ўзакларини тайёрлаш мақсадида тошни дастлабки йўнишлардан ҳосил бўлган буюмлар ҳисобланади. Тошларнинг сиртқи қайроқ қобиқларида чақмоқланиб учирилганлик изларини кузатиш мумкин. Бу предметларнинг шакллари, ён томонларидан қараганда ҳар тарафлама йўниш ҳаракатларидан қолган изларни кўрамиз ва шу асосда уларнинг кўпчилиги призмасимон, конуссимон шаклдаги тош ўзаклари ясалишга мўлжалланган буюмлар бўлишганлиги ҳақида фикр юритиш мумкин.

Тош ўзаклари. Тепақул 4 макони тадқиқоти жараёнида 48 дона тош ўзаклари қўлга киритилган. Уларнинг деярли барчаси пичоқсимон кўринишдаги пайрақалар ажратиб олишга мўлжалланган тош ўзаклари ҳисобланади.

Тош ўзакларини типологик жиҳатдан қуйидаги гуруҳларга бўлишимиз мумкин: 1. Призмасимон тош ўзаклари. 2. Конуссимон кўринишдаги тош ўзаклари. 3. Микро тош ўзаклари. 1. Призмасимон тош ўзаклари - 23 дона. Бу тош ўзаклари пичоқсимон кўринишдаги парақалар ажратиб олишга мўлжалланган бўлиб, ўз навбатида қуйидаги типларга бўлинади: а) Бир тарафлама ишлов берилган призмасимон тош ўзаклари - 18 дона. (6-расм, 32; 7-расм, 21, 22; 8-расм, 28). Кўпчилик тош ўзаклари уч қисмида қайта ишлов берилиши натижасида иш юзаси ҳосил қилиниб, турмушда турли функцияни бажарувчи қуролларга айлантирилган. Улар турмушда понасимон ёки предметни кесишга мўлжалланган кескич қуроллар сифатида ишлатилган бўлиши мумкин; б) Икки тарафлама ишлов берилган призмасимон тош ўзаклари - 5 дона. (6-расм, 31; 8-расм, 29, 30). Улар бир зарб майдонга эга бўлган, парақа ва микропарақа учириб олишига мўлжалланган тош ўзаклар бўлиб, зарб майдони сатҳи ўта қиялашган кўринишга эга. 2. Конус кўринишли тош ўзаклари - 16 дона. Мазкур тош ўзаклардан пайрақа ва микропайрақалар учириб олинган. 3.Микро тош ўзаклари - 9 дона (7-расм, 21). Ўз ўлчамларининг кичиклиги билан характерланади (1,3х0,7 см). Ўзаклар аксариятининг бир томонидан микропарақалар учириб олинган.

Ишлов берилмаган учириндилар, ишлаб чиқариш чиқиндилари—1903 дона. Бу типга кирувчи тош буюмларнинг кўпчилигини ишлаб чиқариш чиқиндилари ташкил этади. Тош қуроллари ясаш учун мўлжалланган, лекин ён қирралари бўйича иккиламчи ишлов берилмаганлари нисбатан камроқ. Уларнинг ўлчами қуйидагича: кичик (0,0-0,1 см.гача-294 дона), ўрта (1,0 см дан – 3,0 см.гача 1163 дона), йирик (3,0 см.дан – 5.0 см.гача—422 дона) ҳамда ўта йирик (5 см дан ортиқ - 14 дона).

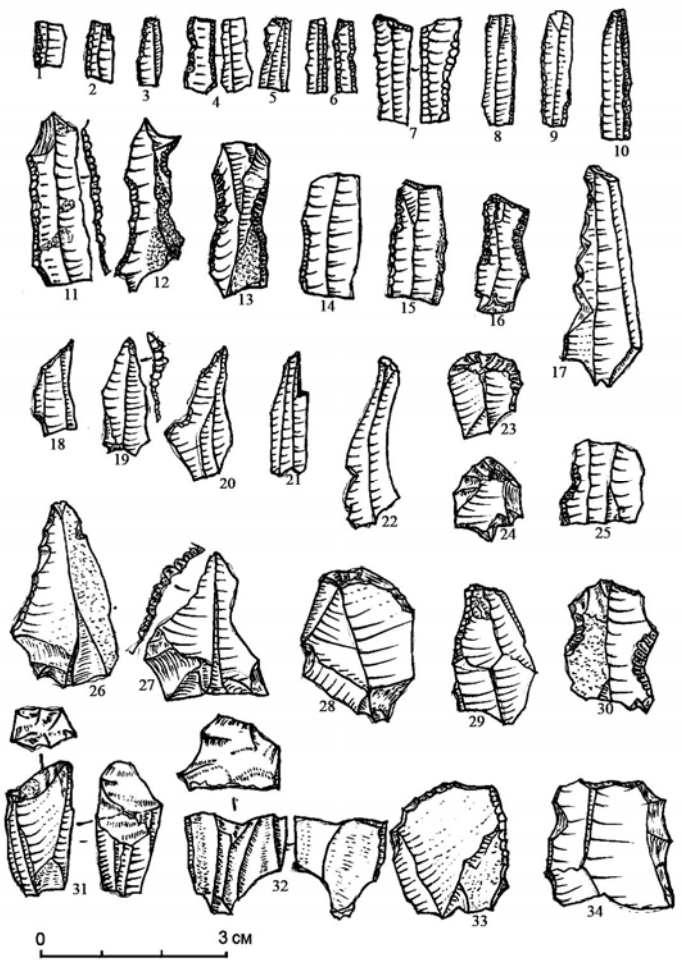
1-жадвал. Тип-лист.

Тош буюмлар типлари	
Ишлов берилмаган отшеплар	1903
Ишлов берилмаган парақалар:	483
Шу жумладан микропарақалар	273
Тош ўзаклари	48
Призмасимон Конуссимон Микро тош ўзаклари	23 16 9
Тошни йўниш билан боғлиқ бўлган тош буюмлари	34
Жами	2468
Елка қисмининг иккала ён томони бўйича ишлов берилган парақалар	96
Шу жумладан, микропарақалар	50
Елка қисмининг бир ён томони бўйича ишлов берилган парақалар	134
Шу жумладан, микропарақалар	55
Астар қисмининг иккала ён томони бўйича ишлов берилган парақалар	53
Шу жумладан, микропарақалар	24
Астар қисмининг бир ён томони бўйича ишлов берилган парақалар	**29**
Шу жумладан, микропарақалар	6
Ён томонлари бўйича қарама-қарши ҳолатда ишлов берилган парақалар	**17**
Ён томонлари тўбаланиб ўтмасланган ҳолатда ишлов берилган парақалар	**16**
Уч кесим қисми бўйича ишлов берилган парақалар:	
Қийшиқ ҳолатда	
Тўғри ҳолатда	6
Геометрик шаклдаги қуроллар: трапеция	**1**
Ён қирралари бўйича ишлов берилган чуқурчаларига эга бўлган парақалар	21
Шу жумладан, микропарақалар	1
Парақанинг устки кесим қисмида иш майдонига эга бўлган қирғичлар	**19**
Тешгич қуроллар	**28**
Қовурғасимон парақалар	**9**
Архаик кўринишга эга бўлган энли парақалар	**12**
Жами	**442**
Турли иш майдонигаэга бўлган қирғичлар:	114
Жумладан, тик иш майдонига эга бўлган қирғичлар; дисксимон қирғичлар, тирноқсимон микроқирғичлар	30
Турли ён томонлари бўйича иш майдонларига эга бўлган отшеплар	469
Понасимон қуроллар	20
Рандасимон қуроллар	30
Икки ён томони бўйича ишлов берилган ўқ-ёй учлари	1
Тешкич қуроллар	42
Кескич қуроллар	39
Қайроқтош қуроллари	71
Плиткасимон қирғич қуроллари	13
Ёрғучоқлар	9
Икки юз қисми силлиқланиб иш майдони ҳосил қилинган болта қуроли	-
Микро чоппер қуроли	-
Йирик ҳажмли ушаткич қуроли, бўлаклари	3
Кварц	-
Жами	**824**
ЖАМИ	**3734**

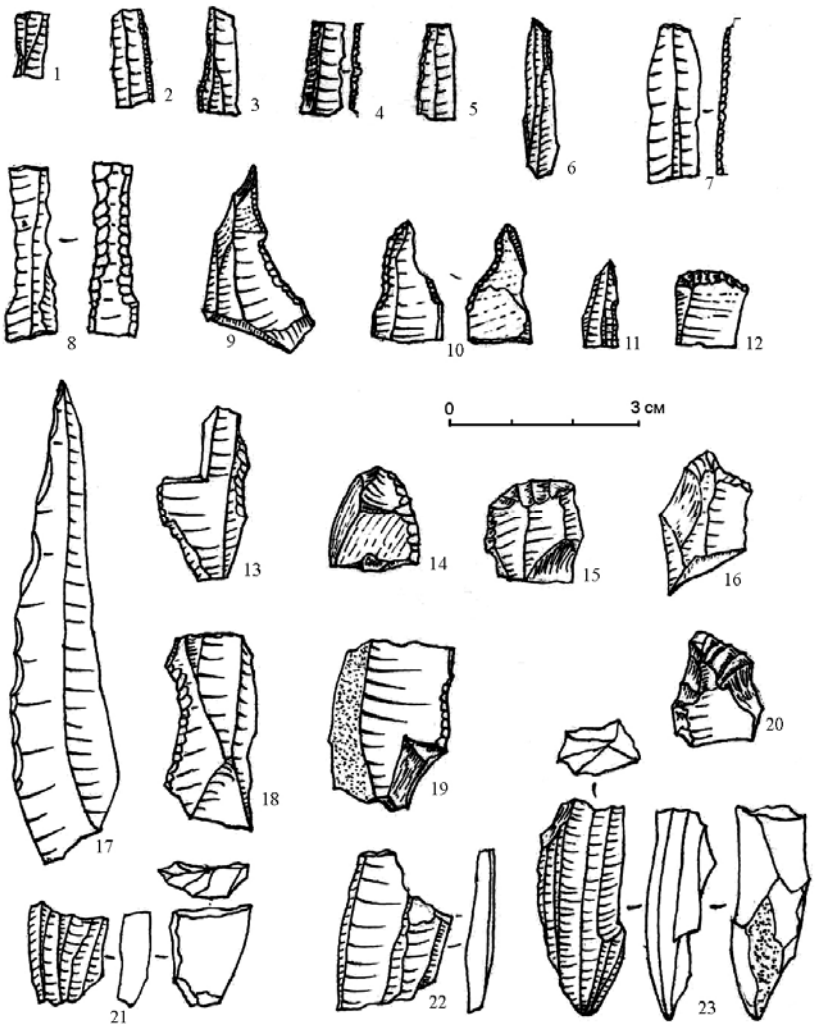
Ишлов берилмаган пайрақалар ва микропайрақалар (483 дона: шундан 273 донаси микропайрақалар). Пайрақаларнинг кўпчилиги узун бўйли, елка қисмида пайрақалар учириб олинганлиги излари сақланиб қолган (икки йўлли). Пайрақаларнинг ўлчамлари қўйидагича: 0,0-0,7 см (273 дона, 57%), 0,7 см ва 1,0 см.гача (140 дона 29%), 1,0-1,5 см.ли (63 дона, 13%), 1,5 см.дан ортиқ (7 дона, 1%). Майда ва микропайрақалар эса 413 дона - 86%. Микропайрақалар ишлов берилмаган пичоқсимон кўринишдаги пайрақалар умумий сонининг 50,1% ни ташкил этади. Пайрақалар орасида бутунлари ҳам учрайди (12 дона). Ишлов берилмаган пайрақалар ичида қорамтир – яшил, кулрангли чақмоқтошлашган сланецдан ясалган пайрақалар кўпчиликни ташкил этади.

Тепақул 4 ёдгорлиги тош буюмлари ичида 1266 дона (тош ўзаклари, тошни йўниш билан боғлиқ бўлган тош буюмлардан ташқари) тош қуроллари борлиги аниқланди (3734/1266). Уларни типологик жиҳатдан қуйидаги гуруҳларга бўлиш мумкин:

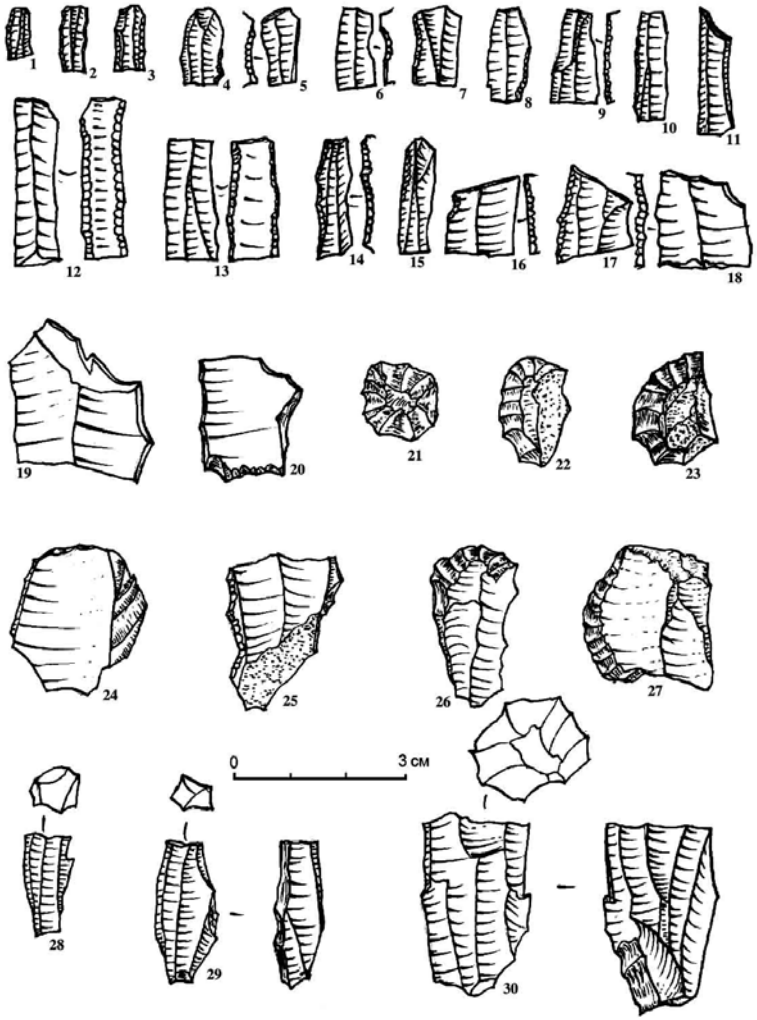
1. Пайрақа қуроллари—442 дона, 34,9% (умумий ишлов берилган тош қуроллари сонига нисбатан) (6-расм, 1-16; 7-расм, 1-8; 8-расм, 1-20; 9-расм, 1-18; 10-расм, 1-6; 11-расм, 1-6; 12-расм, 1-19). Мазкур қуролларнинг шакли ва ишлов бериш усуллари бўйича қуйидаги типларга бўлиш мумкин: 1. Елка томонига ишлов берилган пайрақалар (230 дона). 2. Ички томонига ишлов берилган пайрақалар (82 дона); Шунингдек, пайрақа қуроллари ичида 1 дона геометрик шаклдаги қурол, ён қирралари бўйича ишлов берилган чуқурчаларга эга бўлган пайрақалар (21 дона), пайрақадан ясалган қирғичлар (19 дона), тешгич қуроллари (28 дона), қовурғасимон кўринишли пайрақа қуроллар (9 дона), архаик кўринишдаги энли пайрақалар (12 дона) борлиги аниқланди. (6-расм, 19, 20; 7-расм, 9-11,17-21; 8-расм, 25, 26; 9-расм, 21, 22; 11-расм, 7-10; 12-расм, 12-14). 2. Учириндидан ясалган қуроллар—824 дона, 65% (6-расм, 33; 8-расм, 20-25; 9-расм, 20-25, 27; 10-расм, 10, 11, 16). Мазкур қуроллар ичида ён қирралари бўйича турлича усулда (тик кертиш, ётиғига эзиш, баъзи ҳолатда қарама-қарши, ҳатто тишсимон усулда) ишлов берилиб, иш юзаси ҳосил қилинган учиринди қуроллари—469 дона. Уларни иш юзалари характерига қараб типологик жиҳатдан қуйидаги гуруҳларга ажратишимиз мумкин: текис, бироз кемтикли; ён қирраларида ўйиқ қисми, чуқурчаларига эга бўлган; камроқ бўлсада ёйсимон кўринишдаги; ён қирраларининг турли жойларига бир-бирларидан ажратилган ҳамда қарама-қарши ҳолда ишлов берилган; ён қирраси ички томонидан ишлов берилган иш юзали учиринди қуроллар. Хусусан, ён қирраси ички томонидан ишлов берилган учириндилар ҳақида олдинги тадқиқотларимизда маълумот келтирганмиз (Холматов, 2012, 93-б.). Мазкур учиринди қуролларнинг аксарияти кулранг, яъни тўқ ва очиқ кулранг ҳамда яшил рангли чақмоқтошли-сланецлардан ясалган. Жигаррангли чақмоқтош, сланец, холцедон, кварцит, кварцлардан кам миқдорда тайёрланган. Учириндидан ясалган қуролларнинг ичида қирғичлар мавжудлиги аҳамиятлидир – 114 дона, 14%. (6-расм, 23, 24, 28; 7-расм, 14-16, 20; 8-расм, 21-24, 27, 28; 9-расм, 19, 20, 30;10-расм, 8, 9, 12, 14, 15; 12-расм, 20-23). Техник-типологик жиҳатдан қирғич қуролларини қуйидаги гуруҳларга ажратиш мумкин: 1. Баланд бўйли иш юзасига эга бўлган қирғичлар—13 дона. 2) Паст бўйли иш юзасига эга бўлган қирғичлар (39 дона). Макур иш юзалари кертув усулида ички қисмига нисбатан вертикал ҳолатда, ёйсимон, нисбатан қийшиқроқ, баъзан жуда кам ҳолатда тўғри шаклда ҳосил қилинган. 3) Ясси ёки тайпоқ иш юзасига эга бўлган қирғичлар—45 дона. Иш юзалари кўпинча ёйсимон бўлиб, уларга кертув ёки эзиш усулида ишлов берилган. Микроқирғичлар жумладан, тирноқсимон—17

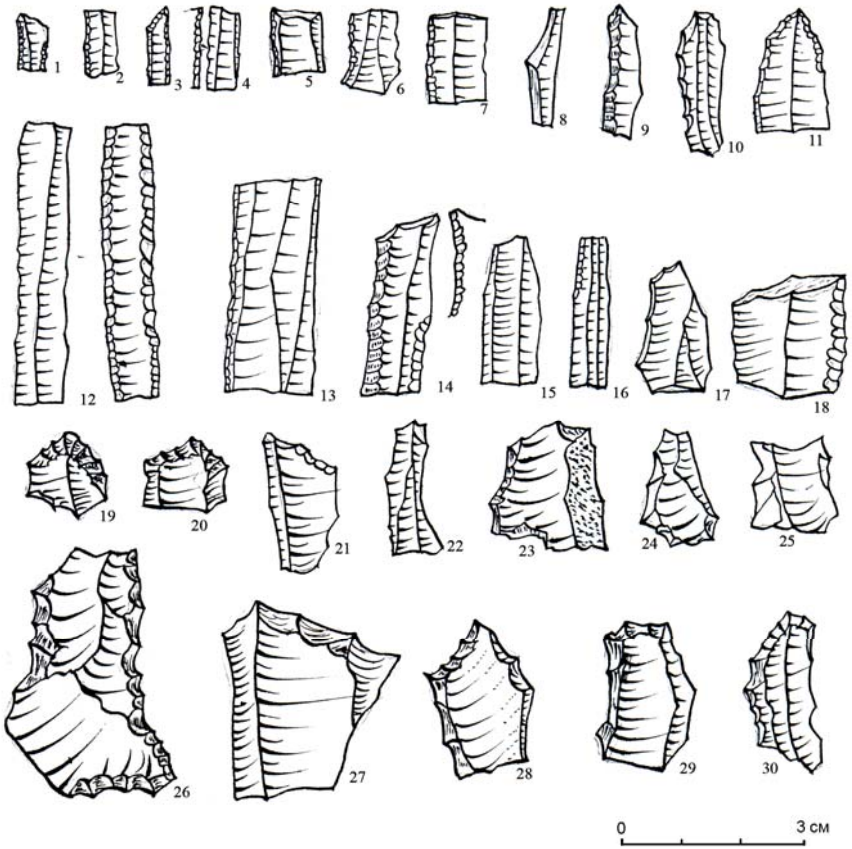
6-расм. Тепақул 4. Тош қуроллар. 1-17, 25, 30 - устки кесим ва ён қирралари бўйича турли усулда ишлов берилган парақалар; 18-20 - тешгич қуроллар; 21, 22 - ишлов берилмаган парақалар; 23, 24, 28 учирмадан ясалган қирғичлар; 26, 27, 29, 33, 34 - ишлов берилган учирмалар; 31, 32 - тош ўзаклари

7-расм. Тепақул 4. Тош қуроллар. 1-8, 13, 17, 18 - устки кесим ва ён қирралари бўйича турли усулда ишлов берилган парақалар; 9-11 - тешгич қуроллар; 12, 14-16, 20 - учирмадан ясалган қирғичлар; 19 - ишлов берилган учирма; 21-23 - тош ўзаклари

8-расм. Тепақул 4. Тош қуроллар. 1-19 - ён қирралари бўйича ишлов берилган парақа қуроллари; 20, 24, 25 - ишлов берилган учирмалар; 21-23, 26, 27 - учирмалардан ясалган қирғичлар; 28-30 - тош ўзаклари

9-расм. Тепақул 4. Тош қуроллар. 1-18, 21,22- устки кесим ва ён қирралари бўйича турли усулда ишлов берилган парақа қуролар; 19, 20, 26, 30 - қирғич қуроллари; 23-25, 27-29-ишлов берилган учирмалар

дона. Улар ўз шакли бўйича кўпинча айлана кўринишга эга. Понасимон қуроллар 20 дона - 2,4%. Ўлчами жиҳатидан унча катта бўлмаган учириндилардан ясалган. Баъзилари сиртида қайроқнинг устки пўсти сақланиб қолганлиги ҳолати кузатилади. Улар уч қисми икки томонидан чақмоқланиб юпқалаштирилган учириндилардан ҳамда уч қисми юпқалашган ва текис қиррага эга бўлган тош ўзакларидан тайёрланган. Иш юзасига ҳам олд, ҳам ички томонидан ишлов берилиши бу қурол учун хос хусусиятдир.

Рандасимон қуроллар - 30 дона, 3,6% (6-расм, 27; 9-расм, 26; 12-расм, 24). Уларнинг иш юзаси учириндининг ён қиррасидаги қабариқ, кемтик қисмида кертув усулида ишлов берилиш билан ҳосил қилинган. Ўқ ёй учлари—1 дона. Учириндидан ясалган мазкур ўқ ёй учига ҳар икки ён томонидан ишлов берилган. У техник-типологик жиҳатдан Сазағон 2, Жангал 1 ёдгорликлари ўқ-ёй қуролларига ўхшаш.

Тешгич қуроллари—42 дона, 5,1%. Ўртача ўлчамли учириндилардан ясалган. Уч қисми, яъни иш юзаси икки ён томонидан яхши ишлов бериш орқали ҳосил қилинган (9-расм, 28; 12-расм, 26, 28). Кесгич қуроллар – 39 дона—4,7% (6-расм, 17; 7-расм, 19; 12-расм, 24). Мазкур типдаги қуроллар текис ён қиррага эга бўлган учириндилардан ясалган. Иш юзасига эзиш усули орқали ишлов берилган. Ўз шакли ва ишлов берилиши усуллари бўйича бошқа Сазоғон ёдгорликлари қуролларига ўхшаш. Қайроқтош қуроллари –13 дона (13-расм). Асл, бутун ҳолатда қайроқдан ясалган қуроллар нисбатан кам сонли, кўпчилик миқдорни эса қайроқтош бўлаклари ташкил этади. Тепақул 3 макони тош қуроллари типологик таҳлилида мазкур қуроллар таснифини келтирганмиз (Холматов, 2012, 95-б.). Юпқа плиткасимон кўринишли қирғичлар, йирик ҳажмли тош ушаткичлар - 13 дона (14-расм). Мазкур тош буюмлари чўзинчоқ суйрисимон ёки айлана кўринишли бўлиб, юпқа сланец ёки қайроқдан ясалган. Ён қирралари бўйлаб, ичкари томон кертув усулида ишлов берилган. Мазкур қуроллардан турмушда ҳайвонлар терисига ишлов беришда ёки баъзи предметларни кесишда фойдаланилган бўлиши мумкин. Ёрғучоқлар - 9 дона. Асосан, юпқа ўлчамли сланецли тош плиталардан ясалган. Иш юзаси ботиқроқ кўринишли ва ўртароғида донни эзиш туфайли чуқурлашган қисми кўзга ташланади. Ёрғучоқлар ўз шакли, ўлчамлари ва ишлов берилиши усуллари билан саразм ёрғучоқларига ўхшаш (Исаков, 1991).

Суякдан ясалган қуроллар. Ёдгорлик тадқиқоти жараёнида бутун ҳолатда сақланган суяк қуроллари топилмади. Фақатгина 2 дона суяк қуролининг бўлаги учратилган. Илик суяги узунасига силлиқланишидан ўткир уч чиқарилиб иш юзаси ҳосил қилинган.

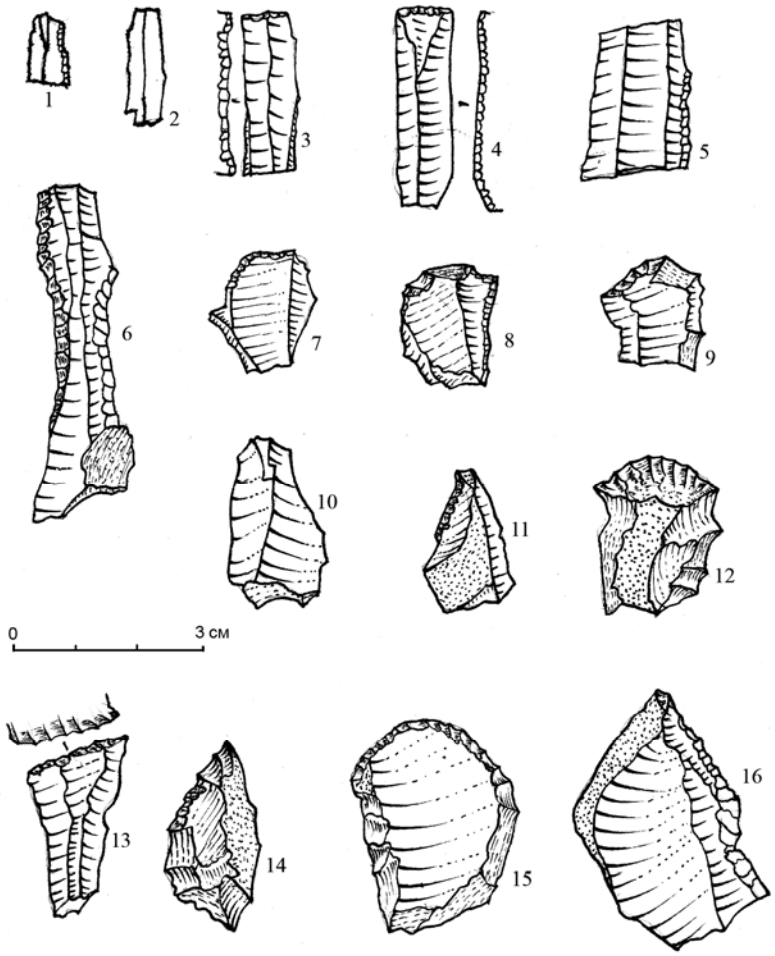
Зеб-зийнат, тақинчоқлар масаласига келганимизда худди Сазоғон 2 ёдгорлиги тақинчоқларига ўхшаш зеб-зийнат предметларининг 2 типи намуналари топилди: 1. Юпқа қайроқдан силлиқланиб ясалган ўртасида пармаланган тешикчали тақичоқлар. 2. Чиғаноқдан ясалган тақинчоқлар.

Сопол идишлар. Тепақул 4 макони сопол идиш парчаларининг кўпчилиги қалин деворли тарихий тараққиётнинг сўнгги даврларига тўғри келувчи сополлар ҳисобланади. Бу идишларга оқ рангли кварцлар қўшилган. Сопол бўлаклари ичида неолит даврига оид сополлар ҳам бор (бу сопол бўлаклари ўз хусусиятларига кўра, сазоғон ёдгорликлари идишларига ўхшаш). Улар юпқа деворли қўлда ясалган идишлар бўлаклари бўлиб, бу бўлаклар асосида оғиз қисми тўғри ёки озгина ташқи томонга қайрилган, таг қисми текис, айлана шаклда, қорин қисми кенгайган кўринишли идишлар бўлишганлиги ҳақида хулоса билдириш мумкин. Саноқли со-

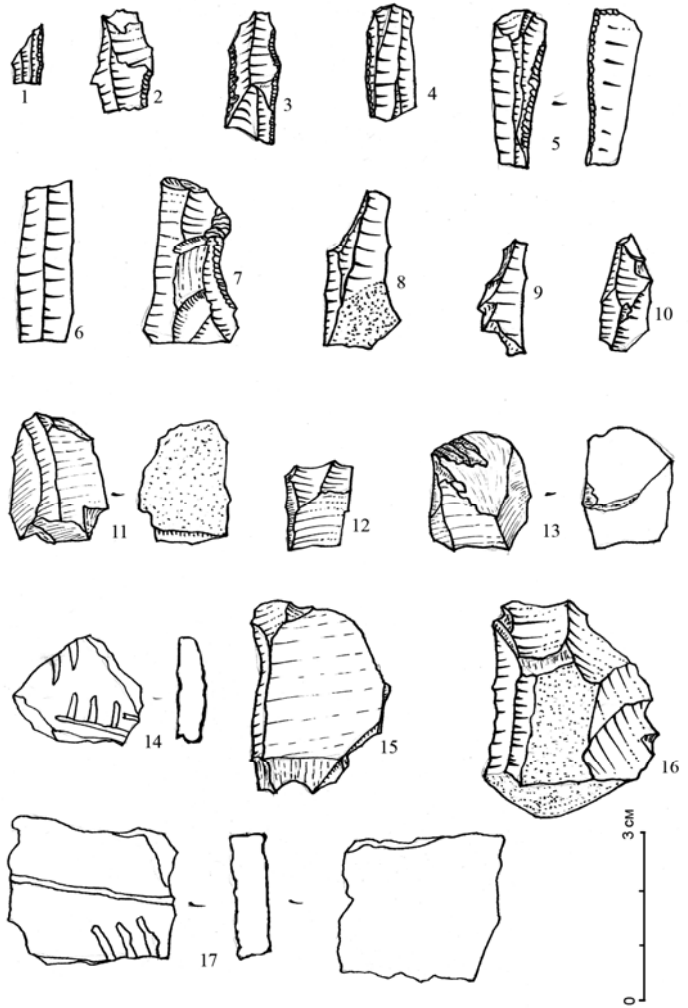
пол парчалари сиртида Сазоғон 2, Джангал 1, Тепақул 3 макони сополлари нақшларига ўхшаш нақшлар кузатилади (11-расм, 14, 17; 12-расм, 29, 30).

Тепақул 4 макони моддий маданияти ўзига хос хусусияти ва хронологияси. Сазоғон 1 ва 2, Джангал 1, Тепақул 3 ёдгорликларининг моддий маданияти ўзига хос хусусияти ва хронологияси борасида маълумотлар таҳлилини тадқиқотларимизда имконият даражасида келтирганмиз (Джуракулов, Холматов, 1991. 80, 100-б.; 1991а, 11-16-б.; Холматов, 2012, 83-105-б.). Бу хусусиятлар нақадар Ўрта Зарафшон воҳаси сазоғон неолит жамоалари маданиятининг ўзига хослигини белгилайди, балки ёдгорликлар тош индустрияси характери, стратиграфик маълумотлари, маданий қатламларнинг структуравий тузилмалари, жамоалар турмуш тарзи, маънавий кечинмалари, хўжалик машғулотлари, қўшни жамоалар билан маданий алоқалари, маданиятлар генесологик илдизлари ва бу илдизлар туб жойли, маҳаллий эканлиги каби масалалар ечимига илмий асос беради. Таъкидлаш жоизки, тадқиқотларда сазоғон маданияти ёдгорликлари моддий маданияти ўзига хослиги, хронологияси, тош индустрияси характери масалаларини аниқлашда тош буюмлари баъзи типлари салмоғи ошиши ёки камайиши нисбатлари асос қилиб олинган. Тепақул 4 макони материаллари таҳлили ҳам шу нисбатга асосланади.

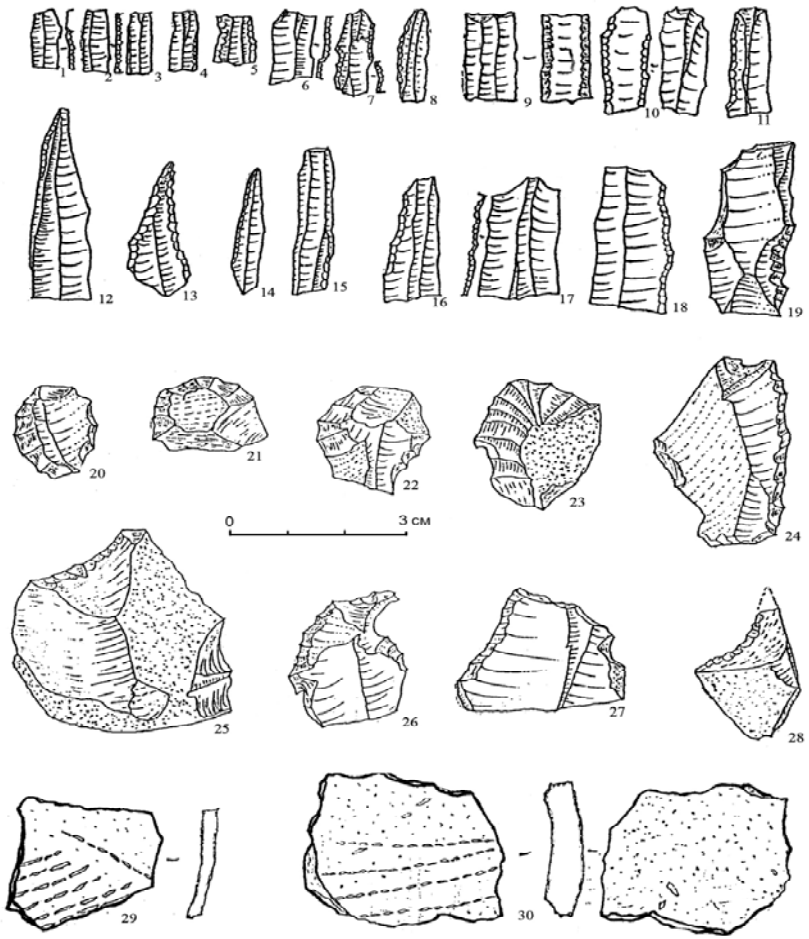
Ёдгорлик тош буюмлари типологик таҳлил асосида 6 та гуруҳга ажратилди ва ўз навбатида гуруҳлар ҳам типларга бўлинди: тош ўзаклари 3 та типга; пайрақадан ясалган қуроллар гуруҳи 13 та типга; учириндидан ясалган қуроллар гуруҳи 7 та типга; бошқа турдаги қуроллар гуруҳи эса 4 та типга ажратилди. Таҳлиллардан ёдгорлик тош индустрияси-учириндили-пайрақали индустрия эканлиги маълум бўлди. Юқорида келтирганимиздек, ёдгорлик моддий маданияти ўзига хослиги, хронологиясини аниқлаштиришда баъзи тош буюмлар салмоғининг сазоғон маданияти бошқа ёдгорликлари тош буюмлари салмоғи билан қиёсий таққосланиши нисбати асос қилиб олинди (1-4 жадваллар). Жадваллар маълумотлари кўрсатишича, (Джуракулов, Холматов, 1991. 80-101 б., 15-17 жадваллар; Холматов, 2012, 1-4-жадваллар) Тепақул 4 макони баъзи қуроллар типлари салмоғи бўйича фарқланиш ҳолатлари кузатилди. Фактларга мурожаат этсак, ёдгорлик тош индустрияси тош буюмлари 6 та гуруҳи бўйича: тош ўзаклари ва тошни йўниш билан боғлиқ бўлган предметлар, ишлов берилмаган учириндилар, ишлов берилмаган пайрақалар салмоғи камайган, пайрақадан ясалган қуроллар, айниқса учириндилардан ясалган қуролларнинг салмоғи кескин ошганлигини кузатамиз. Шу ўринда таъкидлаш лозимки, учириндилардан ясалган қуроллар салмоғи бўйича (ишлов берилган қуроллар сонига нисбатан) Тепақул 4 макони Сазоғон 1, 2 маконига яқин бўлиб чиқди. Ёдгорлик пайрақа қуроллари салмоғи жиҳатидан (шу нисбатда) Жангал 1, Тепақул 3 маконларига нисбатан кам миқдорни ташкил этиб, шу асосда Сазоғон 2 маконига яқинлашди. Микропайрақа қуроллари нисбати билан қизиққанимизда Тепақул 4 макони микропайрақа қуроллари салмоғи Сазоғон 1, 2 микропайрақа қуролларига нисбатан юқорироқ, Жангал 1, Тепақул 3 ёдгорликлари микропайрақа қуролларига нисбатан деярли тенг салмоққа эга эканлиги маълум бўлди. Жадваллардан ёдгорлик пайрақа буюмлари ичида ишлов берилмаган микропайрақалар салмоғи камайганлигини кўрамиз. Шунингдек, пайрақадан ясалган Тутқовул типидаги тешгич қуроллар, пайрақадан ясалган қирғичлар ҳамда қайроқтошлар, кескич қуроллар салмоғи ошган ва ўз навбатида тик иш майдонига эга бўлган учириндилардан ясалган қирғичлар, понасимон қуроллар, ён, олд томонига ишлов берилган тош ўзаклари салмоғи камайган. Пайрақадан ясалган тешгич

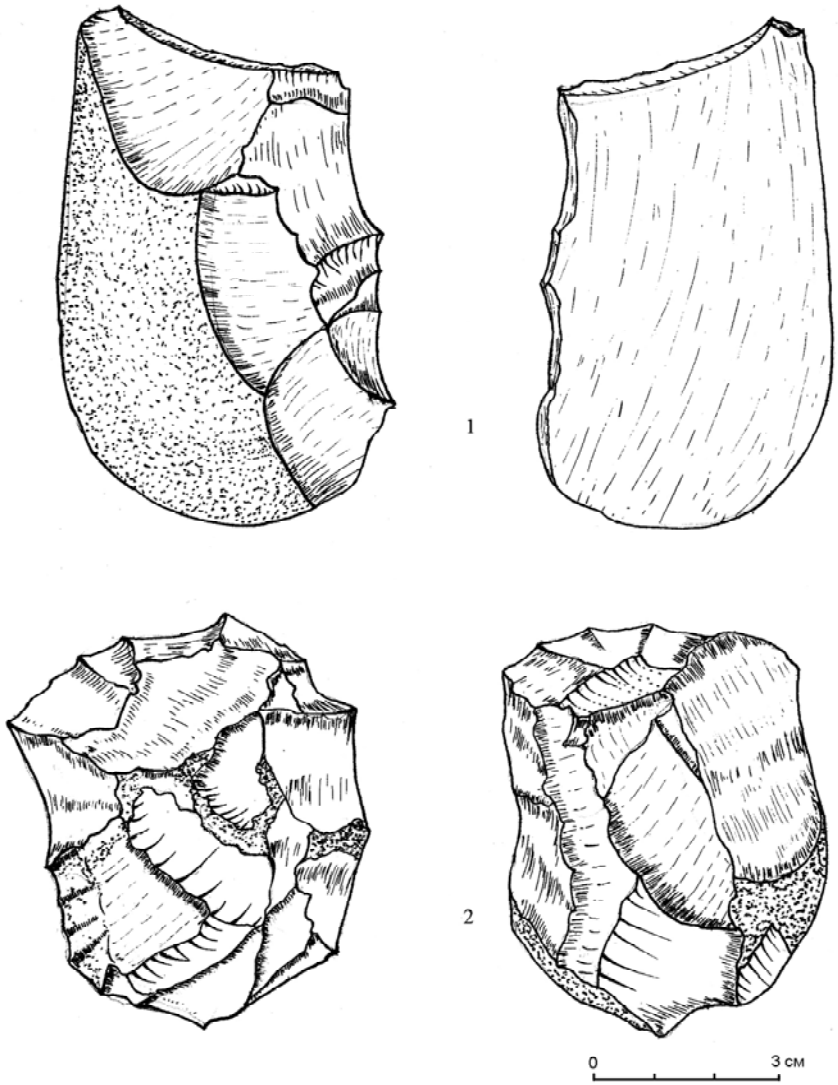
10-расм. Тепақул 4. Тош қуроллар. 1-6 - устки кесим ва ён қирралари бўйича турли усулда ишлов берилган парақа қуроллари; 7, 8, 10, 11 - ишлов берилган учирмалар; 9, 12-16 - қирғич қуроллар

11-расм. Тепақул 4. Тош қуроллар. 1-8 - устки кесим ва ён қирралари бўйича турли усулда ишлов берилган парақа қуроллари; 9-13, 15, 16 - учирмалардан ясалган қуроллар; 14, 17 - нақшли сопол буюм парчалари

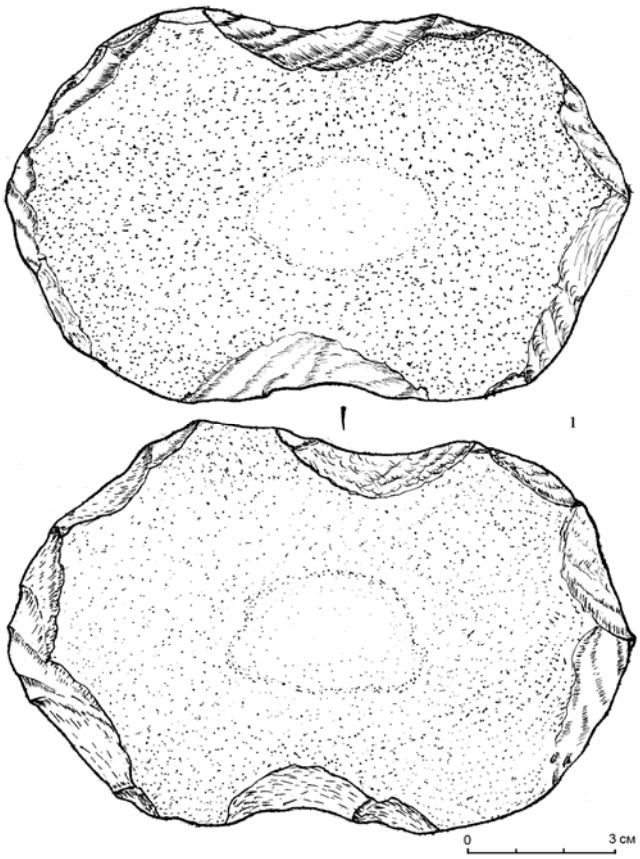

12-расм. Тепақул 4. Тош қуроллар. 1-11, 15-19 - устки кесим ва ён қирралари бўйича турли усулда ишлов берилган парақа қуроллар; 12-14 - тешкич қуроллар; 20-23 - учирмалардан ясалган қирғич қуроллар; 24, 25, 27-учирмалардан ясалган қуроллар; 26, 28 - учирмалардан ясалган тешкич қуроллар; 29, 30 - нақшли сопол буюм парчалари

13-расм. Тепақул 4.1, 2 - қайроқтош қуроллари

ускуналарнинг ясалиш шакл-шамойилида Тожикистоннинг тоғ минтақасида ўрганилган Тутқовул макони жамоалари тешгич қуролларига ўхшашлик кузатилди (Ранов, Коробкова, 1971). Микропайрақаларнинг сероблиги ва қўлланилган технологик усуллар макон тош индустриясининг ўзига хос хусусиятларидан бирини белгилайди. Учирмалардан ясалган қуроллар турли юмушларда, жумладан, арралаш, рандалаш, ёғоч ва суякларни қириш каби ишларда ишлатилган. Тутқовул типидаги тешгич қуролларнинг учраши ҳамда юқорида қайд қилинган хусусиятлар макон тош индустриясининг Ўрта Осиё тоғ минтақаси мезолит-неолит жамоалари моддий маданияти даражасига мансублигидан далолат беради. Макондан туркум ёрғучоқ тошлари, донни эзишда қўлланилган ўртача ҳажмдаги тошлар учратилган бўлиб, бу топилмалар Қоратепа минтақасида яшаган неолит жамоаларининг нафақат термачилик билан шуғулланишганлиги, балки улар турмушида зироатчиликнинг дастлабки куртаклари пайдо бўлаётганлиги борасида фикр юритиш имконини беради. Бу Зарафшон ҳавзаси қадимги цивилизацияси илк томирларидир.

14-расм. Тепақул 4. Йирик ҳажмли тош ушаткич

2-жадвал. Сазогон маданияти ёдгорликлари асосий тош буюмлари киёсий таққосланиши.

Тош буюмлар типлари	Ёдгорликлар									
	Сазоғон 1		Сазоғон II		Жангал I		Тепақул III		Тепақул IV	
	сони	%	сони	%	сони	%	сони	%	сони	%
Нуклеуслар, тошни йўниш билан боғлиқ предметлар	130	4,9	276	5,8	55	5,7	32	2,9	82	2,2
Ишлов берилмаган парақалар:	372	16,8	694	14,5	127	13,5	617	18,7	483	13
а) парақалар	227	10,3	448	9,3	69	6,5	308	9,3	210	5,6
б) микропарақалар	278	79,4	498	62,3	84	7,1	309	9,4	273	7,4
Ишлов берилмаган отшеплар	1357	63,4	3321	63,1	606	64,1	1959	59,2	1903	51
Парақадан ясалган қуроллар	72	3,3	301	6,3	72	7,6	276	8,4	442	11,8
жумладан микропарақалар	16	0,7	61	1,3	33	3,4	136	4,1	130	3,4
Отшепдан ясалган қуроллар	277	12,5	497	10,4	84	8,9	327	9,9	824	22

3-жадвал

Тош буюмлар типлари	Ёдгорликлар									
	Сазоғон 1		Сазоғон II		Жангал I		Тепақул III		Тепақул IV	
	сони	%	сони	%	сони	%	сони	%	сони	%
Ишлов берилмаган отшеплар	1634	76,1	3518	73,5	690	73	1959	59,2	1903	51
Ишлов берилмаган парақалар	444	20,1	995	20,8	199	21,1	617	18,7	483	13
Отшепдан ясалган қуроллар	278	79,4	498	62,3	84	53,8	327	51	824	65,1
Парақадан ясалган қуроллар	72	20,6	301	37,7	72	46,2	276	43	442	34,9
Микропарақалар ҳаммаси	161	31,2	317	24,4	91	34	445	49,9	403	44
Ишлов берилган микропарақалар	16	22,2	61	20,3	33	45,8	136	49,2	130	29,4

Тепақул 4 макони тош индустриясининг ўзига хос хусусияти масаласига эътибор қаратганимизда, Сазоғон 1, Очилғор макони пастки маданий қатлами, Чорбақти мезолит ёдгорликлари ва ҳаттоки Самарқанд макони тош индустриясига хос бўлган анъаналарнинг кузатилганлиги фактини алоҳида эътироф этиш лозим. Бу анъана призмасимон, конуссимон, ҳамда ён олд томонига ишлов берилган тош ўзаклари, уч қисмида ёйсимон ҳолатда бўртиб чиққан иш юзасига эга бўлган қирғичлар, тик бўйли иш юзасига эга бўлган қирғич лар, тирноқсимон микроқирғиччалар, понасимон қуроллар, учириндидан ясалган ён қиррасида ёйсимон ботиқ кўринишли ишлов берилган иш юзасига эга бўлган қуроллар, архаик кўринишдаги пайрақа қуроллар шакли ва ишлов берилиши услубида намоён бўлган. Тирноқсимон микроқирғичлар археолог Н.О. Хушвақтов тадқиқотида аниқланишича сўнгги палеолитнинг охирларида (мадлен басқичи—18000-12000 й.) пайдо бўлиб (Кўлбулоқ (I-III) қатламлари, Самарқанд макони, Сиабча, Хўжамазгил), кейинги мезолит ва неолит даврида кенг тарқалган (Хушвақов, 1912, 60, 61-б.). Мазкур типдаги қуролларнинг Тепақул 4 макони тош индустриясида мавжудлиги сўзсиз генетик алоқаларни ҳамда маданиятнинг ўзига хослик хусусиятини билишимизда аҳамиятлидир.

Юқорида келтирилган маълумотларга таяниб Тепақул 4 макони моддий маданияти борасида қуйидаги мазмунда якуний хулосаларни келтиришимиз мумкин:

1. Тепақул 4 макони тош индустрияси ўзига хос хусусиятлари, моддий манбалари, хусусан, тош қуроллари, сопол идишлари, зеб-зийнатлари характери ҳамда ёдгорлик геологик ҳолати ва саналаниши, стратиграфик маълумотлари, маданий қатлами структуравий тузилмалари ёдгорликни Сазоғон маданияти ёдгорликлари тизимига киритишимизга илмий асос яратади.

2. Тепақул 4 макони хронологияси масаласида қуйидаги жиҳатлар илмий асос беради: Юқорида Тепақул 4 макони тош индустриясида учиринди, пайрақалардан ясалган қуролларнинг нисбат салмоқлари ошганлиги ёки камайганлиги ёдгорлик хронологиясини аниқлаш омили эканлиги тўғрисида маълумотлар келтирилган эди. Шу тамойилга асослансак Тепақул 4 макони моддий маданияти Жангал 1, Тепақул 3 маконларига нисбатан Сазоғон 1, 2 ёдгорликлари моддий маданиятига яқин эканлиги маълум бўлди: Сазоғон 1 - мезолит даври сўнгги босқичи (мил. авв. 8-7 минг йиллик), Сазоғон 2 – неолит (мил. авв. 7-5 минг йиллик), Тепақул 4 - неолит (мил. авв. 6-4 минг йиллик), Жангал 1, Тепақул 3 – неолит (мил. авв. 5-3 минг йиллик). Ушбу хронологик тизимда Тепақул 4 макони ўзида сазоғон маданияти ривожининг ўрта босқичи моддий маданиятини акс эттирган деб ҳисоблаймиз.

3. Сазоғон хусусан, Тепақул 4 макони тош индустриясида Сазоғон 1, Очилғор макони пастки маданий қатлами, Чорбақти мезолит ёдгорликлари ҳамда Самарқанд макони моддий маданиятига хос тош қуроллари индустрияси анъаналарини куза-

4-жадвал

	Тош буюмлар гурухи ва типлари	Сазоғон I	Сазоғон II	Жангал I	Тепақул III	Тепақул IV
		%	%	%	%	%
1	Ишлов берилмаган парақалар (ҳаммаси)	20,1	20,8	21,1	19	13
2	Ишлов берилмаган отшеплар (ҳаммаси)	74	73,5	73,1	59,2	51
3	Тош ўзаклари: а) призмасимон	1,4	1,6	1,9	1,9	1,3
	б) конуссимон				1,8	0,4
	в) ён олд томонига ишлов берилган	1,3	0,4	0,1	0,2	0.1
	г) дисксимон				0,1	
4	Парақадан ясалган қуроллар (тош қуроллари умумий сонидан)	20,6	37,7	46,1	43	35
5	Отшепдан ясалган қуроллар (тош қуроллари умумий сонидан)	79,4	62,3	53,8	51,8	65,1
6	Микропарақалар (парақалар умумий сонидан)	36,3	30,9	45,7	49,9	44,2
7	Ишлов берилган микропарақалар (тош қуроллари умумий сонидан)	4,6	7,6	21,1	22,6	10,7
8	Парақадан ясалган қуроллар (тош қуроллари умумий сонидан) Елка томонидан ишлов берилган.	4	8,3	19,8	21,6	18,1
9	Астар томонидан ишлов берилган	8	15,2	8,9	10	6,4
10	Қарама-қарши томондан ишлов берилган	0,9	4	1,2	3,5	1,3
11	Ён қиррасида чуқурчаси бўлган парақа қуроллар	3,7	5,8	7,6	4,3	1,2
12	Уст кесим қисмига ишлов берилган парақалар	0,3	1,3	1,9	1,5	
	а) Қийшиқ ҳолатда				1	
	б) Тўғри ҳолатда				0,5	0,4
13	Тешгич қуроллар	0,9	0,6	0,6	1,8	2,2
14	Устки кесим қисмида иш майдонига эга бўлган қирғичлар	0,9	0,5		0,5	1,5
15	Архаик кўринишга эга бўлган парақалар				0,5	0,9
16	Отшепдан ясалган қуроллар (тош қуроллари умумий сонидан). Қирғичлар ҳаммаси	21,5	17	12,8	8,3	9
	а)тик иш майдонига эга булган киргичлар	5,4	3,9	2,6	1,2	1
	б) Паст бўйли тик иш майдонига эга бўлган қирғич	7,7	4,9	2,6	2,2	
	в) Ясси иш майдонига эга бўлган қирғичлар	4,3	6,1	7,6	3,3	
	г) "Тумшуқсимон" бурунчали иш майдонига эга бўлган қирғичлар	4	2,1		0,3	
17	Ён қирралари бўйича ишлов берилган отшеплар	32,1	21,6	26,2	30,8	37
18	Понасимон қуроллар	8	7,2	3,8	3,2	1,5
19	Тешгич қуроллар	7,4	6,3	8,3	3	3,3
20	Кеесгич қуроллар					3
21	Уч ён томони кемтилган қуроллар	8,5	5,6		0,5	
22	Ўқ ёй учлари а) икки тарафлама ишлов берилган	0,2	0,6	1,9	0,8	0,1
	б) ён қирралари бўйича ишлов берилган				0,5	
23	Қайроқтош қуроллар	2		4,4	3,6	5,6
24	Плиткасимон қирғичлар			1,9	0,8	1
25	Ёрғучоқлар				0,8	0,7

тиш имкони бўлди. Бу хусусият тош қуролларни тарихий тараққиёт босқичлари борасида эволюцияси ҳамда энг муҳими шу асосда генетик алоқалар бўлганлигини билишимизда аҳамиятлидир. Бу маълумотлар Ўрта Зарафшон воҳаси Қоратепа тоғ тизмаси шимолий ён бағри мезолит-неолит жамоалари маданияти келиб чиқиши генесологик илдизлари ворисийлик асосида, туб жойли маҳаллий тарзда бўлганлиги масаласини янада ойдинлаштиришга хизмат қилади.

4. Тепақул 4 макони сазоғон маданияти ёдгорликлари рамкасида тош индустрияси ўзига хос хусусиятлари (учириндили-парақали индустрия ҳамда тош қуроллари ичида понасимон қуроллар, тик иш юзасига эга бўлган қирғичлар, тирноқсимон микроқирғичлар, ён олд томонига ишлов берилган нуклеуслар, ён қирраларига турлича ишлов берилган учиринди қуроллари, қайроқтош қуроллари) билан Ўрта Осиё тоғ минтақаси мезолит-неолит жамоалари моддий маданиятини ўзида намоён этди.

Фойдаланилган адабиётлар:

Брунет Ф., Хужаназаров М., Хашимов Х. Новые данные к хронологии Кельтеминарской культуры в Узбекистане (VII-IV тыс. лет. до н.э.) // ИМКУ. Вып.38. Самарканд, 2012.

Виноградова Н.М., Ранов В.А., Филимонова Т.Г. Памятники Кангурттута в Юго-Западном Таджикистане (эпоха неолита и бронзового века). М., 2008.

Виноградов А.В. Древние охотники и рыболовы Среднеазиатского междуречья // ТХЭ. Т.XIII. М., 1981.

Гулямов Я.Г., Исламов У., Аскаров А. Первобытная культура и возникновение орошаемого земледелия в низовьях Зарафшана. Ташкент, 1966.

Джуракулов М.Д., Мамедов Э.Д. и др. Вопросы экологии и геологического возраста сазаганских стоянок // ВАДИЭ. Самарканд, 1985.

Джуракулов М.Д., Мамедов Э.Д. Геология археологических памятников Зарафшана (каменный век). Ташкент, 1986.

Джуракулов М.Д., Холматов Н.У. Мезолит и неолит Среднего Зарафшана. Ташкент, 1991.

Джуракулов М.Д., Мамедов Э.Д. и др. Полевая практика в горах Каратюбе. Самарканд, 1993.

Джуракулов М.Ж., Холматов Н.У. Тепақул - 4 неолит манзилгоҳи // Тарих ва истиқлол. Илмий мақолалар тўплами. Самарқанд, 2000.

Джуракулов М.Ж., Холматов Н.У. Самарқанд Университети тадқиқотларидан // Ўзбекистонда археологик тадқиқотлар-2000. Самарқанд, 2001.

Джуракулов М.Ж., Холматов Н.У. СамДУ археологик тадқиқотлар саҳифасидан (1995-2000) // Ўзбекистонда археологик тадқиқотлар - 2000. Самарқанд, 2001.

Джуракулов М.Ж., Холматов Н.У. Тепақул-4 неолит макони // ИМКУ. Вып. 33. Ташкент, 2002.

Джуракулов М.Ж., Холматов Н.У. Тепақул-4 неолит даври макони тадқиқот натижалари. Ўзбекистонда археологик тадқиқотлар - 2001. Ташкент, 2002а.

Джуракулов М.Ж., Холматов Н.У. СамДУ археология экспедицияси тарихидан. Мустақиллик йилларида Ватанимиз тарихини янгича ўрганишнинг долзарб муаммолари. Проф. М.Ж. Журакуловнинг таваллудиниг 70-йиллигига бағишланган республика илмий назария конференция материаллари. Самарқанд, 2002б.

Исаков А.И. Саразм. Душанбе, 1991.

Ранов В.А., Коробкова Г.Ф. Туткавул многослойное поселение гиссарской культуры в Южном Таджикистане // СА. 1971, №2.

Холматов Н.У. Тепақул неолит макони тадқиқотлари саҳифасидан. Ўзбекистонда археологик тадқиқотлар-2002. Тошкент, 2003.

Холматов Н.У. Ўрта Зарафшон неолит даври моддий маданиятининг баъзи хусусиятлари (Тепақул - 4 макони асосида) // СамДУ Илмий тадқиқотлар ахборотномаси. 2004. №4.

Холматов Н.У. Самарқанд университети тадқиқотларидан. Ўзбекистон археологик тадқиқотлар-2004-2005. Тошкент, 2006.

Холматов Н.У. Қоратепа тош даври жамоалари моддий маданияти (Ўрта Зарафшон воҳаси) // ИМКУ. Вып. 35. Ташкент, 2006.

Холматов Н.У. Мезолит и неолит Нижнего Зарафшана. Ташкент, 2007.

Холматов Н.У. Ўзбекистон неолит даври жамоалари моддий маданияти. Тошкент, 2008.

Холматов Н.У. Тепақул 3 макони Сазағон маданияти тизимида // ИМКУ. 38-нашри. Самарқанд, 2012.

Холматов Н.У. Сазоғон маданиятига оид янги археологик манбалар хусусида // СамДУ ахборотномаси. 2012, №2.

Хушвақов Н.О. Кўлбулоқ ёдгорлигининг юқори қатламларидаги (1-3) тош буюмларининг техника типологияси ва саналаниши ҳақида // ИМКУ. 38-нашри. Самарқанд, 2012.

Szymczak K., Khydzhanazarov M. Exploring the Neolithik of the Kyzyl-Kums: Ayakagutma the «the Site» and other collections. Warsaw, 2006.

УДК: 902

ОБРАЗ КОНЕВОДА И ПРИРУЧИТЕЛЯ КОНЕЙ НА ТЕРРАКОТОВОЙ ПЛАКЕТКЕ ИЗ ТОХАРИСТАНА

© 2014. Т.Дж. Аннаев

Институт археологии Академии наук Республики Узбекистан

Ключевые слова: *Узун, Караултепа, терракотовая плакетка, аркан, арканщик, коневод, приручитель коней, владетель, табун коней, Тохаристан, терракота, коропластика, юэ-чжи, карлуки, Гуфтан, Сурхандарья, Тавка.*

Мақолада Тоҳаристондан топилган терракота ҳайкалчада тасвирланган от ўргатувчи-йилқичи образининг илмий талқинига бағишланган. Мақолада таърифи баён этилган ҳайкалчанинг топилган жойига аниқлик киритилган, мазкур топилма ҳақида нашр этилган мақолалар бўйича танқидий мулоҳазалар билдирган.

THE IMAGE OF THE HORSE-BREEDER AND HORSE TRAINER IN A TERRACOTTA PLATE OF TOKHARISTAN.

T.Dj. Annaev

In this article the exact location of a given plate is distinguished and the described figure is discussed as the image of a horse-breeder and horse trainer.

Представляемая плакетка (рис. 1) впервые опубликованная Г.И. Богомоловым и Ш.Р. Пидаевым (Богомолов, Пидаев, 2001. С. 81-89: Pidaev, Kato, 2002. P. 52, fig. 77) впоследствии рассматривалась Т.К. Мкртычевым, Дж.Я. Ильясовым (Мкртычев, Ильясов, 2005. С. 497-523), а также В.С. Соловьевым (Соловьев, 2007. С. 67-68). Из-за недостаточной информации данная находка уже фигурирует в археологической литературе как не имеющая определенного местонахождения.

Безымянный памятник, где была обнаружена плакетка, расположен в нескольких километрах ниже архитектурного памятника Ак астана бобо по течению реки Сурхан, на ее левом берегу, в селении Янги ҳаёт (бывшее Караултепа). Здесь в связи с изъятием с его поверхности земли, значительная часть объекта разрушена, вследствие чего невозможно установить его точные размеры. На памятнике высота культурного слоя достигает более 4 метров. Для терракотовой плакетки (орнаментация, ангобное покрытие, а также стратиграфия памятника) наиболее приемлемая дата VII в. н.э. Данный оригинальный предмет художественного искусства с изображением персонажа с арканом в руках, как верно отметили Т. Мкртычев и Дж. Ильясов, впервые встречается в раннесредневековой иконографии Тохаристана (Мкртычев, Ильясов, 2005. С. 515).

[*] В литературе существует несколько версий относительно места находки данной статуэтки: окрестности Халчаяна (Богомолов, Пидаев, 2001, с. 81), Узун (Pidaev, Kato, 2002, fig. 77) и даже Каратепа. Характеризуемая плакетка была найдена в 1998 году санитарным врачом узунской СЭС А. Омоновым. В том же году находка была передана сотрудникам Узбекистано-Японской экспедиции на Каратепа (Старый Термез), которые совершали поездку в Узунский туман Сурхандарьинского вилоята в составе Т. Аннаева, Като Куидзо, Ш. Пидаева, Д. Русанова и Б. Тургунова. По-видимому, руководитель совместной экспедиции из-за занятости не счел возможным уточнить условия находки данной терракотовой плакетки.

По мнению первых исследователей на терракотовой плитке воплощен образ арканщика. Он, т.е. «арканщик изображает духа - охранителя, призванного защищать владельца от порождения злых сил и наваждения колдунов, он защитник правды и закона» (Богомолов, Пидаев, 2001. С. 89). Т.К. Мкртычев, Дж. Я. Ильясов, рассматривавшие в числе других плакеток также данную плакетку, предполагают, что «образ арканщика на тохаристанских плакетках демонстрирует свободную переработку византийского прототипа (Давид с пращой) в соответствии с реалиями своего времени (кафтан надетый на одно плечо)» (Мкртычев, Ильясов, 2005. С. 519.) В.С. Соловьёв, объединив обе точки зрения в единое полагает, что изображенный персонаж на плакетке призван защитить владельца от арабских захватчиков во время завоевания ими Тохаристана (Соловьев, 2007. С. 68).

Рис. 1. Терракотовая плитка. Караултепа (Узун)

Поза изображенного персонажа, в частности расположение аркана на руках фигуры, одеяние, в том числе кафтан, надетый на одно плечо, местность где обнаружена терракотовая плакетка, а в целом также этническая ситуация в Северном Тохаристане делает возможным по иному трактовать изображенный персонаж. Следует отметить, изображенный на терракотовой плакетке персонаж, не арканщик, а тем более и не прашечник. Как нам представляется, здесь воплощен образ коневода UİLQİCİ (ДТС, с. 267), который обучал коней «ajyir» (айхиров, ДТС, с. 65) для верховой езды. На его руках «UQRUQ» (ДТС, с. 613) или ÖRGAN (ДТС, с. 388) т.е. аркан, предназначенный для ловли молодых коней. На голове фигуры летняя шапка (қалпоқ) «киргизского типа» (Шаниязов, 1974. С. 257), увенчанный в верхней части подобием короны. В силу этих особенностей можно полагать, что изображенный на терракотовой плакетке персонаж является владетелем табуна коней (ÜGÜRLÜG; ÜGÜRLUG ER, ДТС, с. 623).

Левобережье верхней Сурхандарьи до отрогов гор Бабатаг в древности и средневековье было более удобно для ведения скотоводческого хозяйства, в том числе и для разведения коней. В непосредственной близости к памятнику, где обнаружена данная плакетка, расположен могильник Биттепа (Ртвеладзе, 1986. С. 194-209), появление которого связано с распространением тюркского этноса в Северном Тохаристане.

Коневод и приручитель коней, чей образ был воплощен на терракотовой плакетке, являлся представителем тюркского этноса. Коневодство у древних тюрков, как и

у ираноязичных племен Средней Азии и других народов Старого Света (Кузьмина, 1977. С. 28-57; Беленицкий, 1978. С. 31-39), являлось распространенным видом хозяйства. Ярким примером тому богатейшая древнетюркская терминология, связанная с коневодством (ДТС, с. 28; 65; 132; 157; 164; 202; 204; 222; 267; 287; 388; 448; 455; 465; 504; 526; 578; 613; 623; Щербак, 1967. С. 82-172 и т.д.). Китайский буддист-паломник Сюань Цзянь во время его пребывания в ставке Тун Ябгу кагана в Суябе с удивлением писал «о многочисленности у них лошадей, которых невозможно подсчитать» (Бобоёров, 2011. С. 29). Исторические его корни восходят к жителям «Государства Юечжи» после переселения «Да-юечжи» (Великие юечжи), создателей одной из величайших империй древнего мира «Кушанского государства», происхождение которых все более обоснованно относят к древним тюркам (Ходжайов, 2010. С. 95-177).

В одном из комментариев «Шицзы» сказано, что Рузие (Юечжи) является коневодческой страной (Ходжайов, 2010. С. 110). В том же источнике в комментариях к этнониму Дай-рузие, отмечено: «у них города и дворцы не отличаются от городов-государств Дайцзинь, народ имеет красно-белый цвет кожи, ловко стреляют на конях… Рузие являются людьми на конях» (Ходжайов, 2010. С. 141). В сочинении «У ши вайго цзи» (Записки об иноземных государствах периода царства У 222-280), китайского морского путешественника (его выход в море относится примерно к 226 г.) сказано, что «в Поднебесье имеются три знаменитые страны. Китай славится большой численностью людей, Великий Цинь (Дайдцинь, в совр. чтение Дацинь-Римская империя) - драгоценностями, Рузие - множеством коней (Ходжайов, 2010. С. 147).

Раннее средневековье - пора интенсивного расселения древних тюрков в области Тохаристан (Кляшторный, 1964. С. 143; Литвинский, Соловьев, 1985. С. 145-146; Пугаченкова, Ртвеладзе, 1990. С. 134-135; Соловьев, 1997. С. 37-39; Маликов, 2001. С. 47-48; Бобоёров, 2002. С. 10-11 и т.д.).

В хронике Таньшу, посвященной области Хутталь, наряду с другими особенностями подчеркивается, что «страна богата великолепными лошадьми».

По сообщениям Хой Чао, царь этой области происходил из племени тюрок, половина жителей владения тюрки, говорящие на своём языке (Fuchs, 1938. S. 452-453; Беленицкий, 1948. С. 162-167; 1950. С. 109-127). О том, что у тюрок были огромные стада скота, свидетельствует факт захвата арабами у них в Хуттале после одного боев более ста пятидесяти тысяч овец и множества лошадей (Табари, 1987. С. 251). Согласно «Худуд ал-алам» в степях Тохаристана жили тюрки-халлухи, которые производили лошадей, овец, много зерна и различных фруктов (Камалиддин, 2007. С. 10). Упоминание халлухи-карлуков в письменных источниках относится к предарабскому времени (Бартольд, 1968. С. 547).

В том же персоязычном источнике «Худуд ал-алам» Хутталан характеризуется как местность, «на которой разводят много хороших коней» (Бўриев, 2003. 93-б.) О разведении лошадей говорится также и в Чаганиане» (Бўриев, 2001, 177-бет).

Охота, скачки на лошадях, а также состязания (поздний вариант кўпкари – отулоқ) один из важных элементов повседневной жизни аристократии западных тюрков. В этой связи особого внимания заслуживает живописное оформление одного из залов «таможенной крепости» (Рахманов, 2001), форта (Ртвеладзе, 2002. С. 65) или же, на наш взгляд, одной из резиденций правителей Гуфтана (Куфтана), локализуемой в Шерабадском оазисе. Живопись Тавки состоит из двух ярусов:

нижний воспроизводит сцену охоты на диких животных, а росписи верхнего яруса демонстрируют нам представителей этноса, имеющего небольщую монголоидную примесь, а изображение некоторых персонажей с выстриженной головой и отдельными оставленными локонами, явно указывают на принадлежность их к гуннскому кругу (Абдуллаев, 2010. С. 244).

Время создания живописи Тавки, а в целом, сооружения и функционирования главного здания на самой возвышенности «Нон дахана» передатирована нами второй половиной VII-704 г. (Аннаев, 2013. С. 42-47). Э.В. Ртвеладзе на основании анализа нумизматического материала, доказал, что правление представителей западнотюркской династии в Гуфтане (Куфтан), (Ртвеладзе, 2006. С. 150-151) относится к началу VII в.

Таким образом, персонаж на терракотовой плакетке из Караултепа не является «защитником закона и правды» и «не предводитель тохаристанцев в борьбе против арабов», а непосредственный прообраз самого коневода, приручителя коней или же владетеля табуна коней из числа уже господствующих представителей тюркского этноса.

Использованная литература:

Абдуллаев К. Живопись крепости Тавка. К проблеме этнической ситуации в Тохаристане (по данным настенных росписей) // Цивилизации и культуры Центральной Азии в единстве и многообразии. Самарканд-Ташкент, 2010.

Аннаев Т.Дж. По поводу сооружения, датировки и интерпретации одного археологического памятника Северной Бактрии-Тохаристана // Археология Узбекистана, 2(7). 2013.

Бартольд В.В. Карлуки. – Соч., т. 5. М., 1968.

Беленицкий А.М. Хуттальская лошадь в легенде и историческом предании // СЭ. №4. 1948.

Беленицкий А.М. Историко-географический очерк Хутталя с древнейших времен до X в. н.э. // ТСТЭ. Т. I. М.-Л., 1950, МИА №15.

Беленицкий А.М. Конь в культах и идеологических представлениях народов Средней Азии и Евраазийских степей в древности и раннем средневековье // КСИА, вып. 154. М., 1978.

Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 2. М.-Л., 1950.

Богомолов Г.И., Пидаев Ш.Р. Терракотовая плакетка из Сурхандарьи // ИМКУ, вып. 31. Ташкент, 2001.

Бобоёров Ғ. Турк ҳоқонлиги даврида Тохаристон // Мозийдан садо. 2002, 4(16).

Бобоёров Ғ. Тун Ябғу ҳоқон. Тошкент, 2011.

Бўриев О. «Ҳудуд ул-олам» дан // Чағониён тарихи. Тошкент, 2001.

Буриев А. Персоязычние источники. «Худуд ал-алам» // Материалы по этнической истории тюркских народов Центральной Азии. Ташкент, 2003.

Древнетюркский словарь. Л., 1967.

Камолиддин Ш. Культура оседлых тюрков Средней Азии. Ташкент, 2007.

Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964.

Кузьмина Е.Е. Распространение коневодства и культа коня у ираноязычных племен Средней Азии и других народов Старого света // Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1977.

Маликов А.М. Тюрки Тохаристана в раннем средневековье // Термиз шаҳрининг жаҳон цивилизациясида тутган ўрни. Тошкент-Термиз, 2001.

Мкртычев Т.К., Ильясов Дж.Я. Терракотовые плакетки из Тохаристана // Центральная Азия. Источники, история, культура. М., 2005.

Литвинский Б.А., Соловьев В.С. Средневековая культура Тохаристана. М.,1985.

Рахманов Ш.А. Тавка. Тошкент, 2001.

Ртвеладзе Э.В. Средневековый могильник Бит-тепа в Чаганиане // СА, №4. М., 1962.

Ртвеладзе Э.В. Западные тюрки в Куфтане (Северный Тохаристан). Династические связи Чача и Куфтана // Материалы Тохаристанской экспедиции. Вып. 6. Елец, 2006.

Пугаченкова Г.А., Ртвеладзе Э.В. Северная Бактрия-Тохаристан. Ташкент, 1990.

Соловьев В.С. Северный Тохаристан в раннем средневековье. Елец, 1997.

Соловьев В.С. Искусство раннесредневекового Тохаристана. Елец, 2007.

УДК: 902. 6. (575. 1)

ЗООМОРФНЫЕ КУЛЬТЫ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО ЧАЧА

© 2014. Г.И. Богомолов

Институт археологии Академии наук Республики Узбекистан

Ключевые слова: *Чач, Каунчинская культура, зооморфные образы, тотемизм, анимизм, инкарнация, раннее средневековье, религиозный синкретизм, сакральный, Фарн, хтонический.*

Илк ўрта аср давридади Чоч (Тошкент воҳаси) аҳолисининг хайвонларга сиғинишини маҳаллий диний маросимлар тизимига киритиш мумкин. Улар ўзига хос анъана маҳсулоти ва диннинг муттассиллигини ифодалайди. Айрим жониворларга сиғиниш уларга нисбатан алоҳида муносабат билан ўз аксини топган. Улар сопол, узук, муҳр ҳамда билакузукларда тасвирланган. Баъзида жониворлар қиёфаси идиш-товоқ ва ўчоқ тагликаларида ифодалаган. Чамаси, илк ўрта аср даврида уларда тотемистик тасаввурлар акс этмаган. Тўғрироғи, уларга топинч жониворларнинг айрим "хусусиятларини" (чаққонлик, куч-қувват, матонатлилик, тажовузкорлик, серпуштлик ва ҳ.к.) ифодалаш мақсадида буюмларга баъзи жониворлар тасвири туширилган. Ундан ташқари кўп маъбудлар рамзлари дастлаб жониворлар қиёфасида тасвирланган. Илк ўрта аср даврида жониворларни илоҳийлаштириш диний маросимларнинг муҳим бир тури бўлган. Махаллий халқ сеҳр ва жоду орқали маъбудларни ўзига мойиллаштириб, ҳомий ва ҳимоячиларга айлантирмоқчи бўлган. Жониворларни эъзозлаш ҳамда уларни қурбон қилиш уй-жой ва диний удумларнинг таркибий қисмига айланган. Илоҳийлаштирилган жониворлар билан боғлиқ тасвир, безак ҳамда нақшлар узоқ вақт мобайнида яхши рамзий маъно сифатида сақланган.

ZOOMORPHIC CULTS OF EARLY MEDIEVAL CHACH

G.I. Bogomolov

Zoomorphic cults of early medieval population of Tashkent oasis can be attributed to a form of local cults. They were a typical product of tradition and popular religious syncretism. Zoomorphic cults reflected in the special treatment to certain types of animals. They depicted on ceramics, rings, seals, bracelets. In some cases, animal forms were attached to vessels or hearth supports. It is obvious that in the early Middle Ages they not reflected the totemic beliefs. Evidently belief in them was supported by special "properties" of animals (speed, strength, stamina, aggressiveness, fertility). That is they believed that using thing each man communicated to some special properties attributed to these animals (fertility, strength, etc.). In another side the image of the animals were put on the things with the aim to protect the man from magical machinations of evil forces. In addition animals were incarnations, symbols of various deities, many of whom were themselves originally zoomorphic shape. All it shows that the sacralization of animals in the early medieval times was an important forms of popular cults. When using various magical acts sought to appease them and turn in their protectors and patrons. Veneration or animal sacrifice becomes a component of religious and domestic rites, and zoomorphic code in the decor for a long time is saved as the embodiment of auspicious symbols.

Чач, Ташкентский оазис, один из крупных присырдарьинских регионов. Материалы археологических исследований показывают, что одним из широко распространенных явлений религиозной и бытовой культуры раннесредневекового населения Чача было особое почитание отдельных видов животных.

Почитание животных (зооморфные культы) восходят к древнейшим страницам человеческого общества (анимистическим и тотемистическим представлениям) и известны в истории любого народа, когда к ним возводилось происхождение родовых или племенных групп, в образе животных почитались определенные явления и силы природы. Не случайно мифология и позднейший эпос многих народов основаны на культе животных и воплощении в них богов и героев (Штернберг, 1936. С. 191). Показательно и то, что в мифологической традиции животные часто выступа-

ют олицетворением космических сил как в положительном, так и в отрицательном их аспекте. В первом случае они воспринимаются как средоточие творческого начала, во втором – хаоса (божеству или герою необходимо победить животное, чтобы установить миропорядок). По мере развития религиозных представлений некоторые животные стали считаться проявлением или воплощением того или иного божества. Видимо, ступенькой в этой трансформации было представление о воплощении духов в животное. Поэтому многие божества почитались в облике священных животных, которых они олицетворяли.

Зооморфные культы раннесредневекового населения Ташкентского оазиса нашли свое отражение в особом отношении к тем или иным животным и птицам. Они изображались на керамике, перстнях, печатях, браслетах. В отдельных случаях сосудам придавалась формы животных. Вряд ли в эпоху раннего средневековья они отражали тотемистические представления, скорее всего, вера в них крепилась на особых "свойствах" тех или иных животных (быстрота, сила, выносливость, агрессивность, плодовитость и т.д.). К эпохе раннего средневековья многие из них трансформировались в более сложные представления, связанные с сакрализацией отдельных видов животных, образы которых к тому же наделялись зороастрийской направленностью. Но в народной традиции, часто далекой от официальных доктрин, образы животных чаще всего были связаны с магико-охранительной практикой. Поэтому нередко изображение животных преследовало цель магической защиты владельца от происков злых сил. Кроме того животные выступали символами различных божеств, многие из которых первоначально сами имели зооморфный облик, позже с усложнением религиозных представлений их зооморфная сущность сохранилась в присущих для них эпитетах или трансформировалась в их инкарнации, ездовых животных или животных считавшиеся посвященными определенному божеству. О распространении в раннесредневековых городах Средней Азии культа животных свидетельствуют письменные источники, согласно которым на площадях и перекрестках городов стояли статуи животных (Ремпель, 1977. С. 95).

Одним из самых распространенных культовых животных был **баран**. Видимо, на популярность образа повлияло его важное экономическое значение в жизни древнего населения оазиса. Баран как ценность воспринимался как мера богатства и даже власти. Не случайно в легенде о приходе к власти Сасанида Арташира Папакана баран символизировал царский фарр (воплощение божественной избранности и благодати, даруемой царям; не обладающий фарром не сможет получить власть, какими бы достоинствами он не обладал, и наоборот обладающий им, станет царем, не смотря на все трудности). Схожие представления о связи барана с богатством, плодородием (процветанием) дают греческие мифы о золотом руне. Показательно, что именно золотая фигурка барана венчала головной убор сакского вождя из кургана Иссык в Семиречье (Акишев, 1974. С. 63).

Баран воспринимался как одна из инкарнаций авестийского божества Хварна (Фарна) – божества благодати, богатства, славы. Считается, что из хорошо засвидетельствованного конкретного значения слова «хварна» – «добро, богатство» позже развилась ипостась со значением «Благая Судьба» (Фарр - из среднеперсидского «блеск, сияние»). В ее власти было даровать удачу, победу, успех царям и героям (Дрезден, 1977. С. 356), т.е. наделить его благодатью.

У народов Средней Азии домашний баран считался чистым животным. Устойчивы были представления о свойствах барана (плодовитость, здоровье и т.д.). Именно с этой магической целью он изображался на ручках сосудов и очажных подставках Каунчинской культуры, охватывавший широкий ареал правобережья Сырдарьи со II в. до н.э по VI в. н.э. В последующее время, к V-VI вв., происходит замена изо-

бражения животного его символической частью – изображением рогов в виде *S*-образного завитка, то ли это дальнейшая стилизация образа, то ли рога уже выступают в качестве самостоятельного отвращающего несчастья символа. В эпоху раннего средневековья появление таких же знаков в виде *S*-образных фигур и отпечатков, имитировавшие копытца барана, фиксируются на сырцовых и жженых кирпичах общественных и жилых сооружений на городище Канка, крупнейшего городского центра оазиса. Совершенно очевидно, что эти изображения наделялись магическими функциями и выступали в качестве как амулетов-оберегов, призванных оградить владельцев от воздействия злых сил, так и наделить их определенной благодатью. Видимо, с этими же представлениями связана популярность изображения фигурок барана-кучкара, барана-производителя с закрученными рогами среди детских игрушек в археологических комплексах античности и раннего средневековья. В прочем изготовление игрушек и свистулек в виде фигурок барана сохранялась вплоть до позднего средневековья. Все это показывает, что его изображения на сосудах и других предметах несли благопожелательную функцию и были призваны магически наделять владельца удачей, достатком и обилием в доме. К другим проявлениям этих же представлений можно отнести узор из бараньих рогов, который сохранился до наших дней в орнаменте узбекских и казахских вышивок и ковровых изделий.

Поверья, связанные с бараном, были широко распространены у многих народов. Так, у лезгин он тоже связывался с символикой благопожелания. Считалось, что баранья шерсть делает человека бесстрашным; мозг черного барана укрепляет ум, глаза - зрение, печень и сердце придают храбрости (Гаджиев, 1977. С. 118). Вместе с тем, баран одно из самых предпочтительных жертвенных животное, о чём свидетельствуют находки единичных бараньих рёбер, сгоревших до синего цвета, среди травянистого заполнения отдельных культовых очажков. Схожие жертвоприношения делались у бурят, когда "грудную кость барана обертывали внутренним жиром животного, и она очень долго горела" (Галданова, 1987. С. 22). К кругу этих представлений следует отнести обычай совершать "худойи" – жертвоприношение, как правило, угощение по случаю поминок, а так же угощение с богоугодной целью в качестве умилостивительной жертвы. Чаще всего жертвовали барана (поедание жертвенного барана должно было отвратить несчастье и неудачи). Поэтому по поверьям узбеков, ему как особо чистому существу в отличии от других домашних животных никогда не вешали на шею амулетов. Считалось, что он сам оберегает хозяев от духов и дурного глаза (Снесарев, 1969. С. 315).

Ряд суеверных представлений связан даже с отдельными костями барана, этнографически засвидетельствовано наделение барана лечебными свойствами (например, от бесплодия). Видимо, поэтому в археологических комплексах иногда встречаются астрагалы с отверстиями для подвешивания. Скорее всего, они служили амулетами-оберегами. Интересен еще один аспект – пожилые люди до сих пор используют астрагалы или связанные вместе бараньи челюсти в качестве символических замков-оберегов. Иногда на связанных вместе бараньих челюстях углем даже рисуют глаза.

Бык. Культовое отношение к этому животному сказалось в оформлении в виде головы быка очажных подставок, налепов-сливов на сосудах, терракотовых фигурках. На дисковидной керамической печати с городища Киндиктепа на одной стороне прорезано изображение быка с большими рогами, на другой – олень. В торце по оси проделано сквозное отверстие для шнурка (Левтеева, 2014. С. 21). Культ быка многоаспектен: во-первых, он тесно связан с идеей плодородия и растительным миром. Многие исследователи, в частности К.В. Тревер, связывают его с водным нача-

лом (Тревер, 1940. С. 76). Возможно, действительно, этим объясняется причина устойчивой традиции в эпоху раннего средневековья оформлять сливы или даже сами сосуды в виде быка (Беленицкий, 1979. С. 90). Во-вторых, если учитывать влияние зороастрийских представлений, бык считался инкарнацией ряда зороастрийских божеств, на пример, мог символизировать Вретрагну, Тиштрию. Но особенно тесно бык связан с образом Митры. В этой связи интересно украшение отдельных терракотовых фигурок бычка солярными или астральными символами.

Менее прослежена связь быка с лунным божеством. Рога, расположенные полумесяцем, связь с водой и с растительностью вводили его в круг лунарных животных. Неслучайно на серебряном сасанидском блюде из Государственного Эрмитажа именно бык везет колесницу с сидящим на ней божеством Мах (Луны) (Луконин, 1977. Рис. 183).

Нельзя исключать, что бык мог быть объектом царского культа (обожествленного царского предка). Косвенное указание на это дают материалы Шахнаме. Мифические цари Турана Афрасиаб и Агрерат происходят от гандарвы ("водяного демона") (Беленицкий, 1979. С. 89). Возможно, поэтому перед царем Афрасиабом и Сиявушем при их встрече ставят золотой тахт (трон), ножки которого оформлены в виде головы буйвола (Беленицкий, 1962. С.18).

Таким образом, конкретным проявлением культа быка стали его изображения, использовавшиеся в качестве амулета-оберега. Видимо, определенные культовые действия совершались и с самими животными, о чем свидетельствуют этнографические наблюдения. У лезгин, чтобы сохранить в семье достаток и благополучие, быка или корову обводили вокруг жилого дома (Гаджиев, 1977. С.117).

Козел. Образ этого животного был не менее популярен, он встречается как в виде отдельных терракотовых фигурок, так и в виде фигурного оформления ручек и сливов сосудов (обычно в виде головы животного). Терракотовые фигурки в виде козла происходят с городищ Канка, Кендиктепа, Паркента. Известны керамические и бронзовые печати (каунчинской культуры), так же оттиски гемм на раннесредневековой керамике и терракоте с изображением этого животного. С городища Намудлыг в слоях VI-VIII вв. был найден лепной красноглиняный кувшинчик. С четырех сторон к его устью тянулись 4 ручки, которые завершались головками козлов. У венчика они соединялись между собой широкими рубчатыми рогами. С городища Кугаит-тепа происходит керамическая печать с изображением козла. Им, видимо, придавали характер апотропея, учитывая драчливый, упрямый характер животного. Схожие представления зафиксированы у памирцев и лезгин, причем последние пускали козла с большими рогами в стадо от "сглаза" или нечистой силы (Гаджиев, 1977. С. 118). Но в тоже время изображение козла связывается с солярным культом и идеей плодородия (Антонова, 1983. С. 27-28). Предполагается, что культ козла складывается еще в эпоху энеолита и бронзы (Массон, 1982. С. 62; Аскаров, 1977. С. 208 (3), С. 209 (20). О связи козла с идеей плодородия говорит распространение у многих народов обычая рядиться козлом и собирая по домам пожертвования для новогодних весенних праздников (Гаджиев, 1977. С. 118). Горный козел в представлениях древних тюрков был тесно связан с небом. В ряде случаев изображения горного козла изображены на древнетюркских памятниках Монголии и Тувы. Предполагается, что на стелах тюркских каганов они выступают в роли кагановских знаков-тамг, т.е. являлись символами их власти (Грач, 1973. С. 323). Хотя и в Средней Азии и в Южной Сибири изображения горного козла были характерны ещё для сакского времени. Причем в количественном отношении его изображения занимают одно из ведущих мест среди персонажей петроглифов. Еще А.Н. Бернштамом была высказана мысль, что изображения козла не столько тотемный,

Рис. 1. Сосуды из погребений каунчинской культуры II-IV вв .н.э. Ташкентская область. 1-2,4-5 - кружки с изображением барана на ручках; 3 - кружка с изображением волка или собаки; 6 - крупный двуручный сосуд со стилизованными изображениями (бычков ?); 7 - крупная кружка с удвоенной ручкой (полная стилизация изображения лошади)

сколько солярно-космический образ. Так в наскальных изображениях Саймалы-таш козел шествует среди изображений солнечных дисков (Бернштам, 1952. С. 223). Показательно, что часто характерной деталью его образа являются утрированные изображения огромных дугообразных рогов. Как считают некоторые иследователи такая передача рогов ассоциациируется с аркой видимого небесного свода. И поэтому сами рога воспринимаются как дуга небесного свода, а сам козел

Рис. 2. 1 - рог оленя, найден рядом с культовым очажком в храме VI - нач. VII вв. на городище Канка; 2 - слив керамического горшка, оформленный в виде головки горного козла. Городище Мингурик (Ташкент); 3 - булла с изображением горного козла. Храм VI - нач. VII вв. на городище Канка; 4 - терракотовая плитка с образом небесной музыкантши с изображением горного козла в медальоне на одежде (5). Окрестности городища Канка; 6 - очажная подставка в виде головы бычка. V-VI вв. Глина, городище Эгартепа; 7 - схематическое изображение лошади на стенке сосуда. VI-VII вв. Городище Канка

отождествлялся с небом (Окладников, 1981. С. 40). Не случайно в алтайском эпосе «Когутэй» Хозяин земли и вод предстает в образе огромного черного горного козла, рога которого поднимаются выше облаков. Взмахом своих рогов он забрасывает человека в иной мир (Антонова, 1984. С. 216).

Видимо, схожие представления о связи горных козлов с небом бытовали и у народов Средней Азии. Киики почитались как чистые животные, которых пасут ангелы (Андреев, 1958. С. 226) У туркмен их покровителем считался святой Бурх-Буркут. Он посылал облака, чтобы они насытили землю дождем ради них и их детенышей (Басилов, 1970. С. 26). То есть Бурх здесь выступает как небесный пастух, а облака это небесные козы и бараны, которые по его желанию помогают земным собратьям, орошают землю, принося ей плодородие. Отсюда и представления об их особой чистоте и благости. К этому же ряду относятся поверья горцев, что мясо горного козла считалось настолько чистым, что съевший его человек на 40 дней очищался от всех грехов (Литвинский, 1962. С. 134). М.С. Андреев отмечал, что у памирских народов ещё недавно существовал обычай наносить на скалах, а также на стенах домов изображения горных козлов, где они сочетались с рисунками звезд, месяца и дерева. Считалось, что все эти рисунки приносят счастье, благополучие и способствуют увеличению домашнего скота и надоев молока (Андреев, 1958. С. 475).

Возможно, во всем этом следует видеть отражение глубоко архаических представлений о связи козла, как и барана с водой. Козлы и бараны подпирают рогами небо. Небесные воды содержатся в облаках, выше которых поднимаются обитатели гор – эти копытные. Именно поэтому в народной традиции вплоть до средневековья было устойчивым обычаем помещать изображения козлов на сосуды для питья (в виде ручек или сливов). В символическом контексте они олицетворяли связь с небом, небесной водой, чья живительная влага способствовала благополучию и наделяла ею всякого пьющего из сосуда. Существует и другая точка зрения, что связь горного козла с водой указывает на его принадлежность к другому миру, сочетание его изображений с птицей или змеей отражает идею его принадлежности к среднему миру. Где козел наделялся функцией медиатора-посредника, соединявшего небо и землю и способного призвать на землю изобилие воды и дождя (Антонова, 1984. С. 105 и сл.).

Достаточно ярко связка козел-вода (источник) отражена в легенде о святом Бурхе, по указанию которого при строительстве мавзолея необходимо было принести в жертву козла. И тотчас там, где пролилась кровь козла, появился источник воды (Кисляков, 1934. С. 186).

Вместе с тем, как и другие значимые животные, козел иногда использовался в качестве жертвенного животного. Где козел – часть божества (его животное) или божественной сущности, приносимой в жертву (искупительная жертва) для получения благодати (плодородия). В то же время широко были распространены представления, где козел-жертва воспринималась в качестве проводника, перевозчика души умершего на тот свет (Рахимов, 1953. С. 121).

Лошадь. Находки с изображением этого животного наиболее часто встречаются среди терракотовых фигурок, большая часть из которых представляла собой детские игрушки. Есть сообщение о находке золотой подвески в виде лошади. На плечиках одного из раннесредневековых сосудов с городища Канка еще до обжига было процарапано изображение лошади. Все это указывает на то, что лошадь тоже воспринималась как культовое животное. Как и в предыдущих случаях, ряд представлений связан с охранной символикой, где лошади использовался в качестве амулета-оберега. Известно, что лошадь была инкарнацией ряда авестийских божеств (Митры, Вретрагны, Тиштрии). Во многих религиозных представлениях разных народов её связывали с солнечным божеством или божеством войны. По свидетельству Геродота массагеты "из богов же чтут только солнце - Гелиос, которому приносят в жертву лошадей. Смысл этой жертвы таков: быстрейшему из богов они

посвящают быстрейшее животное" (Геродот, I, 216). Определенное влияние на представления горожан оказывали связи со степью. В тюркской мифологии лошади придавалось огромное значение. Каждому божеству посвящалась лошадь определенной масти. Так Кок-тенгри – белой, а для Йёл-тенгри - пестрой масти. Лошадь также выступала защитником и охранителем владельца. (Кляшторный, 1981. С.72; 131-132). Все это оказалось на появлении и распространении подвесок в виде коня на огромных просторах Евразии в VI-VIII вв. (Афанасьев, 1973. С. 38; Членова, 1981, Распопова, 1980. С. 18). Вместе с тем нередко в религиозных представлениях лошадь выступает в качестве посредника между миром мертвых и живых. Так, по греческим представлениям, лошади, запряженные в колесницу, на которой везли покойника на кладбище, становились проводниками его души в другой мир (видимо, с этой же целью лошадей изображали на оссуариях или придавали им её форму). Любопытно, что смерть или Аид тоже отождествлялись с лошадью, на что указывают его эпитеты: "славный лошадьми", "черногривый", "прекрасногривый" (Клингер, 1911. С. 118). Возможно, поэтому лошади выступают и как жертвенные животные. На городище Канка в основании ремонтной прикладки внутреннего фаса городской стены шахристана I была обнаружена жертвенная яма, в которой лежали череп быка, кости его ноги в анатомическом порядке и череп лошади.

Олень. Образ этого животного был широко популярен от Дальнего Востока до Западной Европы. Культ этого животного так же связан с астральными представлениями. В каунчинский период олень нередко изображался на печатях (Грицына, Алимов, 1986. С. 41). На городище Канка из слоя VI-VII вв. (Р №12) происходит отросток ветки рога оленя, который использовался в качестве амулета, а в храме VI -VII вв. ветки рогов оленя лежали перед культовым алтарем с огнем. С храмового комплекса на городище Канка происходит небольшая бронзовая печатка со схематическим изображением животного на щитке. Схематические изображения оленя вырезаны на печатях с Кендыктепа ((Левтеева, 2014. С. 21). На поселении Джетыасар 2 было обнаружено изделие из слабообожженной глины в виде двух фигурок оленей на единой подставке. Олени расположены симметрично, как бы двигаясь от центра в стороны, но обернув друг к другу, повернутые назад головы (Левина, 1976. С. 518). По мнению К.С. Кузьминой, "у саков и скифов олень был символом солнца и плодородия и ассоциировался с древом жизни и тем самым культом богини-матери" (Кузьмина, 1977. С. 105-106). Сакральным культовым значением наделялись изображения оленя еще в петроглифах Ташкентского оазиса (в Ходжикенте и Каракиясае см. Хужаназаров, 1995. С. 90). Считается, что культовое значение оленя было теснейшим образом связано с культом солнца. Он выступал как бы «животным-солнцем», воплощением солнечного божества древних скотоводов (Хужаназаров, 1995. С. 90).

Действительно, в мифологической картине мира олень (или пара этих животных) нередко изображался пасущимся у подножия древа жизни. Соответственно и его ветвистые рога ассоциировались с мировым древом. Кроме того олень периодически сбрасывает обновляя свои рога, что служило символом повторяющегося творения (возрождения) и плодородия. То есть в символическом плане способность к обновлению и росту делали рога дерево делали их носителями единой идеи кругооборота в природе, возрождению к жизни.

Змея. Культ змеи существовал у многих народов на различных этапах развития. Проявлением его стало изображение змей на ручках сосудов и женских браслетах. Из Ташкентского оазиса происходит находка достаточно крупного объемного теракотового изделия (длиной 34 см) передающего изображение двух змей, в нижней трети слитых в единое туловище. Наколами показана пестрая шкурка змей. Предпо-

ложительно изделие датируется ранним средневековьем, но назначение его осталось неизвестным (Минасянц, 2009. С. 62-65). Изображение двух пестрых змей слитых вместе передает и привозная каменная гиря II тысячелетия до н.э. из Соха (в Фергане). Где ее семантика (сам образ змеи и точки-наколы, как символ множественности, отражали символику плодородия. Видимо, культ змеи также имел несколько аспектов, прежде всего, изображение змеи служило амулетом-оберегом, отпугивающим злые силы. С другой стороны, в культе змеи превалировали хтонический и катахтонический аспекты. Расхоже представление о змее, как душе умершего человека, есть оно и у отдельных групп среднеазиатского населения (Чвырь, 1983. С. 131). Овидий, например, писал, что после разложения тела в могиле спинной мозг превращается в змею (Зубарь, Мещеряков, 1983. С.106). Впрочем, считалось, что душа могла принимать вид змеи как при жизни, так и после смерти (Клингер, 1911. С.157-158). Не случайно на оссуарии из Ачамайли (Бука) на тулове оссуария среди растительных символов возрождения изображены существа со змееподобными туловищами и человеческими головами. Поэтому культ змеи, на наш взгляд, был тесно связан с культом предков. В народной традиции (легендах, сказках) змея – существо подземного мира. Этнографические наблюдения в Ташкентской области показывают, что змей, живущих в доме или на мазаре, запрещалось убивать. Их даже подкармливали (Хамиджанов, 1960. С. 216-217). Возможно, так как змея мыслилась воплощением души предка, хранителем его потомков, она способна наделить удачей и богатством. Известно использование змеи как магического средства для увеличения урожая, плодовитости женщин или домашнего скота (Чвырь, 1983. С. 131) Как хранителей и носителей изобилия их изображения наносились на стены домов и кладовых, керамических сосудов для воды и молока (Пещерева, 1959. С. 101). Больше того змеи и их изображения считались у народов Средней Азии оберегами от смерти и в то же время носителями жизненной силы. Неслучайно изображения пестрых змей нашивались на спины и плечики детских халатов. Причем особое значение придавалось изображению сдвоенных змей, как способствовавших деторождению (Пещерева, 1959. С. 106-107). Возможно, здесь нашли отражения архаические представления о змеях, обитавших на древе жизни (где находились и детские души).

Кроме того змея и даже ее изображения наделялись лечебными свойствами. Еще недавно население Средней Азии верило, что ими можно лечить от чахотки, глазных болезней, нарывов и даже от бесплодия (Хамиджанов, 1960. С.216).

Ёж. С городища Канка происходят две находки - носик слива в виде головки ежа и фрагментированный культовый сосуд, изображавший животное. К сожалению, он сохранился не полностью, но специально выделены характерные для него короткие лапы и ряды углублений, символизировавших иглы. В античной традиции он считался посвященным Аполлону, видимо, как змееборец. В то же время способность животного сворачивается в клубок (шар) и иглы-лучи, связывали его с солярным культом. Но в представлениях о нем присутствует и хтоническая направленность. Ёж – обитатель нор, заброшенных строений. Он – пожиратель трупов, как собака, уничтожающий мертвую плоть и очищающий кости – бессмертные частицы. А так как душа представлялась частью теснейшим образом связанной с телом, то, с точки зрения примитивной логики, животные, пожирающие тело умершего, становились воплощением (вместилищем) его психической субстанции (Клингер, 1911. С.49). Отсюда почитание этого животного увязывалось с культом предков. В зороастризме те же представления лежат в почитании ежа как священного животного.

Таким образом, изображения ежа на посуде играли роль апотропея, магической защит от сглаза и всякой скверны. Он мог выступать и в функции дарителя здоро-

вья. На это указывают сохраняющиеся у населения Средней Азии представления об особых лечебных свойствах ежа. Причем обычно - это объект коллективной трапезы.

Лев / барс. Находки с изображением этих животных образуют небольшую группу. Но это не говорит об их малой значимости. Образ льва был широко популярен на Востоке. Чаще всего ему отводилась роль магического защитника от злых духов. Хотя как спутник Великой богини, существо, обитающее около древа жизни и охраняющее его, лев тоже наделялся функциями подателя плодородия и благодати. Поэтому неслучайно изображение кошачьего хищника (барса) нередко встречается на керамических кружках каунчинской культуры. Лев у древа жизни – один из сюжетов на канкинских буллах из городского храма VI-VII вв. Наконец, образ льва в разной степени стилизации представлен на чачских монетах VI-VIII вв. Причем здесь он появляется раньше, чем на Отрарских монетах. Лев часто ассоциируется как символ царской (верховной) власти. Но не исключено, что лев на монетах Чача и Отрара отражает другой контекст, его связь с богиней Наной. Её часто изображали восседающей на зооморфном троне или звере в виде льва или барса. Нередко именно этот сюжет встречается на кушанских монетах, серебряных чашах из Хорезма и Британского музея, на росписях Пенджикента (Дьяконов, Смирнова, 1967. С. 80-81). С.П. Толстов относил Нану к самым популярным образам в древнехорезмийском пантеоне. Неудивительно поэтому, что ее символ - лев мог помещаться на монетах, играя своеобразную роль подателя благодати.

Собака/ волк. Изображения этих животных крайне схематизированы и представлены небольшой группой находок. В основном они встречаются на ручках каунчинских сосудов. С Кугаиттепа (в Ташкенте) происходит слив в виде головы собаки. На ее лоб налепом нанесен зороастрийский символ в виде полумесяца рожками вверх и помещенного между ними диском. В окрестностях городища Канка найдена ременная бляшка с изображением волка, переданного в сложном трехчетвертном повороте, но с крупной головой и характерной пастью. Излишне напоминать известные факты о роли собаки в зороастрийских представлениях. Отметим лишь, что наряду с доброжелательными функциями, охранника, борца со злом, ей отводилась и роль медиатора – посредника в похоронной обрядности. Как существо уничтожающее мертвую плоть и очищающее кости – бессмертные частицы, собака выполняла функцию перевозчика умершего в иной мир.

В древности значение волка как тотема было очевидным. Волк почитался как прародитель племени многими народами. Самоназвания многих народностей Центральной Азии переводится как волки. Во время инициации мужчины племени ритуально превращались в волка, наряжались в шкуры этих животных и проводили ритуалы и символически становились бесстрашными и беспощадными воинами.

На тотемическое начало его культа у древних хунну, сяньби, тюрков указывают предания о происхождении от него предков этих народов. В тюркской легенде волчица определенно – Праматерь и, видимо, владычица плодородия и земли-воды. В память об этом золотая волчья голова красовалась на тюркских знаменах, а словом «фули» – «бори» называли отборных гвардейцев кагана. Он даже вошел в состав титула (бори-шад), который носил один из принцев крови. Волк был символом воинской доблести, храбрости и беспощадности. Причем сам каган считался прямым потомком волчицы. Кстати, Чингизхан также, как гласит легенда, считался потомком небесного серо-голубого волка.

В Древней Греции волка относили к священным животным бога Аполлона, в Риме он был символом бога войны Марса и предзнаменованием победы, если его замечали перед битвой. Широко бытовало представление о связи этого животного с

Рис. 3. 1-3 медные монеты Чача с изображением кошачьего хищника (льва) на лицевой стороне. VII-VIII вв. 4-6 - буллы с изображением льва у древа жизни. Храм VI - нач. VII вв. на городище Канка; 7 - ручка каунчинской кружки в виде стилизованного изображения кошачьего хищника. Окрестности городища Канка; 8 - ручка каунчинской кружки в виде стилизованного изображения гиены. Окрестности городища Канка; 9 - навершие-ручка крышки оссуария в виде птицы. VI- VIII вв. Окрестности городища Канка.

подземным миром (тем более, что свое логово волки устраивают в норе, т.е. под землей). Многие народы верили, что души умерших могли являться в виде волков. Поэтому вой волка предвещает несчастье, падеж скота или смерть людей на войне. Согласно зороастрийской погребальной практике тела умерших (для очищения костей от осквернённой болезнями и смертью плоти) выставлялись на возвышенное место, где они поедались, т.е. их поглотителями были собаки, птицы или волки. Отсюда волки воспринимались как хтонические существа, которые могут нести смерть или быть ее предвестником. Но с другой стороны как существа связанные с подземным миром, его силами они могут быть подателями богатства и плодородия. Это, например, вера крестьян Европы, что Хлебный дух (или дух зерна) живет на пшеничном поле в виде волка. Видимо, схожие представления (отвратить несчастье, принести удачу) лежат в основе традиции помещать на тулове или на ручках сосудов изображения волков в Ташкентском оазисе в эпоху античности. Все та же магическая связь с культом плодородия лежит и в основе популярной в Средней Азии конной игры «Кок бори» (буквально «голубой волк») или «улак» – знаменитого козлодрания. Уже из самого названия видно, что первоначально тушей жертвенного животного был волк (небесный волк), обладание которым должно было принести удачу и плодородие победителю и его родичам. Однако к XIX веку «кок бори» как и бои животных при праздновании нового года в значительной степени утратили общественно-обрядовую функцию. Ритуальная роль «кок бори» продолжала сохраняться лишь в связи со свадебным ритуалом, а сейчас и вовсе трансформировалась в яркое зрелищное конноспортивное состязание.

Отголоском веры в магические способности волка являлось использование частей тела животного в любовной, вредоносной и лечебной магии. Например, достаточно было завладеть клочком его шерсти и незаметно прикоснуться им к любимому человеку, чтобы тот ответил взаимностью. Вероятно, необычайно острое обоняние зверя породило представление о носе как вместилище его души. Поэтому отрезанный кончик волчьего носа до сих пор считается одним из самых действенных оберегов. Оберегами служили также куски его шкуры, когти, зубы и челюсти.

Птицы. На крышках оссуариев нередко помещались изображения птиц (с раскрытыми или со сложенными крыльями). С городища Канка происходят кольцо и фрагменты керамики с изображением птичьих лап.

Чаще всего изображения этих птиц очень стилизованы, и определить их зоологический вид почти не возможно. Иногда они похожи на орла иди ворона, иногда на павлина или голубя, иногда на петуха. Возможно, их обобщенный образ отражал многообразие представлений о птицах. К примеру, образ орла мог быть олицетворением солнца, огня, носителем плодородия, символом священного древа, родоначальником царской династии (Косарев, 1984. С. 188). В представлениях древних греков орел – вестник богов, но вместе с тем он считался проводником души (в связи с этим предвестником близкой смерти). Но одновременно все это сочеталось с верой, что орел приносит детей (души с того света) (Клингер, 1911. С. 49-50). Действительно, чаще всего птицы ассоциировались с душами. В основе этого представления, видимо, также лежит культ предков, так как считалось, что в виде птиц к людям являются души их родственников. Вспомним свидетельства античных авторов, что гирканцы и каспии выставляют трупы на съедение птицам и зверям (Древние авторы, 1940. С. 144). Павлин, голубь, венчавшие композицию крышки оссуариев, как и курица, символизировали Ардвисуру Анахиту и воспринимались как символ будущего возрождения. Любопытно, что в греческой мифологии петух был священной птицей Персефоны (богини умирающей и воскресающей природы). В зороастризме петух был священной птицей Сраоши, вестника богов, одного из судей в цар-

стве мертвых (Gray, 1925. P. 107). Крик его будил, предвещал свет и заставлял уползать во тьму девов и их порождения. Получается, на среднеазиатской почве в образе петуха сохранялись и какие-то представления о его связи с миром мертвых (миром предков). Возможно, петух, крик которого предшествовал появлению на заре солнца, становился символом возрождения (где в универсальной архаичной схеме – будущая реинкарнация уподоблялась солнцу, умирающего вечером и воскресающего по его призыву). В этой связи раскрывается контекст сообщения Наршахи о том, что все мужское население Бухары в день встречи Навруза приносили петуха в жертву Сиявущу, древнему божеству умирающей и воскресающей природы (Дьяконов, 1951. С. 41). Все это указывало не только на хтоническую символику изображений птиц, но и на связь их с культом плодородия. Любопытно, что у лезгин петух и курица символизировали тоже плодородие и были обязательны в ритуале свадьбы. Как и среднеазиатские народы, лезгины считали, что крик петуха прогоняет злых духов. Домашняя птица играла роль жертвы в магическом обряде избавления от недуга (Гаджиев, 1977. С.119).

Отметим также находки в культовых комнатках (домашних капеллах) и в жертвенных кострищах храма птичьих косточек. Возможно, это жертвоприношение в честь божества или духов предков. С городища происходят находки птичьих косточек с отверстиями для подвешивания и орлиных когтей. Совершенно очевидно, что они играли роль амулетов. Именно в этом качестве их использовало современное население Средней Азии, связывая их, прежде всего, с культом плодородия.

Таким образом, археологические материалы показывают, что религиозные представления раннесредневекового населения Чача отражают сакральное отношение к животным и уходят своими корнями в первобытные верования. По-видимому, как самостоятельное явление зооморфные культы в эпоху раннего средневековья потеряли свое значение под давлением более унифицированных и развитых религиозных систем. Но сакрализация животных всё же сохранилась и стала важной формой проявления народных культов, когда с помощью различных магических действий их стремились задобрить и превратить в своих защитников и покровителей. Почитание или принесение в жертву животных становится одним из компонентов религиозных и домашних обрядов, а зооморфный код в декоре еще долгое время наделяется магической нагрузкой как воплощение благопожелательной символики.

Использованная литература:

Абетеков А.К. О погребении собаки в усуньском кургане в Чуйской долине // КСИА. Вып. 154. М., 1978.

Акишев К.А. Курган «Иссык» // Вглубь веков. Алма-Ата, 1974.

Андреев М.С. Таджики долины Хуф (верховья Амударьи) // ТИИАЭ АН Тадж.ССР. Т. 61. (Материалы к изучению культуры и быта таджиков). Сталинабад, 1958.

Аскаров А.А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы и юга Узбекистана. Ташкент, 1977.

Антонова Е.В. Мургабские печати в свете религиозно-мифологических представлений обитателей юга Средней Азии и их соседей // Средняя Азия, Кавказ и Зарубежный Восток в древности. М., 1983.

Антонова Е.В. Очерки культуры древних земледельцев Передней и Средней Азии. М., 1984.

Афанасьев Г. Бронзовые фигурки всадников из аланских погребений Северного Кавказа // Сообщения Гос. Эрмитажа. Вып. XXVI. Л., 1973.

Байпаков К.М. Культ барана у сырдарьинских племен // Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана. Алма-Ата, «Наука», 1980.

Беленицкий А.М. Зооморфные троны в изобразительном искусстве Средней Азии // ИООН АН Тадж.ССР. Вып. 1 (28), Душанбе, 1962.

Беленицкий А.М. Изображения быка на памятниках искусства древнего Пенджикента (К истории зооморфизма в древнем изобразительном искусстве Средней Азии) // Этнография и археология Средней Азии. М., 1979.

Беленицкий А.М. Конь в культах и идеологических представлениях народов Средней Азии и Евразийских степей в древности и раннем средневековье // КСИА. Вып. 154. М., 1978.

Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая // МИА. М-Л., 1952. №26.

Бернштам А.Н Саки Памира // ВДИ. М., 1956. №1.

Гаджиев Г.А. Верования лезгин, связанные с животными // СЭ. 1977. №3.

Галданова Г.Р. Доламаистские верования бурят. Новосибирск, 1987.

Геродот История в девяти книгах. Пер. и прим. Г.А. Стратановского. Л., 1972.

Древние авторы о Средней Азии (VI в. до н.э. – III в. н.э.). Хрестоматия. Под ред. Л.В. Баженова, Ташкент, 1940.

Дрезден М. Мифология древнего Ирана. Пер. И.М. Стеблин-Каменского // Мифологии древнего Мира. Пер. с английского. Предисловие И.М. Дьяконова. М., ГРВЛ, 1977.

Грач А.Д. Вопросы датировки и семантики древнетюркских тамгообразных изображений горного козла // Тюркологический сборник 1972. М., 1973.

Грицына А.А., Алимов К. Каунчинские печати // ИМКУ. Вып. 20. Ташкент, 1986.

Дьяконов И.М. Образ Сиявуша в среднеазиатской мифологии // КСИИМК. Вып. XL, 1951.

Дьяконов И.В., Смирнова О.И. К вопросу о культе Наны (Анахиты) в Согде // СА. М., 1967. №1.

Зубарь В.М., Мещеряков В. Некоторые данные о верованиях населения Херсонеса (по материалам некрополя первых веков н.э.). Киев, 1983.

Кисляков Н. Бурх - горный козел // СЭ. 1934. №1-2.

Клингер В.П. Животное в античном и современном суеверии. Киев, 1911.

Кляшторный С.Г. Мифологические сюжеты в древнетюркских памятниках // Тюркский сборник 1977. М., ГРВЛ, 1981.

Косарев М.Ф. Западная Сибирь в древности. М., 1984.

Кузьмина Е.Е. В стране Кавада и Афрасиаба. М., 1977.

Кузьмина Е.Е. Сюжет противоборства двух животных в искусстве азиатских степей // КСИА. Вып.154. М., 1978.

Левина Л.М. Исследования в Джетыасарском урочище // Археологические исследования 1976. М., 1977.

Левтеева Л.Г. Печати и штампы с городища Киндиктепа из собрания музея истории // Моддий-маънавий мерос ва умумбашарий қадриятлар. (Республика илмий-амалий анжумани материаллари). -Тошкент, 2014.

Литвинский Б.А. Древние кочевники «Крыши мира». М., 1972.

Луконин В.Г. Искусство Древнего Ирана. М., 1977.

Массон В.М. Идеологические представления среднеазиатских племен эпохи энеолита // Энеолит СССР. М., 1982.

Миносянц В.С. Описание керамического изображения двухголовой змеи из Ташкента // Столице Узбекистана Ташкенту 2200 лет. Материалы международной научной конференции, посвященной 2200-летнему юбилею города Ташкента. Ташкент, 2009.

Пещерева Е.М. Гончарное производство Средней Азии // ТИЭ. Новая серия. Т. XLII. М.-Л., 1959.

Распопова В.И. Металлические изделия раннесредневекового Согда. Л., 1980.

Рахимов М. Обычаи и обряды, связанные со смертью и похоронами у таджиков Кулябской области // Известия Отделения общественных наук АН Тадж.ССР. Вып. 3. Сталинабад, 1953.

Ремпель Л.И. Фрагмент бронзовой статуи верблюда из Самарканда и крылатого верблюда из Варахши (К вопросу о природе Согдийского искусства). /Средняя Азия в древности и средневековье (история и культура). М., Наука, 1977.

Снесарев Г.П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М., 1969.

Тревер К.В. Гопатшах – пастух – царь. // Труды Отдела Востока Эрмитажа. Том II. Л., 1940.

Хамиджанов М. Некоторые представления таджиков, связанные со змеёй // Труды Академии наук Тадж.ССР. Т. 97. Душанбе, 1960.

Хужаназаров М. Наскальные изображения Ходжакента и Каракиясая. Самарканд, 1995. 121 с. и 56 иллюстраций.

Чвырь Л.А. Опыт анализа одного современного обряда в свете древневосточных представлений // Средняя Азия, Кавказ и Зарубежный Восток в древности. М., Наука, 1983.

Членова Н.Л. Тагарские лошади // Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье. – М., 1981.

Gray Louis H. The foundations of Iranian Religions. Being a series of the Katanbai Katrak Lectures delivered at Oxford-Bombay. D.B. Taraporevala sons & Co. «Kitab Mahal», Hornly Road. Bombay, 1925.

УДК: 902.6 (575.114)

ШИМОЛИЙ-ҒАРБИЙ УСТРУШОНАНИНГ АРХЕОЛОГИЯ ХАРИТАСИГА ДОИР СЎНГГИ МАЪЛУМОТЛАР

© М. Пардаев, Ҳ. Раҳмонов, Ш. Пардаев

Институт археологии Академии наук Республики Узбекистан

Калит сўзлар: *Уструшона, Жиззах воҳаси, Хитой йилномалари, Сангзор, Қалиятепа, Ўрда, Қизлартепа, Қили, археология ёдгорлиги, Равотсой ҳавзаси, шаҳристон, арк, рабод, илк ўрта асрлар, Жиззах отряди, суғориш шаҳобчаси, шаҳар харобалари, микрорельеф, ашёвий далиллар.*

Данная статья посвящена составлению свода археологических памятников, расположенных на территории нижнего течения р. Сангзор Джизакского оазиса. Этот оазис является развитой и густо заселенной историко-культурной областью средневековой Уструшаны, которая осваивалась с архаического периода вплоть до развитого средневековья. В результате исследований здесь зафиксировано более 45 археологических памятников, которые сгруппированы в четыре ирригационные зоны оазиса. В частности, в Калиятепинской ирригационной зоне существует 19; в Урдинской ирригационной зоне – 12; в Килинской ирригационной зоне – 5; в Раватсайской ирригационной зоне – 10 археологических памятников. По подсчетам 15% этих памятников относится к античному периоду, 65% - к раннему средневековью, 20% - к развитому периоду и всего 5% - к позднему периоду средневековья.

A NEW DATA ON THE ARCAEOLOGYCAL MAP OF NORTH-WESTERN USTRUSHANA
M.H. Pardaev, H.U. Rahmonov, Sh.M. Pardaev
Given article is devoted drawing up of the arch of the archaeological monuments located in territory of the bottom current of the river Sangzar of Dghizak oasis. This oasis is developed and densely populated historical and cultural area of medieval Ustrushana which captured since the archaic period up to the developed Middle Ages. As a result of researches here fixed more than 45 archaeological monuments which are grouped in four irrigation zones of oasis. In particular, in the Kaliyatepe irrigation zone there are 19 monuments, in the Urde irrigation zone 12, in the Kili irrigation zone 5, in the Ravatsai irrigation zone 10 archaeological monuments. By estimates 15 % of these monuments belong to antique period, 65 % to the early Middle Ages, 20 % to the developed Middle Ages period and only 5 % to the late period of the Middle Ages.

Уструшона мамлакати ҳақида дастлаб милодий IV-V асрларга оид Хитой йилномалари “Бэй-ши”, “Суй-ши”, кейинчалик Суғд манбалари, араб тарихчи-географлари асарларида маълумотлар берилган. Ушбу маълумотларга биноан, қадимги Уструшонанинг ҳудуди ҳозирги Тожикистон Республикасининг Суғд вилояти, Қирғизистон Республикасининг Лайлак тумани ва Ўзбекистон Республикасининг Сирдарё ва Жиззах вилоятлари ҳудуди билан чегараланган. Мамлакат 18 та рустоқ (туман) – маъмурий бўлинмалардан иборат бўлиб, бу рустоқларнинг тенг ярми – 9 таси ҳозирги Ўзбекистон давлати ҳудудида жойлашган. Уструшонанинг ғарбий сарҳадлари, яъни Сангзор водийси ҳавзасида юқорида қайд этилган рустоқларнинг 3 таси – Фекнон (Жиззах), Харакана (Ғаллаорол) ва Бурнамад (Бахмал) фаолият кўрсатган. Ушбу ҳолатларни ҳисобга олиб Уструшонада кечган антропоген жараёнлари ва уни динамикаси бўйича Сангзорнинг қуйи оқимида жойлашган Жиззах воҳаси ва унда тадқиқотлар давомида қайд этилган археологик ёдгорликлар хусусида фикр юритамиз.

Сангзор дарёсининг қуйи оқими водийсида жойлашган Жиззах воҳаси қадимдан ўзининг қулай географик шароити туфайли ибтидоий аждодларимизни назарига тушган ва ўзлаштирила бошланган. Чимқўрғон ва Фориш туманидан топилган ўрта тош, сўнгги тош асрига оид топилма жойлар, Такатошдан топилган неолит, бронза ва кейинги даврларга оид қоятош суратлари ушбу воҳани инсон томонидан ўзлаштирилиши анча қадимдан бошланганидан далолат беради. Жиззах воҳасидаги дастлабки уй-жой манзилларининг қурилиши Кўрпасой бўйларида топилган қишлоқ маконлари билан тасдиқланади ва улар мил. эр. авв. V-IV асрлар билан даврланади.

Сангзор водийси билан боғлиқ антропоген жараёнлари давомида мил. эр. авв. III-II асрлардан бошлаб, воҳанинг бугунги кундаги энг катта ва қадимги шаҳар ёдгорлиги Қалиятепага асос солинган. Қалиятепа ва унинг атрофида жойлашган қишлоқ маконлари илк антик даврдан араб истилосигача бўлган даврда узлуксиз равишда фаолиятда бўлган. Араб истилосидан кейин эса воҳадаги шаҳар ҳаёти, яъни Уструшонанинг Фекнон рустоқи бош шаҳри Дизак – Қалиятепадан 6 км шимолий-ғарбда, ҳозирги Жиззахнинг “Эски шаҳар” мавзейида жойлашган Ўрдага кўчган. Ўрда билан боғлиқ Жиззахдаги шаҳар ҳаёти 1866 йилгача, яъни Россия империяси босқинига қадар кечган. Ушбу тарихий воқеликлар қуйида тафсилоти баён этиладиган археология ёдгорликлари фаолияти билан ҳамоҳанг кечган.

Жиззах воҳаси, Сангзорнинг қуйи оқимида рўйхатга олинган археология ёдгорликларининг аксарият қисми XIX аср ва XX асрнинг бошларида яшаб ўтган тубжой, маҳаллий, тарихий шахслар номи билан аталади. Бунинг сабаби қайси тепалик кимнинг хусусий ери ва томорқаси ҳудудида жойлашган бўлса мазкур ёдгорлик айнан ўша одам номига нисбат бериб аталган. Тадқиқотларда қайд этилган ёдгорликлар 4 гуруҳга – Қалиятепа суғориш шаҳобчаси, Ўрда суғориш шаҳобчаси, Қили ва Раватсой ҳавзаси ёдгорликларига бўлинган.

Қалиятепа суғориш шаҳобчаси

Мазкур суғориш шаҳобчаси Сангзор дарёсининг қуйи оқими бошланишида, ҳозирги Жиззах шаҳрининг шарқий, жанубий-шарқий қисмида вужудга келган. Суғориш шаҳобчаси ҳудудида айни пайтда 20 та археология ёдгорлиги қайд этилган бўлиб, уларнинг асосий қисми Қалиятепа шаҳар харобалари атрофида жойлашган. Қалиятепа ва унинг атрофидаги ёдгорликлар ўтмишда Сангзордан бош олувчи Қалия-Мўлканлик, Қанғли, Хайробод, Олмачи ариқлари орқали сув билан таъминланган. Қайд этилган ёдгорликлар антик (Қалиятепа, Расулбойқултепа...), илк ўрта аср (Пардақултепа, Комилбоботепа, Ёқуббоботепа...), ривожланган ўрта аср (Қизлартепа, Сийпанчиқтепа...) лар билан даврланади.

1. Қалиятепа шаҳар харобалари. Ёдгорлик Жиззах шаҳрининг шарқий қисмида, “Жиззах” автостанциясидан 700 м шимолда, Жиззах-Пахтакор магистраль йўли ёқасида жойлашган. Жиззах воҳасининг энг катта археология обидаси ҳисобланган Қалиятепа бир-бирига узвий боғланган 5та тўғри тўтбурчаксимон, квадратсимон шаклдаги тепаликлардан иборат. Шимол-жануб йўналиши бўйича ястанган, бу комплексларнинг ҳозирги сақланиб қолган қисмининг умумий майдони 50 га.ни ташкил қилади (1-расм). Қалиятепа ҳам қадимги шарқ шаҳарлари сингари анъанавий уч қисмли шаҳар бўлиб:

1. Арк-шаҳар ҳокими саройи.

2. Шаҳристон-мудофаа девори, ҳарбий буржлар билан ўралган, арк билан туташиб кетган шаҳар мавзейи.

3. Рабод-мудофаа девори ва хандақлардан ташқарида алоҳида жойлашган 5 та тепаликдан иборат.

Арк. Қалиятепа комплексининг энг баланд ва маҳобатли, нисбатан яхши сақланган қисми бўлиб, шаҳристоннинг шарқий ва жанубий дарвозалари ўртасида жойлашган. Ташқи кўриниш жиҳатидан у шарқ-ғарб йўналиши бўйича озроқ чўзилган, айланага монанд шаклга эга. Унинг умумий майдони 1 га.дан ошиқ, баландлиги 21 м.га етади. Аркнинг микрорельефига қараб унинг шимолий, шарқий ва ғарбий томонлари алоҳида, жанубий томони шаҳристоннинг умумий деворлари билан ўраб олинганини кўриш мумкин. 1966 йил Я. Ғуломов раҳбарлигида арк маданий қатламлари стратиграфиясини ўрганиш учун ўтказилган қазув тадқиқотлар натижасига кўра унинг юқори қурилиш даври X-XII асрлар билан белгиланган (Касымов, 1968, 312-313 с.). 2013-2014 йилларда аркда планиграфик қазув тадқиқот ишлари ўтказилди. Натижада, аркнинг ғарбий қисмида бир-бирига параллел равишда кетган коридорлар ва уларнинг ўртасида жойлашган квадратсимон, тўғри тўртбурчаксимон кўринишдаги хоналар очилди. Коридорлар ва хоналарнинг девори асосан пахсадан, қисман хом ғиштдан (42-40x21-20x11-10см) кўтарилган, деворларнинг ички томони гилкори усулда сувалган. Аркнинг ягона дарвозаси шарқ томонда бўлиб, у кўтарма йўлак – пандус орқали шаҳарнинг шарқий дарвозаси комплекси билан туташган. Қазув ишлари давомида топилган моддий маданият намуналари 2 тарихий даврга тааллуқли. Яъни Қалиятепанинг сўнгги қурилиш даври шайбонийлар даврига, ундан аввалги, айнан Арк фаолияти билан боғлиқ сўнгги давр VII-VIII асрлар билан даврланади (2-расм).

Шаҳристон мазкур шаҳар харобаларининг асосий ядроси сифатида Қалиятепа марказида жойлашган. Унинг ташқи кўриниши тўғри тўртбурчак шаклида бўлиб, ўлчамлари 270x200 м.ни (5,4 га), баландлиги 11-12 м.ни ташкил қилади. Ер сатҳи рельефини ўрганиш асосида шаҳристоннинг учта - жанубий, шарқий, шимолий дарвозалари ўрни ва уларнинг кўтарма йўллари, мудофаа истеҳкомлари тизими ва ҳарбий буржлар, сўнгги қурилиш даврига тегишли кўча ва маҳаллалар жойлашуви нисбий тарзда аниқланди. Шаҳристон уч томондан эни 25-50 м, чуқурлиги 1,5-2 м.гача сақланиб қолган хандақлар билан ўраб олинган. Тўртинчи, шарқий томонининг ер сатҳи турли қурилишлар оқибатида тубдан ўзгарганлиги сабабли ёдгорликка тааллуқли бирон маълумот олиш имкониятимиз умуман йўқ. Шунингдек, 1980-йилларда Қалиятепа шаҳристонининг асосан шарқий ва қисман жанубий ён бағирларида ер ўзлаштирилиб, кучли сув кўтариб берувчи ускуналар орқали суғориш ишлари ўтказилганлиги сабабли бу ердаги маданий қатламлар деярли яроқсиз ҳолга келтирилган.

Қалиятепа шаҳристонида турли йилларда 3 та стратиграфик шурф ташланган. Шурфлардан олингнан артефактлар асосида шаҳристонда 5 та катта қурилиш даври аниқланган. Мил. эр. авв. II асдан милодий VIII асргача шаҳар ҳаётининг йирик босқичи ўрганилган. Шаҳристонда қайтадан ҳаёт темурийлар даврида бошланиб XVII аср бошларида батамом тўхтаган (Пардаев, 2000).

Рабодлар. Бу иншоотлар Қалиятепа арки ва шаҳристонини шимол, жануб ва ғарб томондан ўраб турувчи 5 та алоҳида жойлашган тепалардан ташкил топган. Рабодларнинг шарқий томондаги давомий қисми XIX аср охирида темир йўл қурилиши даврида олиб ташланган. Мазкур тепаларни яхлит бир қурилиш иншооти

эканлиги эҳтимоли узоқ бўлганлиги сабабли, илк қурилиш даврий санаси ва ривожланиш босқичлари ҳали тўлиқ ўрганилмаганлигини ҳисобга олиб, шартли равишда уларни алоҳида работлар сифатида рақамланган ҳолда тавсифлашни мақсадги мувофиқ деб ҳисоблаймиз.

1-работ шаҳристоннинг шимол томонида 25-30 м.ли мудофаа хандақлари ортида жойлашган бўлиб, ҳозирги кунга қадар сақланиб қолган қисми учбурчаксимон кўринишга эга. Унинг ғарбий томони 115 м.га, жанубий томони 115 м.га, баландлиги 6-7 м.га тенг. Работнинг шимолий ва шарқий томонлари ер ўзлаштириш пайтида қирқиб ташланган. Йўқотилган қисмини ҳам ҳисобга олганда 1-работнинг умумий майдони 2,2 га.дан ортиқ бўлади. Микрорельеф тузилиши бўйича работнинг ғарбий дарвозаси ўрнини аниқлаш мумкин. Работнинг ғарбий қисмида қазув ишлари ўтказилган бўлиб, VII-VIII асрларга оид турар-жойлар, милодий I-VIII асрларга оид мудофаа девори очиб ўрганилган (Пардаев, Убайдуллаев, 2009).

2-работ шаҳристоннинг шимоли-шарқий кунжак томонида, 1-работдан 60-65 м шарқда жойлашган. Ёдгорликнинг жанубий томони йўл қурилиши учун бутунлай қирқиб ташланган. 2-работ ғарбдан шарққа томон чўзилган бўлиб, трапеция кўринишига эга, унинг умумий майдони 0,6 га.ни, баландлиги 3,5-4 м.ни ташкил этади. Ёдгорликнинг жанубий қирқимларида ўтказилган кичик ҳажмли синов қазишмаларида асосан илк ва сўнгги ўрта асрларга тааллуқли маданий қатламлар очиб ўрганилди.

3-работ шаҳристондан 45-50 м масофа ғарбда, Қалиятепа ёдгорлиги марказий ядроси билан параллел, шимол-жануб йўналиши бўйича чўзилиб кетган ҳолда жойлашган. Ёдгорликнинг қадимги, дастлабки кўриниши деярли сақланмаган. Ҳозирги ёйсимон шакли ва ўта ўзгартирилган микрорельефидан бирон қурилиш ва иншоот ўрнини англаб олиш жуда мушкул. 3-работ шимол-жануб томонга 300 м, шарқ-ғарб томонга 70-100 м ли ўлчамларга (2,5 га), баландлиги 4,5-5 м.га эга. 60-70 йиллардаги ер ўзлаштириш пайтида 3-работ ҳудудидан сопол хум ва қутисимон остадонлар топилган. Маълум бир тарихий даврда 3-работнинг маълум қисми қалиятепалик оташпараст қавмларнинг “қабристони” (некрополь) бўлгани эҳтимолдан узоқ эмас. Шунингдек, работнинг марказий қисмида “Жиловдор ота” номли муқаддас жой ва қабристон ҳозирги кунга қадар фаолият кўрсатиб келаяпти. Жиловдор отага “Пир” сифатида асосан чавандозлар ва йилқиси касалликка чалинган чорвадорлар сиғинишади.

4-работ Қалиятепа шаҳристони шимолий дарвозасининг шундоқ рўпарасида, 2-работдан 35 м жанубда жойлашган. Бу работнинг бошқа работлардан фарқи шундаки, у кўтарма йўл орқали шаҳристоннинг шимолий дарвозасига туташиб кетган. Шаҳристон ва 4-работ учун умумий битта шарқий дарвоза мавжуд. 4-работнинг ҳозирги кунгача сақланиб қолган қисми квадратсимон шаклда бўлиб, ўлчамлари 75х70 м (0,52 га), баландлиги 8 м.га етади. Ёдгорликнинг шимолий ва шарқий томонлари қирқиб ташланган. 4-работ Қалиятепа шаҳри учун ўзига хос мудофаа бастиони (казимет) бўлиб хизмат қилган бўлиши ҳам мумкин.

5-работ аркнинг рўпарасида, жануб томонда жойлашган бўлиб мазкур ёдгорликнинг тўрт томони ва ҳатто устки қисмида ҳам ер ўзлаштириш ишлари олиб борилган. Работнинг ҳозирги ташқи кўриниши тўғри тўртбурчаксимон шаклда бўлиб, унинг ўлчамлари 230х130 (3 га), баландлиги 4-5 м.ни ташкил қилади. Ёдгорликнинг жанубий қирқимларида ўтказилган қазув текширишлари натижасида

мазкур рабод маданий қатламларидан фақат V-VIII асрларга оид ашёвий далиллар олинди.

2. Қизлартепа. Қалиятепа шаҳар харобаларидан 350 м масофа жанубда, жойлашган. Ёдгорликнинг ташқи кўриниши тўғри тўртбурчаксимон шаклида бўлиб, у ғарб-шарқ йўналиши бўйича 140 м.гача чўзилиб кетган, ғарб томони эни 90м.га, шарқ томони эни 75 м.га (1,2 га), баландлиги 12 м.га тенг. Қирқимлардан олинган бир қанча сопол идиш парчалари V-VII; X-XII асрларга тегишлидир. Қизлартепа ўз умумий майдони ва кўриниши жиҳатдан Жиззах воҳаси шарқий суғориш шаҳобчасида Қалиятепадан кейинги ўринда турадиган ёдгорликдир. Қизлартепанинг энг юқори қурилиш қатламларига оид X-XII асрларга тааллуқли турар-жой комплекси очиб ўрганилган (Пардаев, Убайдуллаев, 2012) (3-расм).

3. Астантепа. Қалиятепадан 250 м масофа ғарбда жойлашган. Ёдгорлик ташқи кўриниш жиҳатидан икки, яъни пастки ва юқори поғонали иншоот бўлиб, унинг баландлиги тахминан 2,5-3 м, ҳажми 20х15 м.ли пастки поғонаси йўл қурилиши даврида бутунлай олиб ташланган. Астантепанинг сақланиб қолган юқори поғона қисми айлана шаклда бўлиб, унинг диаметри 50 м.ни, баландлиги 7,5-8 м.ни ташкил қилади. Тепалик усти ва ён атрофидан терилган асосан қўлда қилинган ва "ўчоқ боши" да ишлатилган сопол идиш парчаларига биноан Астантепа эрамизнинг VI-VIII асрларида фаолият кўрсатган.

4. Комилбоботепа. Қалиятепадан 400 м масофа ғарб томонда, жойлашган. Мазкур ёдгорлик ҳам Астантепага ўхшаб икки поғонали, трапециясимон кўринишда бўлиб, шимол-жануб йўналиши бўйича 115 м.га чўзилиб кетган. Ёдгорликнинг жанубий пастки поғона қисми эни 45 м.га, баландлиги 2,0-2,5 м.га, шимолий юқори поғонаси эни 70 м.га, баландлиги 7 м.га тенг. 1988-91 йилларда мазкур ёдгорликда ўтказилган археологик қазув тадқиқотлари орқали Комилбоботепанинг VII-VIII асрларга тааллуқли турар-жой хоналари ва бошқа моддий маданияти намуналари очиб ўрганилди (Пардаев, 2001) (9-10-расм).

5. Расулбойқултепа. Жиззах шаҳри "Қалия мўлканлик" маҳалласининг шарқий чеккасида жойлашган. Ёдгорлик ташқи кўриниши жиҳатдан тўғри тўртбурчак шаклида бўлиб, ўлчамлари 70х60 м.ни (0,42 га), баландлиги 10 м.ни ташкил қилади. Расулбойқултепада ўтказилган тадқиқотлар натижасида ёдгорликнинг III-VIII асрларга тааллуқли учта катта қурилиш даври очиб аниқланган (Пардаев, 1992, 108-113 б.).

6. Жумабоватепа (Новвойбоватепа). Қалиятепани жануби-ғарб томонида, Юнусобод кўчаси чеккасида жойлашган. Унинг ҳозирги кўриниши тўғри тўртбурчаксимон ҳолатда бўлиб, ўлчамлари ғарб-шарқ йўналиши бўйича 80 м, шимол-жануб йўналиши бўйича 60 м.га, баландлиги 6 м.га тенг. Жумабоватепада ўтказилган қазув ишлари натижасида унинг даврий санаси VI-VIII асрлар билан белгиланган .

7. Пардақултепа. "Қалия мўлканлик" маҳалласини ўртасида, Оқтепа боши берк кўчасининг адоғида жойлашган. Ёдгорик икки поғонали, тўғри тўртбурчаксимон кўринишда бўлиб, ўлчамлари 70-80 м.га, баландлиги 8 м.га тенг. Пардақултепа марказий иморати унинг ғарбий ва ўрта қисмида жойлашган 25х20 м.ли квадратсимон тепалик остида сақланиб қолган. Ёдгорлик 1986-88 йилларда очиб ўрганилган ва ашёвий далиллар орқали IV-VI асрлар билан даврланган (Пардаев, 1999).

8. Авлиётепа. Қалиятепадан 370 м масофа жануби-шарқда, эски Жиззах-Пахтакор йўли ёқасида жойлашган. Ёдгорлик тўғри тўртбурчак шаклида бўлиб, ўлчамлари 60х40 м.ни, баландлиги 1,5-2 м.ни ташкил қилади. Авлиётепадан эрамизнинг I-II асрларига тааллуқли қизғиш ангоб билан сирланган ва сўнгра силлиқланган нафис идиш бўлаклари, сопол қадаҳ тагдони, биқинида игнабаргсимон нақшлар солинган кўза синиқлари, қозон парчалари ва X-XII асрларга даҳлдор чироғдон топилди. Авлиётепадан 1960 йилларгача қабристон сифатида фойдаланилган.

9. Ропижонтепа. Қалиятепадан 700 м жануби-ғарбда, жойлашган. Ёдгорликнинг ташқи кўриниши квадрат шаклида бўлиб, ўлчамлари 45х45 м.ни, баландлиги 8 м.ни ташкил қилади. Ропижонтепанинг асосий иморатлари қолдиғи унинг марказий қисмида жойлашган квадрат шаклидаги (25х25) алоҳида ажралиб турган тепалик остида сақланиб қолган. Тепа усти ва ён атрофидан топилган сопол идиш парчалари асосан VI-VIII асрларга тааллуқли.

10. Мозортепа. Ропижонтепадан 200 м масофа жануби-ғарб томонда “Сўлоқли” маҳалласининг шимолий чекка қисмида жойлашган. Ёдгорликнинг ташқи кўриниши икки поғонали тўғри тўртбурчак шаклида бўлиб, ғарб-шарқ йўналиши бўйича чўзилиб кетган ва ўлчамлари 140х75 м.га, баландлиги 9 м.га тенг. Мозортепа устидан топилган сопол идишларга кўра, ёдгорлик V-VI асрлар билан даврланади.

11. Гўртепа. Пардақултепадан 500 м жануби-ғарбда “Қалия мўлканлик” маҳалласининг ғарбий чеккасида жойлашган. Ёдгорлик икки поғонали, унинг ташқи кўриниши тўғри тўртбурчак шаклига эга бўлиб, жануб-шимол йўналиши бўйича чўзилиб кетган. Унинг ўлчамлари 90х70 м.га, баландлиги 8,5 м.га тенг. Гўртепанинг ғарбий қисмида унинг марказий иморатлари комплекси жойлашган бўлиб, мазкур комплекснинг ҳозирги кўриниши квадратсимон тепа шаклида, ўлчамлари 35х28 м. Гўртепадан XX асрнинг 16 йилидан бошлаб қабристон сифатида фойдаланиб келинади. Унинг усти ва ён атрофидан топилган археологик топилмалар V-VIII асрларга тааллуқли.

12. Сийпанчиқтепа. Жиззах тумани, Олмачи қишлоғининг шарқий чеккасида, Қалиятепадан 2,5 км масофа жануби-шарқда катта йўл ёқасида жойлашган. Ёдгорлик ғарб-шарқ йўналиши бўйича чўзиқ айланасимон бўлиб, унинг ўлчамлари 180х140 м.ни, баландлиги 15 м.ни ташкил қилади. Х. Муҳамедов таъкидлашича Жиззах воҳасини ўраб турган Канпирак деворнинг шарқий қисми Сийпанчиқотатепадан бошланиб, жануби-шарққа Равот қишлоғидаги Қўрғонтепа томон йўналган (Муҳамедов, 1961, 53 б.). Ёдгорлик қабрстонга айлантирилган, унинг устидан топилган сопол идишлар VI-VIII, X-XII асрлар билан даврланади.

13. Қоровулмозортепа. Гўртепадан 600 м шимоли-ғарбда, “Дўстлик” шоҳ кўчаси ёқасида жойлашган. Ёдгорлик тўғри тўртбурчак кўринишида бўлиб, шимол-жануб йўналиши бўйича чўзилиб кетган. Унинг ҳозирги сақланиб қолган ўлчамлари 70х30 м.ни, баландлиги 1,5-3 м.ни ташкил қилади. Тепадан 1970 йилларга қадар қабристон сифатида фойдаланилган. Кейинчалик у турли қурилишлар ўртасида қолиб кетган ва ҳозирги кунда ташландиқ ва хароб аҳволда.

14. Атагантепа. Жиззах туманига қарашли Беклар қишлоғи ҳудудида жойлашган. Атагантепа ғарб-шарқ йўналиши бўйича 120 м.га чўзилиб кетган бўлиб, унинг шимол томони узунлиги 90 м.га, жануб томони 70 м.га, баландлиги 5-6 м.га тенг. Ёдгорликнинг жанубий қисми бульдозер билан қирқиб ташланган. Бу

1. Қалиятепа

1,1. Қалиятепа. Арк. Турар-жой хоналари

2. Қизлартепа

3. Астантепа

4. Комилбоботепа

5. Расулбойқултепа

6. Жумабоватепа

7. Пардақултепа

11. Гўртепа

15. Ёқуббоботепа

қирқимларда пахса девор, кул қатлами, ўчоқ каби моддий маданият қолдиқлари қайд этилди. Йиғилган ашёвий топилмаларга асосланиб, Атагантепани VI-VIII асрлар билан даврлаш мумкин.

15. **Ёқуббоботепа**. Пардақултепадан 600 м жануби-ғарбда, “Қалия мўлканлик” маҳалласининг жанубий қисмида жойлашган. Ёдгорлик икки поғонали, ҳозирги кўриниши тўғри тўртбурчак шаклида бўлиб, унинг марказий иморатлари шимоли-ғарб қисмига қурилган. Ёқуббоботепанинг шимолий томони 100 м.га, ғарбий томони 110 м.га, шарқий томони 120 м.га, жанубий томони 80 м.га, биринчи поғонаси баландлиги 3-4 м.га, иккинчи поғонаси баландлиги 12 м.га тенг. 2012-2014 йилларда Ёқуббоботепанинг марказий қисмида унинг сўнгги қурилиш даврига оид 10 га яқин турар-жой хонаси очиб ўрганилди ва топилган кулоллик маҳсулотларига асосан бу маданий қатламлар VII-VIII асрлар билан даврланди (Пардаев, Ғофуров, 2013, 9-10-расм).

16. Химонтепа. Ёқуббоботепадан 1,2 км жануби-ғарбда Жиззах туманига қарашли Хайробод қишлоғининг шимолий чеккасида турар-жой хонадонлар ўртасида жойлашган. Ёдгорлик икки поғонали, трапециясимон кўринишда бўлиб, ғарб-шарқ йўналиши бўйича 200 м.гача чўзилиб кетган. Унинг ғарбий томони узунлиги 145 м.га, шарқий томони 90 м.га, биринчи поғонаси баландлиги 6-7 м.га, иккинчи поғонаси баландлиги 20 м.га тенг. 1979 йил Жиззах отряди томонидан ёдгорликнинг ғарбий қисмида 5,5х3,5 м ўлчамда стратиграфик қазув тадқиқотлари ўтказилган. Ер сатҳигача умумий баландлиги 6,5 м бўлган маданий қатламлардан V -VIII, IX-XII асрларга оид моддий маданият ашёлари олинган.

17. Оқтошбова. Қалиятепадан 850 м масофа шарқда, Жиззах туманига қарашли Тўптолобод қишлоғининг жанубий қисмида жойлашган. Ёдгорлик тўғри тўртбурчаксимон кўринишда бўлиб, унинг ўлчамлари 100х70 м.ни баландлиги 1,5-2 м.ни ташкил қилади. Ҳозирги кунда ёдгорлик муқаддас қадамжой сифатида фаолият кўрсатмоқда, маҳаллий аҳоли у ердаги мавжуд оқ тошга сиғинади. Оқтошбова устида XVII-XIX асрларга тааллуқли сопол идиш бўлакларини кўплаб учратиш мумкин.

18. Эгизтепа. Оқтошбовадан 700-750 м жануби-шарқда, Тўптолобод қишлоғининг чеккасида жойлашган. Ёдгорлик иккита алоҳида жойлашган, тўғри тўртбурчаксимон тепадан иборат бўлиб, биринчисининг ўлчамлари 50х30 м.ни, баландлиги 2-2,5 м.ни ташкил қилади. Эгизтепанинг усти текис, бирон-бир қурилиш излари қолдиғини унинг ер сатҳи бўйича аниқлаш қийин. Йиғилган бир

қанча тасодифий топилмаларга биноан Эгизтепани илк ўрта асрларга (VI-VIII) оид ёдгорлик деб тахмин қилиш мумкин.

19. Кўкрават. Қалиятепадан 7-8 км масофа шимол тарафда, Жиззах тумани Қўрғонтепа мавзейида жойлашган. Ҳозирги кунда унинг тўғри тўртбурчаксимон кўринишда сақланиб қолган марказий қисмининг ўлчамлари 40х30 м.ни, баландлиги 3 м.ни ташкил қилади. 1975 йилда ёдгорликни тадқиқ қилган Ў. Алимовнинг маълумотига кўра, Кўк работтепанинг шакли квадрат кўринишда, ўлчамлари 65х65 м.га тенг бўлган. Ёдгорлик усти ва ён атрофидан IX-XI асрларга тааллуқли сирланган ва сирланмаган гулдор идишлар парчалари, топилмалар ҳамда квадрат шаклдаги бутун пишган ғишт (20х20х4, 21х21х4 см) намуналари тўпланди. Бизнинг фикримизча, Уструшона афшини Ковуснинг ўғли Ҳайдар томонидан IX асрнинг биринчи чорагида қурилган машҳур Худайсар работи мазкур Кўкрават ёдгорлиги ўрнида бўлган.

Ўрда суғориш шаҳобчаси ёдгорликлари

Мазкур суғориш шаҳобчаси Жиззах шаҳрининг марказий, шимолий ва ғарбий қисмида вужудга келган. Араб истилосидан кейинги даврда Қалиятепадаги мавжуд шаҳар ҳаёти Ўрдага кўчган ва XIX асрнинг 60-йилларига қадар давом этган. Ўрданинг атрофида ўнга яқин асосан илк ва ривожланган ўрта асрларга оид ёдгорликлар жамланган. Мазкур суғорма деҳқончилик ҳудуди Ўратепалик, Тошкентлик, Чўл-Мўлканлик, Ховослик, Эрони ариқлари орқали сув билан таъминланган. Бу ариқлар Сангзорда қурилган Бешқувур сув айирғичидан бош олган.

20. Ўрда шаҳар харобалари. Қалиятепадан 6 км шимоли-ғарбда, Жиззах шаҳрининг “Эски шаҳар” мавзейида жойлашган. 1970 йиллар ўртасида Ўрдада “Хотира” ёдгорлик комплекси қурилиши натижасида унинг аввалги табиий кўриниши йўқ қилиб юборилган. М. Исҳоқов илмий ҳисоботидаги маълумотлар бўйича Ўрданинг бузилишига қадар бўлган микрорельефи шаҳар ёдгорлиги харобаларига хос бўлиб, майдонлар, маҳаллалар ва ундаги ҳовузлар ўрни аниқ ажралиб турган. Шунингдек, пишиқ ғиштдан кўтарилган ўрта аср сардобаси ўрни ҳам аниқланган. М. Исҳоқовнинг ёзишича, Ўрдадан топилган ашёвий буюмлар IX-XII, XIV-XV, XIX-XX асрларга тааллуқлидир (Исхаков, 1979). Ўрда хусусидаги маълумотларни тўлдириш мақсадида қилган саъй-ҳаракатларимиз туфайли шаҳар фаолиятининг сўнгги босқичдаги топографик плани ва унга дахлдор бир қанча фотосуратлар топилди. Мазкур топографик план бўйича Ўрда шаҳри тўғри тўртбурчаксимон кўринишга эга бўлиб, у шимол-жануб йўналиши бўйича чўзилиб кетган. Квадратсимон шаклдаги шаҳар арки ўртада жойлашган. Шаҳарнинг тўрт томони маълум масофада ҳарбий буржлари бўлган мустаҳкам мудофаа девори билан ўраб олинган. Деворнинг ташқи томонида хандақлар ўрни қайд қилинган. Юқорида эслатилган фотосуратларда Ўрданинг пахсадан кўтарилган кунгирадор мудофаа деворлари ва арча ёғочидан ишланган ўймакор дарвозалари акс эттирилган. Топографик план бўйича Ўрданинг дарвозаси учта бўлган: шимолий, жанубий ва шарқий. Сони ва томонлари жиҳатидан Ўрда дарвозалари Қалиятепа дарвозаларининг айнан ўзидир. Жиззахлик оқсоқолларнинг айтишларича, унинг атрофидаги маҳаллалар номига нисбат берилиб – “Жиззахлик”, “Ховослик” ва “Ўратепалик” номлари билан аталган.

Ўрда ва унинг атрофидаги жойларни ўрганиш, сопол буюмлар тарқалган чегараларни аниқлаш, сўраб-суриштириш ва буларни топографик планга солиштириш орқали ёдгорликни майдони ва сарҳадларини аниқлашга муваффақ бўлинди. Фикримизча, номаълум топограф томонидан чизилган Ўрда плани 1:500 ўлчамда чизилган бўлиб, у ҳолда XIX асрнинг 2-ярмидаги Ўрда томонлари ўлчами 1100х900 м.га, арк ўлчами 300х200 м.га тенг бўлган.

Ушбу рақамлардан келиб чиққан ҳолда Ўрданинг умумий майдони деярли 100 га, арки 6 га бўлган деб айтиш мумкин. 1867 йилда Жиззахга ташриф буюрган А.П. Федченко унинг аҳолисини 5000 кишидан ортиқ деб ёзади. Тадқиқ этилган Ўрда майдони ва унинг атрофидаги “Заргарлик”, “Мискарлик”, “Темирчилик”, “Кулоллик”, “Кўнчилик”, “Қаландархона” каби маҳаллалар сони А.П. Федченко кўрсатган маълумотга тўла-тўкис мос келади. Археология фани нуқтаи назаридан эса ўрганилган Ўрда топографияси ҳар ҳолда XIX асрннг 2-ярмига тааллуқли эканини эсда тутиш керак.

21. Каттатепа. Ўрдадан 1,1 км шимоли-ғарбда, “Яхтанлик” маҳалласида жойлашган. Ёдгорлик икки поғонали бўлиб, унинг ташқи кўриниши тўғри тўртбурчак шаклида, ўлчамлари 220х170 м.ни, биринчи поғонаси баландлиги 5-6 м.ни, иккинчи поғона, яъни марказда жойлашган қўрғон баландлиги 9-10 м.ни ташкил қилади. Кўп сонли сопол идишлар парчалари ёдгорликни араб истилосидан аввал VI-VIII асрларда бунёд этилганидан ва иккинчи қурилиш даври XI-XII асрлар билан даврланишидан гувоҳлик беради. Айни пайтда ёдгорликдан қабристон сифатида фойдаланилмоқда.

22. Саройликтепа. Ўрда шаҳри харобаларидан 1,5 км масофа шимоли-ғарбда, Жиззах шаҳрининг шимолий чеккасидаги “Саройлик” маҳалласи ҳудудида жойлашган. Тепа икки поғонали ёдгорликлар тоифасига мансуб бўлиб, тўғри тўртбурчаксимон кўринишга эга. Ёдгорлик марказида унинг асосий иморатлари, яъни қўрғони жойлашган. Қўрғоннинг ҳозирги кўриниши айлана шаклда бўлиб, диаметри 60 м.ни ташкил қилади. Саройликтепанинг умумий ўлчамлари 160-140 м.га, биринчи поғонаси баландлиги 4-5 м.га, иккинчи поғонаси баландлиги 10-11 м.га тенг. Ёдгорликдан айни пайтда қабристон сифатида фойдаланилмоқда. Уни усти ва ён атрофидан топилган сопол идишлар парчалари V-VIII, IX-X асрларга тааллуқли.

23. Илонлитепа. Ўрдадан 2,5 км шимолий-ғарбда, Жиззах тумани ҳудудида жойлашган. Мазкур тепа Ўрда тасарруфидаги энг йирик ёдгорликлардан бири бўлиб, шакли тўғри тўртбурчак кўринишига эга. Илонлитепа ҳам икки поғонали, унинг марказий қўрғони ёдгорлик ўртасида жойлашган бўлиб, у квадрат шаклда, ўлчамлари 70х70 м га, баландлиги 5 м. га тенг. Ёдгорликнинг умумий ўлчами 150 х130 м.ни, биринчи поғонаси баландлиги 3,5 м.ни ташкил қилади. Микрорельеф бўйича Илонлитепанинг айлана мудофаа девори ва иккита шарқий ва жанубий дарвозаларини кузатиш мумкин. Ёдгорлик устидан йиғилган сопол буюм парчалари VI-VIII; X-XII асларга тааллуқлидир. Илонлитепадан айни пайтда қабристон сифатида фойдаланилмоқда.

24. Сигиртепа. Ўрдадан 3,2 км масофа шарқ томонда, Жиззах тумани “Учқаҳрамон” турар-жой мавзейсининг Қўшбармоқ қишлоғида жойлашган. Ёдгорлик ташқи кўриниши айлана шаклда бўлиб, диаметри 30 м. ни, баландлиги 3,5 м. ни ташкил қилади. Сигиртепани шарқий қисми йўл қурилиши даврида қирқиб ташланган. Қирқимларда пахса девор, кул, хом ғишт парчалари қолдиғи сингари

20. Урда

21. Каттатепа

24. Сигиртепа

маданий қатламлар яққол кўриниб турибди. Йиғилган сопол идишлар парчалари VII-VIII асрлар билан даврланади.

25. Калонтепа. Ўрдадан 2,8 км масофа шарқ томонда, Жиззах туманига қарашли Қўшбармоқ қишлоғи ўртасида жойлашган. Ёдгорлик кўриниши айлана шаклда бўлиб, унинг диаметри 45 м.ни, баландлиги 1,5-2 м.ни ташкил қилади. Ашёвий далилларни йўқлиги сабабли тахминий даврий санаси номаълум.

26. Тоштепа. Ўрдадан 6,1 км шимолий-шарқда, Жиззах тумани Навоий СФУ ҳудудида жойлашган. Ёдгорлик айлана шаклда, диаметри 55 м, баландлиги 4,5 м. Даврий санаси номаълум.

27. Номсизтепа. Ўрдадан 1,3 км масофа жануб томонда, “Сайилжойи” деб аталадиган мавзейда, Жиззахлик ариғининг ўнг қирғоғида жойлашган. Ёдгорлик шаклан квадратсимон кўринишда бўлиб,ўлчамлари 45х38 м.ни, баландлиги 2,-2,5 м.ни ташкил этади. Микрорельефга асосан тепа айлана девор билан ўраб олинган.Тепанинг усти ботиқ ҳовузсимон шаклда бўлиб, унинг чуқурлиги 0,8-1,2 м.га тенг. Ёдгорлик даврвозасини жануб томонда деб тахмин қилиш мумкин. Топилган ашёвий далилларга асосланиб, Номсизтепани VI-VIII; X-XII асрлар билан даврлаш мумкин.

28. Молтоптепа. Шаҳар харобалари Ўрдадан 3,8 км жануби-ғарбда, Жиззах туманига қарашли Молтоп қишлоғида, тоғолди ҳудудида, баланд адир устида жойлашган. Ёдгорлик ҳар хил ўлчамдаги учта қурилиш мавзейидан иборат.

I - қурилиш мавзейи фикримизча, ёдгорликнинг арки бўлиб, у тўғри тўртбурчак шаклида, ўлчамлари 100х80 м, баландлиги 6 м. Арк тўрт тарафдан хандақлар билан ўраб олинган.

II-қурилиш мавзейи шаҳристонга дахлдор бўлиб аркнинг ғарбий томонида, ўлчамлари 300х200 м.га, баландлиги 4,5-5 м.га, ташқи кўриниши тўғри тўртбурчак кўриншига эга.

III-қурилиш мавзейи трапециясимон шаклда бўлиб, 160х60х40 м. ўлчамга, 3,5-4 м баланддикка эга.

Бизнинг фикримизча, мазкур ёдгорлик тормикрорельефи шарт-шароитларидан фаол ва муваффақиятли фойдаланган ҳолда қурилган шаҳар бўлиб, бу омиллар билан Сабат рустоқи марказий шаҳри Култепа ёдгорлигига жуда ўхшаб кетади.

Ёдгорлик устидан 27х27х4,5-5 см қолипдаги пишган ғиштлар ва VI-VIII; XVI-XIX асрлар билан даврланувчи сопол буюмлар коллекцияси топилди.

29. Муллатепа. Ўрдадан 4,3 км жануби-шарқда Жиззах туманига қарашли “Шариллоқ” қишлоғининг шарқий чеккасида, пахта майдони ўртасида жойлашган. Ёгорлик тўғри тўртбурчаксимон шаклда бўлиб, шимол-жануб йўналиши бўйича чўзилиб кетган, ўлчамлари 110х90-80 м.ни, баландлиги 9 м.ни ташкил қилади. Бизнинг фикримизча, ёдгорлик номи булоқ, чашма каби сув манбалари кўзини, ҳовуз ва қудуқларни усти ихота қилинганини билдирадиган “мўла” сўзидан олинган. Йиғилган ашёвий далилларга асосланиб Муллалитепа даврий санаси VI-VIII асрлар билан ўлчанади.

30. Мозортепа. Сайхонсойдарасига кириш жойда, сойнинг ўнг қирғоғида, Сайхон қишлоғининг шимоли-ғарб томонида, баланд адир устида жойлашган.

Тепа ғарбдан шарққа 60 м масофага чўзилиб кетган, унинг жануб-шимол йуналишидаги ғарбий эни 40 м.ни ташкил қилади. Ёдгорлик икки поғонали бўлиб, энг баланд ғарбий қисми 5 м.га, энг паст шарқий қисми 2,5 м.га тенг. Тепалик ҳозирги пайтда қабристон сифатида ишлатилмоқда. Топилган сопол буюмларга қараб унинг тахминий даврини VI-VIII асрлар билан белгилаш мумкин.

31. Такатош петроглифлар галереяси Жиззах тумани, Сайхон қишлоғидан 2,5-3 км ғарбда, Моргузарнинг шарқий қисмидаги Такатош дарасида жойлашган. Ибтидоий давр рассомлари томонидан қоятошларга ўйиб чизилган бу илк тасвирий санъат намуналарида турли ҳайвонлар – оҳу, буғу, архар, от, қорамол, қоплон, ит тасвирлари, одамлар уларни оломон бўлиб ов қилиши, диний маросимлар талқини акс эттирилган.

М. Хўжаназаров тадқиқотлари натижаларига кўра,Такатош дарасидаги суратлар уч гуруҳга ажралади ва уларнинг даврий санаси милоддан аввалги III мингинчи йилдан милоднинг биринчи минг йиллигигача бўлган катта даврий санани ўз ичига олади (Хужаназаров, 1985, 10-11 с.).

Такатошни 1991 йилда қайтадан тадқиқ этган Жиззах отряди томонидан дарага кириш жойда, Сайхонсойнинг ўнг қирғоғидаги қора гранит қояда якка ҳолда чизилган Бухоро оҳуси расми топилди. Расм реал ҳолда, моҳирлик билан чизилган. Оҳунинг олдинги ўнг оёғи эгик ҳолда кўтарилган, боши хиёл пастга энгашган. Бундай ҳолда тасвирланган оҳуларни XV-XVI асрларда чизилган шарқ миниатюраларида кўплаб учратиш мумкин. Шу боисдан, Такатош қояларига сўнгги ўрта асрларда ҳам суратлар чизилган деб хулоса чиқариш мумкин.

Қили дарёсиархеология ёдгорликлари

Сангзорнинг узвий давомчиси бўлган Қили дарёчаси мазкур ном билан аталувчи қишлоқча атрофидаги мавжуд турли оқова ва ер ости шўр сувлари йиғиндисидан бош олиб, 30 км масофа шимол томонда жойлашган Тузкон кўлига қуйилади. Тузкон суви аччиқ, шўр бўлгани сабабли истеъмол ва қишлоқ хўжалиги учун яроқсиз. Айни вақтда, узоқ муддатли ёғингарчилик ва сел мавсуми пайтларида Сангзорнинг ортиқча суви Қилига ташлаб юборилади. Ўтмишда ҳам Сангзор дарёсининг истеъмолга яроқли бўлган суви Қили ўзанигача етиб келган ва Тузконга қуйилган. Бу эса мазкур Қили дарёчаси ҳавзасида ҳам қадимда турар-жой

масканлари қурилишига муҳим омил бўлиб хизмат қилган. Ўрда суғориш шаҳобчасининг шимолий ва шимолий-ғарбий сарҳадларида жойлашган Қили дарёси ҳавзасидаги ёдгорликлар Ўрда археология ёдгорликларининг қонуний ва узвий давомчиси бўлиб хизмат қилган.

32. Қулфисарота қабристони. Маълумки, Нурота тизма тоғлари табиий чегара-тўсиқ сифатида Жиззах воҳасининг шимолий ва ғарбий чегараларини тўсиб туради. Жиззах шаҳридан 30 км масофа шимолда, Нурота тизмалари илмоқсимон шаклда бурилиб ўзига хос тоғ дарасини ҳосил қилган жойда Қулфисарота қабристони жойлашган. Қулфисарота қабристони фаолияти муқаддимаси ҳақидаги саволларга маҳаллий оқсоқоллардан "жуда қадимги" қабилида жавоб бўлди. Қабристон фаолияти ва унинг илоҳийлаштирилиши айнан унинг атрофидаги мавжуд археологик обидалар билан боғлиқ. Я. Ғуломовнинг таъкидлашича, "Қулписар атамаси "йўлнинг бош қулфи" маъносини беради. Қулписар орқали Жиззах воҳасини Чимқўрғон ва Жанубий Қозоғистон билан боғловчи эски йўл ўтган. Дунётепа қалъаси ҳақиқатан ҳам бу йўлни ёпган" (Ғуломов, 1961).

33. Дунётепа. Қили дарёси қирғоғида, табиий тош террасалар устида жойлашган. Ёдгорлик қалъа маъносини берувчи "Ҳисор" номи билан ҳам аталади. Ташқи кўриниши жиҳатидан Дунётепа икки поғонали ёдгорлик бўлиб, у шимолий-ғарб, жанубий-шарқ йўналиши бўйича чўзилиб кетган ва 200х170 м ўлчамларга эга. Дунётепа қўрғони ёдгорликнинг шарқий қисмида жойлашган. У квадрат шаклда бўлиб ўлчамлари 30х30 м. га, баландлиги табиий тепалик билан қўшиб ҳисоблаганда 20 м.га тенг. Мазкур ёдгорликда 1956 йили Я. Ғуломов раҳбарлигидаги Моҳандарё отряди, 1977 йили Э. Қодиров бошчилигидаги Археология институти отряди томонидан кичик ҳажмдаги қазув-тадқиқот ишлари олиб борилган. Я. Ғуломов фикрича, Дунётепа милодий эранинг I асрида бунёд этилиб, унча кўп вақт фаолият кўрсатмаган. Лекин XI-XII асрларда қайта қурилган ва фаолиятини давом эттирган (Гулямов, 1961).

34. Тўрткўлтепа. Дунётепадан 50 м масофа жануби-шарқда, Қулфисар дарасининг кириш қисмида, йўлнинг ўнг томонида жойлашган. Ёдгорликнинг айни пайтдаги ташқи кўриниши квадратсимон шаклда бўлиб, ўлчамлари 110х100 м.ни ташкил қилади. Микрорельеф тузилишига асосан Тўрткўлтепа мустаҳкам мудофаа девори билан ўралган ва унинг дарвозаси шимолий-шарқ томонда бўлган. Тўрткўлтепанинг асосий иморати ёдгорлик ўртасида жойлашган бўлиб, у квадрат шаклда, ўлчамлари 70х70 м.га тенг. Я. Ғуломовнинг ёзишича, "бу иморат ўзининг ички планировкаси ва жойлашган ўрни жиҳатидан IX-X асрларда Ўтрорни Нурота билан боғлаган эски катта йўл ёқасида ҳар 30 км масофада қурилган рабод (карвонсарой)лар занжирига ўхшаб кетади. Қулписар рабоди ҳам мазкур тизим таркибига кирган (Ғуломов, 1961).

1977 йил Ўзбекистон ФА Археология институтининг Э. Қодиров бошчилигидаги Жиззах отряди Тўрткўлтепани қайта тадқиқ этади ва 10х4 м ўлчамдаги стратиграфик қазув ишларини ўтказди. Стратиграфик шурф натижасига кўра, Тўрткўлтепа маданий қатламлари 2 та қурилиш даврига тааллуқли бўлиб, бу саналар VIII-IX ва XI-XII асрлар билан белгиланади (Бердимуродов, 1985).

35. Сағана. Дунётепадан 150 м масофа жануби-шарқда Қулфисар дарасини жанубдан қисман ёпувчи тоғ ён бағрида жойлашган. Сағана топинч иншооти бўлиб, у мусулмон кўмиш қонуниятларига хилоф равишда ғарб-шарқ томонлари бўйича йўналтирилган ва узунлиги 18 м.га қадар чўзилиб кетган. Узоқ вақт об-ҳаво

таъсирида сағана бир неча жойидан шикастланган. Я. Ғуломов фикрича, Қулфисар сағанаси устида ҳам дастлаб худди Хўжа Даниил (Афросиёб), Мозор қишлоқ (Нурота), Деҳи Баланд, Шоҳимардон (Ғозғон) сағаналаридагидек иморат қад кўтариб турган (Гулямов, 196I).

36. Дольмен. Сағанадан 100-120 м масофа шарқ томонда жойлашган. Ўрта Осиё ҳудудида илк бор учраган мазкур иншоот бир неча харсанглардан ясалган ва усти катта япалоқ тош билан ёпилган. Дольменнинг ўлчамлари 1,8х1,5 см. га, баландлиги 120 см.га тенг. Ғарбий Европа мамлакатлари дольменларидаги сингари мазкур иншоотнинг атрофи ҳам бир қатор харсанг тошлар билан ўраб олинган. Я. Ғуломов ёзишича, “Қулписар мозорига сиғинувчилар дольменга ҳам қурбонлик атайдилар ва бу ерда қон чиқарадилар. Дольмен ислом дини пайдо бўлганидан 2000 йил аввалги бронза асри одамлари дини ва кўмиш маросимига тааллуқ-лидир” (Гулямов, 1961).

Раватсой ҳавзаси археология ёдгорликлари

Раватсой Молгузар тизмаларининг шарқий ён бағирларидан бош олувчи иккита тор сой Кўрпасой ва Увобсойни қўшилишидан ҳосил бўлади.

Серёғин йиллари ва сел мавсумларида Ёйилма қишлоғигача (50 км) етиб борган мазкур сой Жиззах воҳасини шарқий томондан чўл-дашт мавзейлар билан чегаралаб иккига ажратиб туради. Раватсой ҳавзасида ҳосил бўлган серсув мўъжаз водий орқали Суғд ва Фарғонани боғлаган Буюк Йпак йўлининг кичик бир тармоғи ўтган. Водийда турли даврга оид археология ёдгорликлари зич жойлашган бўлиб, уларнинг асосий гуруҳи Равот ва Учқизлар қишлоқлари атрофида жамланган (Пардаев, 1995).

37. Қўрғонтепа. Жиззах туманига қарашли Равот қишлоғида жойлашган. Ёдгорлик трапециясимон шаклда бўлиб, ғарб-шарқ йўналиши бўйича чўзилиб кетган. Унинг ўлчамлари 70х25х35 м.га, баландлиги 3,5 м.га тенг. Қўрғонтепанинг микрорельефида унинг чор айлана деворлари, ғарбий қисмида иккита кунжак буржи, шарқий томонидаги дарвозаси кўзга ташланади. Ёдгорлик ичи ботиқ бўлиб, чуқурлиги 1,5 м ҳовузсимон кўринишга эга. А. Грицинанинг фикрига кўра, Қўрғонтепа Бурнамад рустоқининг ўрни. Адабиётларда таъкидланишича, Бурнамад тоғ рустоқидир ва Суғдиёна билан чегара мавзейда жойлашган. Шунинг учун ҳам ўрта аср тарихчилари Бурнамадни гоҳ Суғд, гоҳ Уструшона рустоқлари таркибида қайд этишган. Қўрғонтепанинг ғарбий томонидан Кўрпа тоғлари 2-3 км масофадан кейин бошлансада, ҳозирги жойлашган ўрни текис дашт-адирликдадир. Фикримизча, Қўрғонтепа ҳеч қачон Бурнамад бўлолмайди. Қўрғонтепадан топилган сопол идишлар пачаларига қараб ёдгорликни X-XII асрлар билан даврлаш мумкин.

38. Номсизтепа. Равот қишлоғидан 2,2 км ғарбда, тоғ томонда, Учқиз қишлоғининг ғарбий чеккасида, мазкур тоғ йўлининг чап томонида, баландлиги 10 м.ли адир устида жойлашган. Тепанинг сақланиб қолган кўриниши тухумсимон шаклда бўлиб, шимолий-ғарб, жанубий-шарқ йўналиши бўйича чўзилиб кетган. Тепалик тўрт томондан бузилган бўлиб, унинг сақланиб қолган ўлчамлари 25х10х40 м.ни, энг баланд шимолий қисми 2,1 м.ни ташкил қилади. Ёдгорликдан топилган сопол идиш парчаларига асосланиб, Номсизтепа V-VIII асрлар билан даврланади.

39. Тўрткўлтепа. Учқиз қишлоғининг шимолй-шарқий чегарасида, Равот - Учқиз йўлидан 150 м масофа ичкарида (чап томонда) токзорлар ўртасида жойлашган. Ёдгорлик улкан ҳовли майдонига эга бўлган қалъа бўлиб, қалъанинг марказий қисми тўртбурчаксимон шаклдаги қўрғондан иборат. Қалъа томонларининг ўлчами 80х60 м.га, баландлиги 5-7 м. га тенг. Қалъага шимолий ва шимоли-шарқий томондан тўғри тўртбурчак шаклидаги 2 та қурилиш мавзейи қўшилиб кетган. Ер ўзлаштирилишига қарамай, бу янги мавзейларнинг чегараси, мудофаа деворлари ва буржлари микрорельефида сақланиб қолган. Тўрткўлтепа қалъаси умумий майдони янги мавзейлар билан қўшиб ҳисобланганда 3 га.дан ошади. Топилган ашёвий далилларга суянган ҳолда Тўрткўлтепа қалъасини V-VIII асрлар билан, янги қўшилган қурилишларни X-XII асрлар билан даврлаш мумкин. Шунингдек, бу атрофдан XV-XVI асрларга оид материаллар ҳам топилди.

40. Малик ота масжиди. Уч қиз қишлоғини ўртасида, катта йўл ёқасида, текисланган тепалик устида жойлашган. Уч қиз қишлоғилик оқсоқол 1922 йилда туғилган Пирназар бобо Пиримқуловнинг айтишича, масжид қурилмасдан аввал бу ер тепалик бўлган. Тепаликнинг ҳозирги кўриниши 50х50 м.ли квадрат шаклга эга. Унинг ғарбий қисмида ҳажми 10х10 м.баландлиги 2 м бўлган тепача сақланиб қолган ва бу ер Малик отанинг қадамжойи сифатида муқаддаслаштирилган. Тепалик устида 27х15х4 см қолипда қуйилган пишган ғишт синиқлари жуда кўплаб учради. Қадимда, яъни X-XII асрларда бу ерда карвонсарой фаолият кўрсатганлиги эҳтимолдан холи эмас.

41. Номсиз шаҳар харобалари. Учқиз қишлоғидан 800 м шимолий-ғарбда, Равотсойнинг чап қирғоғида тахминан 0,5 км^2 ҳудудий кенгликда 5 та ёдгорлик жойлашган. Ёдгорликлар комплексининг марказида трапеция шаклидаги тепа мазкур обидаларнинг асосини ташкил қилади. Тепа шимол-жануб йўналиши бўйича чўзилиб кетган бўлиб, унинг томонлари ўлчамлари 120х35-20 м.га, баландлиги 8 м.га тенг. Ёдгорликнинг устидан V-VIII, XVI аср материаллари йиғиб олинди. Мазкур археология обидасини ушбу ёдгорликлар комплекси шаҳристони, унинг атрофидаги тепаларни рабодлар деб қабул қилиш мумкин. Уларнинг номи номаълум бўлгани сабабли рабод деб қайд этамиз ва рақамлаймиз.

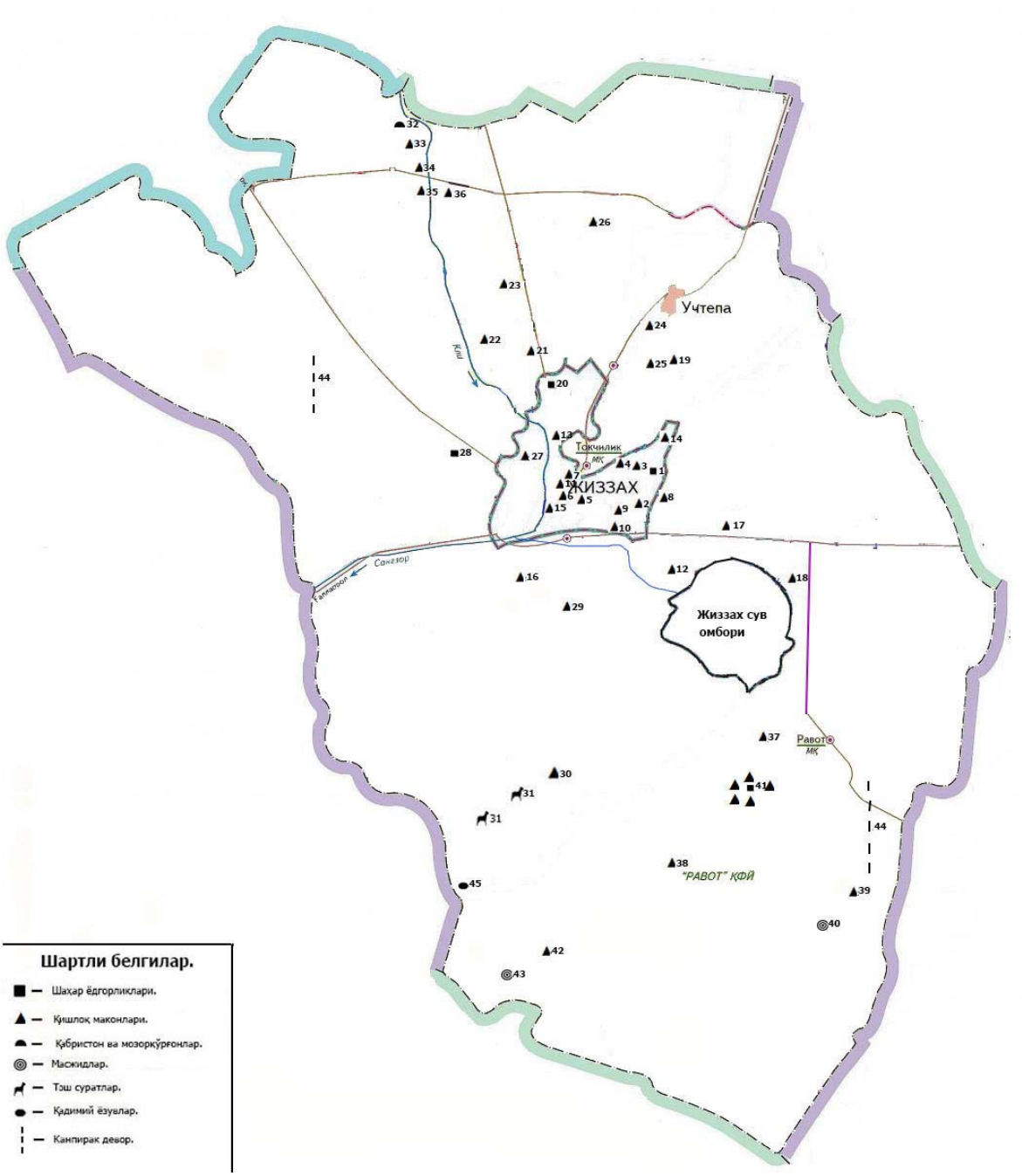
1-рабод марказий комплексдан 20 м шимолда жойлашган, ёдгорлик чўзинчоқсимон айлана шаклида бўлиб, унинг диаметри 20 м. га, баландлиги 5 м. га тенг.

2-рабод марказий комплексдан 120 м шимоли-ғарбда жойлашган. Шакли тухумсимон, ўлчамлари 15х7х25 м.га, баландлиги 5 м.га тенг.

3-рабод марказий комплексдан 180 м шимоли-шарқда жойлашган. Кўриниши тухумсимон шаклда, жануб-шимол йўналиши бўйича чўзилган, жанубий томони қирқиб олинган. Ўлчамлари 5-3х30 м, баландлиги 4 м.

4-рабод шаҳристоннинг жануб томонида, Раватсойнинг чап қирғоғида жойлашган. Ёдгорликнинг шакли тўғри тўртбурчак кўринишда, ўлчамлари 60х40 м.ни, баландлиги 6 м. ни ташкил қилади. Унинг устидан VI-VIII, XV-XVI асрларга оид сопол идиш парчалари топилди.

42. Киндиктепа.Учқиз қишлоғидан 10 км ғарбда, Кўрпасойнинг чап қирғоғида, тоғ дарасида Парпиота йўлида жойлашган. Ёдгорлик айлана шаклида бўлиб, унинг диаметри 35 м.га, юқори майдони 8х8 м.га, баландлиги 20 м.га тенг. Киндиктепа Кўрпасой дарасидаги Қоровултепа вазифасини ўтаган. Даврий санаси V-VIII асрлар билан ўлчанади.

Қуйи Сангзор воҳаси археология харитаси

43. Парпиота масжиди. Имом Муҳаммад Ғаззолий томонидан XVI асрда Парпиота қишлоғида қурилган. Масжид ягона гумбазли 2 та хона, пешайвон ва ҳовлидан иборат. Хоналарнинг бири қадимги пайтда, иккинчиси эса кейинги даврларда қурилган. Парпиота масжиди муқаддаслаштирилган, бу ерга турли беморлар, айниқса, қутурган ит қоган одамлар шифоталаб бўлиб келишади.

44. Кампирак девори харобалари Жиззах туманига қарашли Куёвбоши, Олмачи, Равот қишлоқлари ҳудудида сақланиб қолган. Ҳ. Муҳамедов таъкидлашича, ўтмишда бутун Жиззах воҳаси ёйсимон шаклдаги девор билан ўраб олинган. Деворнинг ғарбий қисми Куёвбоши қишлоғи орқали Етимтоққа бориб

тақалган, шарқий қисми эса Олмачи қишлоғидаги Сийпанчиқтепадан бошланиб, жануб-шарққа, Равот қишлоғидаги Қўрғонтепага қадар қарийб 20 км масофага чўзилиб борган. Кампиракнинг даврий санаси V-VIII асрлар билан белгиланган (Мухамедов, 1961, 51-53 б.).

45. Илонўтти дараси тош битиклари Жиззахдан 13 км жанубий-ғарбда, Моргузар ва Нурота тоғларининг бир-бирига жуда яқинлашиб келишидан ҳосил бўлган тоғ унгирнинг "Темир дарвоза" деб аталадиган қисмида, Сангзорнинг ўнг қирғоғидаги тик қояда жойлашган. Ноёб эпиграфик ёдгорлик бўлган бу ёзувлар оқ мармар тоштахтага араб имлоси билан форс тилида ёзилган 2та матндан иборат. 1867 йилда мазкур тош битикларни тадқиқ этган таниқли шарқшунос П.И. Лерхнинг аниқлашича, матннинг биринчиси Улуғбек Кўрагоннинг ҳижрий 828 йилда жеталар юрти Мўғулистонга қилган ҳарбий юриши ва ундан муваффақият билан қайтиши ҳақида хабар беради. Иккинчи битик эса Бухоро хони Абдуллахоннинг 1571 йилда Тошкент, Бухоро, Дашти Қипчоқ султонларининг кўп сонли, бирлашган қўшини устидан қозонган ёрқин ғалабасидан ҳикоя қилади. Бир-биридан деярли юз эллик йил вақт тафовутга эга бўлиб, икки тарихий воқеликдан хабар берувчи бу икки матнни бир мармар лавҳага битилиши, тил усули, ҳарфлар ўйилиш техникасининг бир хиллигини ҳисобга олиб, биз бу ёзувларни бир вақтда, яъни 1571 йил маърифатпарвар Абдуллахон II (1557-1597) фармони билан бунёд этилган деб ҳисоблаймиз.

Хулоса

Сангзор дарёсининг қуйи оқимида жойлашган ва унинг атрофидан ҳисобот даврида ва аввалги пайтларда топилган моддий маданият намуналарининг далолат беришича, Уструшона Марказий Осиёнинг энг қадимги тарихий маданий ўлкаларидан биридир. Унинг ҳудуди тош асри, ибтидоий жамоа тузуми давридан бошлаб қадимги аждодларимиз томонидан узлуксиз равишда ўзлаштирилган, даврлар оша антропоген ландшафт юзага келган ва ривожланган.

Уструшонанинг ғарбий ҳудуди Сангзорнинг қуйи оқими водийсида ўтказилган қидирув тадқиқотлари натижасида жами 46 та археологик ёдгорлик аниқланди ва рўйхатга олинди. Шу асосда қуйидагиларни хулоса қилиш мумкин.

1. Мил. эр. авв. I минг йилликнинг ўрталаридан бошлаб, кўчманчи чорвадорларнинг ўтроқлашуви бошланади ва бу ҳолат Уструшонанинг ғарбий қисмида ҳам ўзига хос, маҳаллий маданиятнинг вужудга келишига асос бўлади;

2. Уструшонадаги шаҳар ҳаётининг 1-босқичи Аҳамонийлар истибдоди даврида ушбу салтанатнинг шимолий сарҳадларини муҳофаза қилиш учун қурилган 5 та қалъа-шаҳар тарихи билан боғлиқ. Бу қалъа-шаҳарлар Уструшонанинг марказий ва шимолий ҳудудида бунёд этилган. Биз ўрганган ғарбий Уструшонада эса шаҳар қурилиши мил. эр. авв. III асрда бошланган бўлиб, бунга Жиззах шаҳрининг шарқий қисмида жойлашган Қалиятепа харобалари яққол далилдир.

3. Янги эранинг бошларидан III-IV асрларга қадар Сангзор водийсининг қуйи оқимида 2 та шаҳар маркази Қалиятепа ва Дунётепа вужудга келган. Унинг атрофида ушбу даврларга оид қишлоқ маконлари вужудга келган (Расулбойқултепа, Мозортепа, Қулфисар...).

4. Халқларнинг буюк кўчиши, Хионийлар, Эфталитлар, Турк хоқонлиги даврида Жиззах воҳасида кўчманчи халқларнинг оммавий ўтроқлашуви фаол кечган. Қайд этилган археология ёдгорликларининг 60%и V-VIII асрларга тўғри келади. Бундан

ташқари бу даврда Уструшонанинг чегаралари расмий аниқланади, ҳар бир воҳада фаолият кўрсатган марказий шаҳар атрофи қишлоқ маконлари балан ўраб олинади (Астантепа, Комилбоботепа, Ёкуббоботепа...). Бундай ҳолатни Қалиятепа мисолида кўришимиз мумкин.

5. Араб истилоси натижасида VIII асрнинг 2-ярмида Қалиятепада ҳаёт тўхтайди, воҳадаги шаҳар ҳаёти 6 км шимолий ғарбда жойлашган Ўрдага кўчади. Ўрдада ўтказилган бунёдкорлик ишлари туфайли унинг IX-XII; XIII-XIV асрларга оид маданий қатламлари ўрганилган эмас. Ўрда XIX асрнинг 60 йиллари ўрталарига қадар Жиззах беклигининг маъмурий маркази бўлиб хизмат қилган.

6. Ривожланган ўрта асрларда қишлоқ маконлари сони камайсада, уларнинг умумий майдонлари кенгаяди. Жиззах (Дизак) Мовароуннаҳрнинг иқтисодий ва маданий ҳаётида ўзига хос ўрин тутади. Бунга Қизлартепа, Сийпанчиқтепа, Химонтепа каби ёдгорликлардан олинган археологик материаллар асос бўлади.

Шундай қилиб, хулоса қилиш мумкинки, Уструшонанинг ғарбий сарҳадларида антропоген ҳодисаси қадимги даврлардан бошланган, архаик даврга келиб ўтроқ маданияти вужудга келган ва келгуси даврларда бу жараён узлуксиз давом этган ва ривожланган.

Фойдаланилган адабиётлар:

Бердимуродов А.Э. Археологические памятники Джизакской области // Автореф. дисс. канд. ист. наук. М., 1985.

Гулямов Я.Г. Кладбище Кулпи-Сар // ИМКУ. Вып.2. Ташкент, 1961.

Исхаков М. Отчёт археологической работы в Джизакском оазисе в 1977 г. // Архив института Искусствознания, Ташкент, 1978.

Касымов М.Р. Археологические работы в Узбекистане // АО. М., 1968.

Мухамедов Х. Қадимий мудофаа деворлари. Тошкент, 1961.

Пардаев М.Х. Археологические работы на Расульбайкултепа // ИМКУ. Вып.26. Ташкент, 1992.

Пардаев М.Х. Северо-западная Уструшана в эпоху раннего средневековья // Автореф. дисс. канд. ист. наук. Ташкент, 1995.

Пардаев М.Х. Шимолий-ғарбий Уструшонанинг илк ўрта аср қишлоқ маконлари қурилиш меъморчилиги хусусида айрим мулоҳазалар // ЎММТ. 30-нашр. Самарқанд, 1999.

Пардаев М.Ҳ. Қалиятепа шаҳар ёдгорлиги ва унинг стратиграфиясига доир айрим мулоҳазалар // ЎММТ. 31-нашр. Самарқанд, 2000.

Пардаев М.Ҳ. Комилбоботепа қалъаси // ЎММТ. 32-нашр. Самарқанд, 2001.

Пардаев М.Ҳ., Убайдуллаев И.Ҳ., Ғофуров Ж.И., Холбоев З.Т., Эргашева Б.С., Пардаев Ш.М. Қалиятепа 3-рабодида 2007-2008 йилларда ўтказилган археологик тадқиқотлар хусусида // Ўзбекистонда археологик тадқиқотлар: 2007-2008 йиллар. Самарқанд, 2009.

Пардаев М.Ҳ., Убайдуллаев И.Ҳ. Қизлартепа ёдгорлигида олиб борилган археологик тадқиқотлар хусусида // Ўзбекистонда археологик тадқиқотлар: 2010-2011 йиллар. Самарқанд, 2012.

Пардаев М.Ҳ., Ғофуров Ж.И. Ёкуббоботепа ёдгорлигида олиб борилган археологик тадқиқотлар хусусида // Ўзбекистонда археологик тадқиқотлар: 2012 йил. Самарқанд, 2013.

Хўжаназаров М. Наскальные изображения Центрального Узбекистана // Автореф. дисс. канд. ист. наук. М., 1985.

УДК: 930.26 (729.94)

АРХИТЕКТУРНЫЕ ИЗРАЗЦЫ ИЗ ФОНДА КАРАКАЛПАКСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

© 2014. А.Д. Искандерова

Институт археологии Академии наук Республики Узбекистан

Ключевые слова: Хорезм, Каракалпакский государственный краеведческий музей, архитектура, мавзолей, поливной изразец, майолика, резной декор, средневековье.

Мақолада Миздахкон ёдгорлигидан аниқланган ва ҳозирги вақтда Қорақалпоқ давлат ўлкашунослик музейида сақланаётган меъморий декорлар тадқиқ этилади. Пиширилган лойда ишланган ўйма нақшлар, майоликалар аксарият ҳолларда диний иншоотларда ишлатилган. Безак сифатида геометрик ва эпиграфик орнаментлар кузатилади.

ARCHITECTURAL TILES FROM FUNDS OF KARAKALPAK STATE MUSEUM OF LOCAL LORE
A.D. Iskanderova
The article describes the architectural decoration collected in the funds Karakalpakstan State Museum of Local lore. Mainly from the settlement of Mizdahkan. In the design of religious buildings there were use different techniques as carved decoration of baked clay, glazed tiles, majolica. In the pictorial motifs the floral, geometric and epigraphic ornaments are observed.

В истории изучения художественной культуры Узбекистана немаловажное значение имеет выявление достижений зодчих Хорезмского оазиса. Здесь архитектурное наследие местных мастеров хорошо изучено по классическим памятникам региона, таких как Кюзели-гыр (Туркменистан), Койкрылган-кала, Топрак-кала (Каракалпакстан). В последние годы сведения о художественной культуре античного Хорезма дополняются новыми открытиями древних образцов настенной живописи (гон животных, «портретная галерея правителей»), надписей и архитектурными сооружениями Ахшахан-калы (Каракалпакстан). Наряду с этими новыми археологическими раскопками в Куня-Ургенче (Туркменистан), Миздахкан, Богрaхан и Пульжай (Каракалпакстан) накапливаются образцы архитектурного декора эпохи средневековья. Изучению Приаралья эпохи средневековья посвящен ряд трудов, в том числе включающие анализ архитектурного декора отдельных сооружений.

Археологические раскопки на территории средневековых городов в последние десятилетия XX и начала XXI вв. открывают новые образцы архитектурных изразцов, среди которых достойное место занимают археолого-архитектурные исследования Миздахкана. Однако, в публикациях, посвященных городу, мало данных об архитектурном декоре памятника, фрагментарность которого не привлекают внимания исследователей. Между тем, изучение декора средневековых памятников Миздахкана дало бы возможность дополнить сведения о своеобразном искусстве украшения культовых и гражданских сооружений древних городов Южной части Приаральского региона. В свою очередь, такое изучение позволило бы создать надежную основу (в виде систематизированного корпуса артефактов) для культурологического анализа в самом широком смысле этого определения.

Городище Миздахкан расположено в Ходжейлинском районе Республики Каракалпакстан. Архитектурные памятники этого объекта впервые, более подробно, стали известны благодаря специальному труду А.Ю. Якубовского (Якубовский, 1930) (рис. 1). Ученый в составе экспедиции РАНИОН в 1928-1929 гг. посещает Миздахкан, и наряду с описанием архитектурных сооружений этого уникального комплекса обращает внимание на архитектурный декор мавзолея Мазлумхан Сулу и Халифа Реджеп (Якубовский, 1930. С. 570-576). Однако надо отметить, что А.Ю. Якубовский ограничился лишь беглым упоминанием архитектурных изразцов памятника; исследователь не сделал типологический анализ облицовочной керамики, хотя, очевидно, такой задачи перед собой и не ставил. В 1960 г. в сборнике «Архитектурное наследие Узбекистана» вышла статья Н.С. Гражданкиной о строительных материалах мавзолеев Миздахкана (Гражданкина, 1960. С. 47). Здесь автор работы также ограничилась физико-химическим анализом строительных материалов городища. В статье В.М. Филимонова «Уникальный памятник гражданского зодчества дворец Мазлумхан-сулу» в полном объеме подвергаются строительные и облицовочные материалы (хотя кратко описываются мозаичные сталактиты, мозаичный пол) (Филимонов, 1967. С. 68-71). Много лет спустя архитектурный декор памятников золотоордынского периода на Миздахане была бегло описана в статье М.-Ш. Кдырниязова и С.А. Уталиева (Кдырниязов, Уталиев, 1999. С. 44-46). Во всяком случае, в ходе этой и других археологических исследований накоплен солидный материал, хотя до сих пор комплексное исследование и анализ элементов архитектурного декора средневековых памятников Миздахкана не было сделано.

В связи с этим в этой статье к изучению привлечены новые образцы архитектурного декора Миздахкана из фондов археологии Каракалпакского государственного краеведческого музея*. Поступления археологических материалов здесь связаны с исследовательской деятельностью В.Н.Ягодина, М.-Ш. Кдырниязова и автора настоящей статьи. В 60-70 гг. XX в. В.Н.Ягодин организовал раскопки вокруг мавзолея Мазлумхан Сулу. Собранные при раскопках материалы были переданы в Краеведческий музей. Позже 1986 г. в различных участках городища Миздахкан М.-Ш. Кдырниязовым были исследованы многочисленные объекты, связанные с историей городского жилища, ремесленной промышленности и сооружениями общественного характера, часть собранных материалов с которых также пополнила фонды археологии краеведческого музея. Среди них особый интерес вызывает капители с майоликовым покрытием и плитки-«бантики» (часть декора из домашней молельни богатого горожанина), происходящие из «Восточного квартала II» золотоордынской части городища (рис. 2). Капители украшали передние углы михрабной ниши, и нижняя часть стены была оформлена выступом, которая покрыта облицовкой - шлифованным спаренным жженым кирпичом с изразцами (в виде "бантиков"), растительным орнаментом под голубой поливой "хорезмийского типа" (Кдырниязов, 2003. С. 10-11; Кдырниязов и др., 2014. С. 478-486). "Бантики", за некоторым исключением, повторяют формы и узоры изразцов-перемычек мавзолея Мазлумхан Сулу (рис. 2, *2-3*).

Образцы архитектурного декора из собрания Каракалпакского государственного краеведческого музея представлены в виде резных фрагментов обожженной глины, «бантиков» - перемычек с бирюзовой поливой, фрагментами мозаичного панно и

* Выражаю благодарность за предоставленные материалы археологам В.Н.Ягодину и М-Ш. Кдырниязову, также директору Каракалпакского государственного краеведческого музея С.С. Нурабуллаевой за содействие в работе в фондах археологии музея.

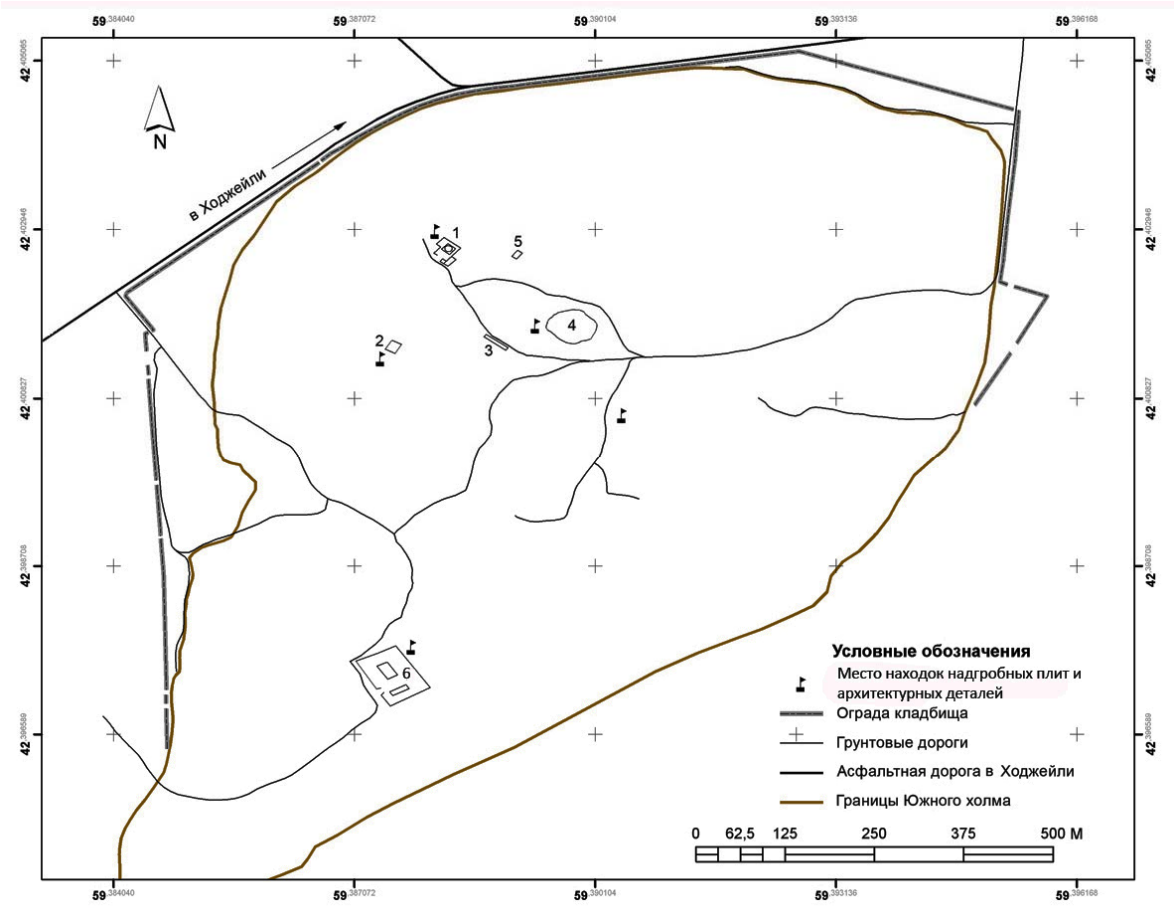

Рис. 1. План некрополя Миздахкан. 1. Мавзолей Мазлумхан Сулу 2. Мавзолей Халифа Реджеп 3. Мазар Шамун-Наби 4. Бугор Джумарт Кассаб 5. Мавзолей Кырк Шопан 6. Джума мечеть (Белое ханако)

майоликовыми плитками. Среди них более ранними элементами архитектурного декора являются вставки и плиты из резной глины. Кратко опишем их по типам и способам декорации.

Декор из резной обожженной глины. Фрагменты и целые формы необожженной и обожженной терракотовых плит и вставок из средневековых памятников Миздахкана были найдены при раскопках «Юго-западного», «Северного» и «Восточного I» кварталов, датированы XIII-XIV вв. и частично, были без подробного описания опубликованы Кдырниязовым (Кдырниязов, 1993. С. 96-97). Однако часть архитектурного декора из обожженной глины из «Юго-западного квартала» остались не известными, хранились, в запасниках Краеведческого музея. Среди них архитектурная вставка в виде сталактита-мукарнас. Этот «двухкрыльный» элемент сталактитов украшен глубокой резьбой в виде растительного узора, окаймленным двумя параллельными лентами (очевидно только часть общей и повторяющейся на всех элементах здания композиции). Узор в виде побега, завершающийся двулистниками (рис. 4, *1*). Судя по малому размеру и аналогиям, такие вставки характерны для украшения михрабной ниши мечети или (как предположили упомянутые исследователи) интерьера богатого горожанина. Такого же рода декоративные сталактиты (правда, более крупного размера) с растительными орнаментами на отдельных блоках мы видим на остатках медресе Султана Текеша в Куня-Ургенче. Следова-

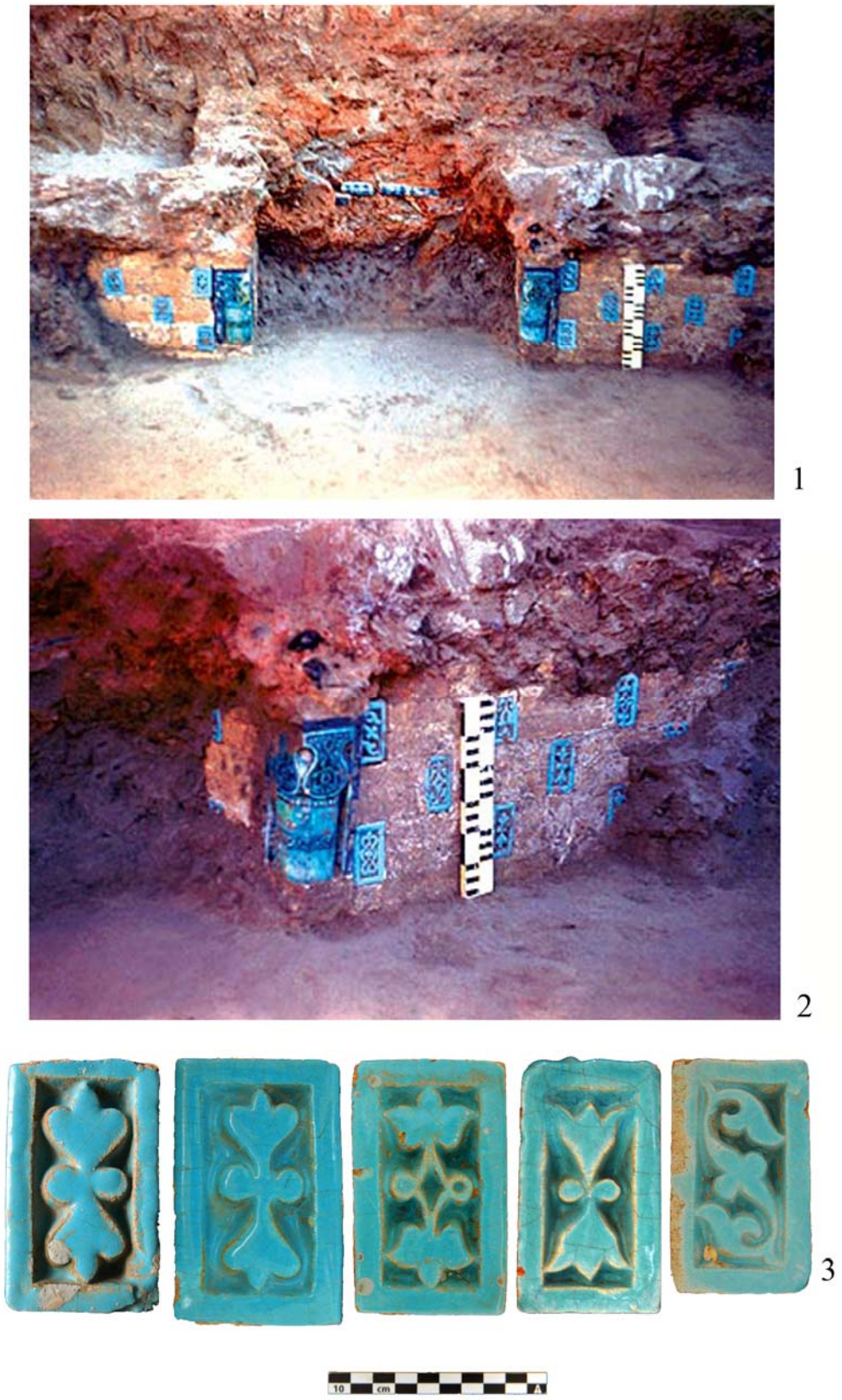

Рис. 2. Миздахкан. 1-2. Капители и плитки-изразцы из домашней молельни горожанина Восточного квартала II (Фото Кдырниязова М-Ш.) 3. Плитки-изразцы из мавзолея Мазлумхан Сулу (некрополь)

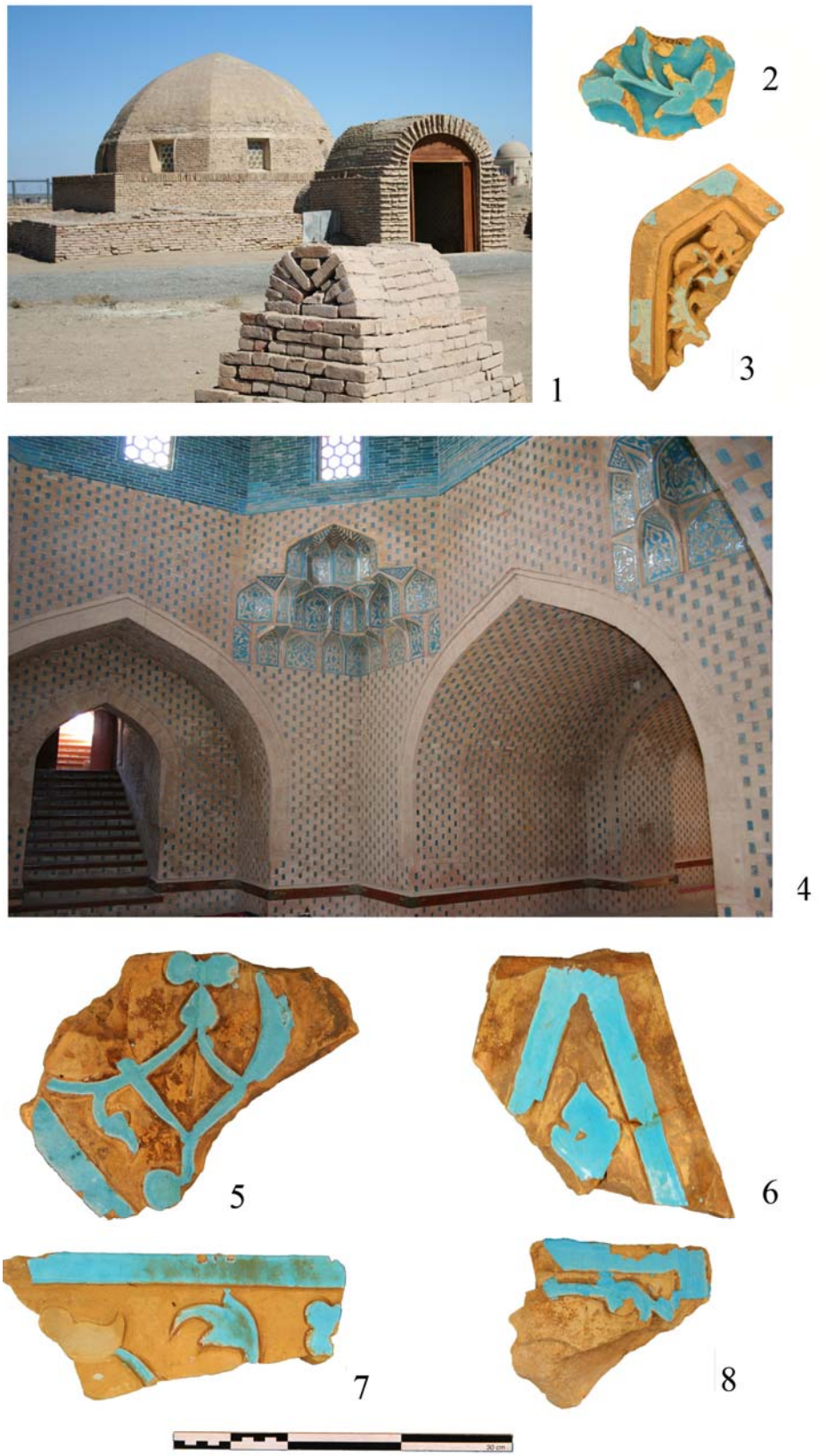

Рис.3. Мавзолей Мазлумхан Сулу. 1. Вид снаружи. 2-3, 5-8. Фрагменты облицовочного декора (Фонд археологии Каракалпакского государственного краеведческого музея). 4. Внутренний интерьер мавзолея

Рис.4. Городище Миздахкан. Юго-западный квартал. 1-3. Архитектурный декор из резной терракоты. 4-6. Фрагменты поливного декора на кашинной основе с подглазурной и надглазурной росписью (Фонд археологии Каракалпакского государственного краеведческого музея. Материалы М.-Ш. Кдырниязова)

Рис. 5. Миздахкан (некрополь). 1. Мавзолей Халифа Реджеп. 2-9. Фрагменты архитектурного декора (Фонд археологии Каракалпакского государственного краеведческого музея)

тельно, собственно стиль такого украшения сталактитов в арочных нишах стал своеобразной модой и традицией, пережившей долгие века. Второй, крупный фрагмент, найденный на «юго-восточном квартале» представлен фрагментом четырехугольной плитки обожженного изразца (рис. 4, *2*). Ими украшали плоскости стен, укрепляя их в виде отдельных элементов. Судя по композиционному изображению украшения дома из «северного квартала», такие же прямоугольные плитки из глины из алебастра применялись для оформления входной части богатого дома (Кдыр-

ниязов, 2005. Рис. 49, 131). Третья разновидность обожженной терракоты представлена терракотовыми плитками в виде дисков с глубоким резным орнаментом в виде надписей (рис. 4, *3*). Резьба осуществлялась в форме стилизованного орнамента сложной для восприятия. Здесь орнамент, как бы наложен на плитку в виде многолучевой звезды. Сходные мотивы, правда, в виде стилизованных букв мы встречаем в мечети - медресе Халифа Реджеп. Таким образом, в архитектурном декоре «юго-западного квартала» Миздахкана присутствует мотивы геометрической и растительной резьбы. Подобные архитектурные неполивные обожженные изразцы (терракота) известны в памятниках Южного Приаралья в до- и послемонгольское время (Федоров-Давыдов, 1958. С. 519; Манылов, 1982. С. 116, рис. 8, 42-43; Алимбетов, 2013. С. 138-142).

Кроме того, в фондах археологии Каракалпакского государственного краеведческого музея хранятся фрагменты архитектурного декора из мечети-медресе Халифа Реджеп, обнаруженные при расчистке площадки, куда обрушился фасад здания (Юсупов, 1990. С. 166-177). Изобразительные мотивы неполивного декора разнообразны, и представлены в трех вариантах (рис. 5). На первом варианте орнаментальная композиция состоит из укрупненных стилизованных букв (геометрический и «цветущий» куфи) вместе с растительным орнаментом в виде двух- и трилистников (рис. 5, *2, 3, 4*). По мнению Б.М. Бабаджанова на рис. 5, *2* сохранились остатки букв «вав» (в конечной позиции) и начало следующего слова «ал-му…». Буква «мим» и «дал» достаточно точно идентифицируются на фрагменте 5, *3* (возможно фрагмент имени «Мухаммад»). На фрагменте 5, *4* тоже имеются остатки двух букв. Однако в силу фрагментарности их трудно идентифицировать. По палеографии эти надписи характерны для монументальных памятников домонгольской эпохи. Судя плоской четырехугольной форме, эти фрагменты изготовлялись отдельно и затем закреплялись к стене. В отличие от основной группы на двух образцах плит, глубокий фон окрашен красной краской. Этим акцентированы орнаментальные мотивы облицовочного панно (рис. 5, *3-4*). Для второго варианта изобразительные мотивы представлены в виде наиболее распространенных «восмерькобразных» фигур (рис. 5, *7, 9*). Так, в Каваткалинском оазисе были найдены довольно крупные экземпляры таких облицовочных плит (Толстов, 1948. С. 278, рис. 90, *3*). К третьему варианту относятся детали декора, изображающие крупные листья двух-трех- и четырехлистников. В отличие от образцов предыдущего декора здесь основные детали резьбы подкрашены глубокими точками. Возможно подчеркивавшими места сгиба побегов и привлекали внимание к силуэту еще полностью не раскрывавшихся бутонов (рис. 5, *5, 6, 8*).

Использование глины в архитектурных украшениях встречаются еще с первых веков до нашей эры, но наиболее активно появление декора из сырца в культовой и жилищной архитектуре оазиса отмечено с раннего средневековья в жилищах Тешик -калы и торевтике Хорезма. На серебряном блюде из Аниково (Пермский край, Россия), фасад осаждаемого замка декорирован фигурными деталями. Они представлены сомкнутыми полуколоннами (гофр), капителями в виде завитков, круглых розеток и семилучевых пальметок (Толстов, 1948. Табл. 86). Таким же сырцовым внешне эффектным декором украшены внешние стены большой усадьбы Тешик-кала (VIII в.). Здесь глиняный декор представлен массивными полуколоннами (гофр), перспективными арочками и фризами в жилой комнате. Фриз состоит из крупных элементов орнамента, чередующихся пятилистников-пальмет и восьмилепестковых

розеток (Толстов, 1948а. С. 195-196). Однако, применение резной терракоты, в основном относится к хорезмшахскому времени. Богатая глиняная резная композиция украшает мавзолеи Куня-Ургенча связанные с именами хорезмшахов (Фахр-ад-дин Рази и Иль-Арслана) (Пилявский, 1974. С. 20).

Таким образом, в эпоху развитого средневековья Южного Приаралья декоративными плитами из резной глины были оформлены не только мемориальные сооружения, но и гражданские сооружения (в частности, жилище) . Следовательно, богатая декорация не обязательно связана с культовым характером сооружений. Вкусы и запросы горожан и, соответственно мастеров, не разделяли собственно декор на «культовый» или для повседневного обихода.

Поливные изразцы. В коллекциях Краеведческого музея также встречены несколько фрагментов резных терракотовых плит из мавзолея Мазлумхан Сулу, частично прокрытые бирюзовой поливой. Эти изразцы являются фрагментами плоских плит и клиновидных по форме вставок в пояса сталактитов, которые обычно украшали арочные ниши или фризы зданий. Такое скромное оформление в виде «подкрашивания» бирюзовой поливой резной терракоты является переходным типом к сплошному глазурованию архитектурного декора и появляется в конце эпохи Хорезмшахов. Резной орнамент глубок. Орнамент в основном состоит из растительных побегов, трилистников (рис. 2, *2-3, 5, 7*) и ромбовидных фигур (рис. 2. *6*). Образцы этого орнамента были обнаружены в декоре михрабной ниши Джума мечети Миздахкана и фасадной части мечети-медресе Халифа Реджеп (Кдырниязов и др., 2014. С. 49-53).Такие же частично покрытые бирюзовой поливой стили украшений встречаются и на штампованной керамике Хорезма и Золотой Орды. Следовательно, в постмонгольское время возрождение традиций было основано на прежних достижениях мастеров декоративного искусства.

Наиболее значительным количеством в фонде музея представлены поливные изразцы «бантики» - перемычки (рис. 2, *3*). Орнаменты изразцов выполнены штампом и покрыты бирюзовой поливой. На них изображены стилизованно растительные мотивы, состоящие из двух- или трилистников и пальмет. Растительный орнамент обрамлен широкой лентой. Размеры этих клиновидных «бантиков» 5х8,4х4,2х7,2 см. Покрытые бирюзовой поливой они использовались в облицовке общественных и культовых зданий, хотя надо отметить, что основной элемент декора растительный мотив повторяются в различных вариантах. В архитектурной облицовке мавзолея Мазлумхан Сулу архитектором В.М. Филимоновым насчитано двадцать восемь различных рисунков в «бантиках» - перемычек (Филимонов, 1967. С. 71). «Бантики» - изразцы точно датируются сохранившейся на стенах аналогиями перемычками-«бантиками» мавзолея Мазлумхан Сулу (30-г. XIV в.). Они также встречаются во внутренней облицовке стен домашней молельни «Восточного квартала II» Миздахкана золотоордынской эпохи.

Майолика. Среди археологических материалов Каракалпакского государственного краеведческого музея также встречаются фрагменты архитектурного декора в виде майоликовых плит с подглазурной росписью (рис. 4, *4, 5, 6*). Майоликовый декор в коллекции музея представлен фрагментами четырехугольной панно на кашинной основе. К сожалению, восстановить полностью композицию трудно из за их фрагментарности, тем не менее, в наших материалах встречаются некоторые детали общих композиций, например, орнаментальный декор с пересекающимися шестиугольниками (тип 1) (рис. 4, *4-5*) и растительно-цветочная композиция (тип 2)

с широким лентообразным обрамлением (рис. 4, *б*). В первом варианте шестиугольники чередуются с пятиугольниками. Бирюзовый и ультрамариновый фон орнаментального пояса являются цветовой основой для выявления геометрического рисунка, выделяющегося белым цветом. Полосы, образующие фигуры, белые. Темно-зеленая обводка (контур) геометрических мотивов придает рисунку особую эффектность. На наш взгляд прообразом орнаментальной композиции майоликового декора, возможно, служила резная глиняная облицовка предыдущих эпох. Майоликовый декор на памятниках Южного Приаралья встречается на мавзолеях Мазлумхан Сулу (сагана) и Наджмаддин Кубра и на других памятниках первой половины XIV в. Для второго варианта (тип 2) характерна подглазурная растительно-цветочная композиция с рельефом (рис. 4, *б*). Центральный рельефный орнамент состоит из листьев, веток побегов и цветков. Фон растительного орнамента темно-синий (кобальт). Окантовка центрального растительного композиция отображена в виде полосы состоящей из повторяющихся трилистников со стеблями. Рисунок белый на бирюзовом фоне. Эта растительная композиция ограничена одной узкой белой и широкой кобальтовой полосой. Обводка и штриховка рисунков темно-зеленая. Элементы таких облицовочных плиток представлены на архитектурных памятниках Хорезмского оазиса и соседних с ней регионов Средней Азии и Золотой Орды (мавзолей Наджмаддин Кубра, Мазлумхан Сулу, Сарай).

В заключение отметим, что, несмотря на фрагментарность и разрозненность, представленный архитектурный декор был получен из культурных горизонтов жилых, общественных и культовых сооружений Миздахкана, что свидетельствует о высоком развитии оформления зданий не только в центральных городах, но и в периферийных памятниках области. Особенно хотелось бы отметить высокий вкус изготовителей и, значит, условных заказчиков, что видно по представленным здесь образцам. Тонко и гармонично подобранная гамма цветов, филигранная резьба и высокохудожественное исполнение свидетельствуют о том, что как в домонгольское время, так и в пост-монгольский период запросы (а значит и эстетика вкусов) условных «потребителей» были высокими. Следовательно, декорация сооружений может напрямую отражать высокие культурные запросы эпохи и ее жителей.

Использованная литература:

Алимбетов А. Архитектурные детали декора с мавзолея городища Бограхан // История и археология Турана. № 1. Самарканд, 2013.

Гражданкина Н.С. Строительные материалы мавзолеев Миздахкана // Архитектурное наследие Узбекистана. Ташкент, 1960.

Кдырниязов М.-Ш., Кдырниязов О.-Ш. Домашняя молельня в Миздахкане // Восхождение к вершинам археологи: сборник материалов Международной научной конференции «Древние и средневековые государства на территории Казахстана», посвященной 90-летию со дня рождения К.А. Акишева. Алматы, 2014.

Кдырниязов М.-Ш., Кдырниязов О.-Ш. Мечети Миздахкана // «Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы» // Материалы Международной научной конференции, посвященной 20-летию независимости Республики Казахстан и 20-летию Института археологии им. А.Х. Маргулана КН МОН РК. Алматы, 13-14 декабря.

Кдырниязов М.-Ш., Уталиев С.А. Архитектурный декор золотоордынских памятников Миздахкана // Вестник ККО АН РУз. 1999. № 2.

Кдырниязов М.-Ш. Золотая Орда и культура Южного Приаралья (Кк-яз.). Нукус: Каракалпакстан, 1993.

Кдырниязов М.-Ш. Капители Миздахкана // Ж. Искусство / ART. Вып. №2. Ташкент, 2003.

Кдырниязов М.-Ш. Культура Хорезма XIII-XIV вв. // Рукопись докт. дис. Самарканд, 2005. Альбом.

Манылов Ю.П. Археологические исследования караван-сараев Центрального Устюрта // Археология Приаралья. Вып. I. Ташкент, 1982.

Пилявский В.И. Куня-Ургенч. Л., 1974.

Толстов С.П. Древний Хорезм. М., 1948.

Толстов С.П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.-Л., 1948.

Федоров-Давыдов Г.А. Раскопки квартала XV-XVII вв. на городище Таш-кала // ТХАЭЭ. Т. II. М.,1958.

Филимонов В.М. Уникальный памятник гражданского зодчества дворец Мазлумхан сулу // Материалы и исследования по истории реставрации архитектурных памятников Узбекистана. Вып. 1. Ташкент, 1967.

Юсупов К. Уникальный памятник архитектуры средневекового Миздахкана // Археология Приаралья. Вып. IV. Ташкент, 1990.

Якубовский А.Ю. Городище Миздахкан // ЗКВ. Т. V. Л., 1930.

ХАЛҚАРО ҲАМКОРЛИК

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

INTERNATIONAL COLLABORATION

УДК: 902.1 (930.008)

МАТЕРИАЛЫ ПОСЕЛЕНИЯ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ МОЛАЛИ

© 2014. Л.М. Сверчков, Н. Бороффка

Институт искусствознания Академии наук Республики Узбекистан
Германский археологический институт (Берлин)

Ключевые слова:

Ўз вақтида Мўлалида олиб борилган қазишмалар натижалари асосида бронза даврига оид Сополли маданиятининг сўнги босқичи Мўлали деган хулосага келинган. Кейинги йиллардаги Мўлали манзилгоҳида олиб борилган тадқиқотлар Ўрта Осиё жанубида сўнгги бронза ва илк темир даврининг ўзаро боғлиқлиги ва хронологиясининг айрим жихатларига янгича ёндашиш имкониятини бермоқда. Қазишмалар жараёнида радиоуглерод услуби асосида эр. авв 1500 йиллар билан даврлаштирилган, диаметри 60-65 м. бўлган доира кўринишдаги тарҳга эга бинонинг бир қисми аниқланган. Умуман олганда, Мўлали археологик комплекси даштли-сополли маданияти (Бақтрия-Марғиёна археологик комплекси)нинг типик кўриниши бўлсада, лекин ушбу даврга оид ёдгорликлар орасида иккита жихати билан ажралиб туради. Яъни, марлик маданияти (шимолий-шарқий Эрон ва жанубий-ғарбий Туркманистон) ва Марказий Қозоғистон бегази-дандибоев типига оид «дашт» маданияти белгилари кузатилади. Шуниси қизиқарлки, эр.авв. II минг йиллик ўрталарида, яъни Мўлали манзилгоҳи ташлаб кетилган вақтда ушбу уч маданият Ҳиндистон ярим оролининг шимолий-ғарбий қисмида пайдо бўлади.

MATERIALS OF THE LATE BRONZE SETLEMENT MOLALI
L.M. Sverchkov, N. Boroffka
Age site of mulali the Mulali final stage of the Sapalli: Culture of bronze age have been defined as a result of excavations at Mulali long time ago. The latest studies at the site of Mulali enable to evaluate some aspects of interrelationship and cultural consequences of the cultures of the late bronze and EarlyIron Ages in the south of Central Asia a result of excavations a part of a building with ring plan with diameter of approximately 60-65 m and with three stages of habitation date to 1500 according to C^{14} were uncovered. Generally, the archaeological complex of Mulali is typical to Dashli-Sapalli: culture (Bactria-Margiana Archaeological Complex) but differs from other sites due to two components: the culture of grey ware of North-Eastern Iran and South-Western Turkmenistan (Marlik culture) as well as the Begazi-Dandibay type of the "steppe" culture of Centrak Kazakhstan. It is irteresting that at about the middle 2nd millennium D.C. when the site of Mulali was totally abandoned, the same three cultures have appeared on the North-West of the Indostan Penninsula.

Предлагаемая статья в некоторой степени связана с дискуссией о роли, взаимосвязи и хронологической последовательности культур эпохи поздней бронзы и раннего железа юга Центральной Азии.

В 2012 г. совместная экспедиция Германского Археологического Института (DAI, г. Берлин) и Института искусствознания Академии наук Республики Узбекистан провела раскопки поселения Молали. Соответственно, авторы решили предоставить общему вниманию новейший археологический материал заключительной стадии эпохи поздней бронзы.

Поселение Молали находится в Алтынсайском районе Сурхандарьинской области (9 км к северо-западу от г. Шурчи), в т.н. Миршадинском оазисе. Группа памятников Миршадинского оазиса открыта в 1970 г. Узбекистанской Искусствоведческой экспедицией (УзИскЭ) под руководством Г.А. Пугаченковой (Пугаченкова, 1972, с. 47–48). Тогда же среди полей были обнаружены семь разрушенных погребений эпохи бронзы, три из которых удалось расчистить. По имени близлежащего селения мо-

гильник получил название Молали (Моллали) (Беляева, Хакимов, 1973, с. 38–43). На основании археологического комплекса из раскопок этих семи захоронений заключительный период дашлы-сапаллинской культуры эпохи поздней бронзы получил название «молаллинского» (Аскаров, 1977, с. 65). Позже в 2 км к северо-востоку от могильника было найдено поселение Молали, также сильно разрушенное, предположительно, площадью 8–9 га (Сагдуллаев, 1978, с. 30–31). В 1975 г. в восточной части поселения А.С. Сагдуллаев выявил остатки разрушенного здания (толщина культурного слоя 1,3 м), при раскопках которого получил солидный комплекс керамики (Сагдуллаев, 1989, с. 8–9).

В настоящее время поселение Молали, как таковое, уже не существует, будучи разрушено еще в 60–70-е гг. XX в. Оно скрыто под полями и домами одноименного кишлака, приблизительно в центре древнего поселения теперь находится сельская школа со спортивной площадкой. Установить площадь памятника не представляется возможным даже приблизительно, поскольку в рельефе поселение никак не выделяется, но в обрывах террасы обособленные выходы древних слоев участками прослеживаются на протяжении около 400 м[1]. Северная часть Молали в течение многих веков разрушалась водами постоянно смещающегося в юго-западном направлении русла Кизылджара. В результате эрозии осталась лишь узкая кромка культурного слоя на изрезанной оврагами естественной террасе по правому, юго-западному берегу древнего русла Кизылджара.

Таким образом, необходимость раскопок памятника была обусловлена крайне плачевным, вследствие постоянно усиливающейся эрозии, состоянием памятника, а выбор места для раскопа ограничен двумя небольшими полуостровками[2]. Оконечность северного из них была выбрана для раскопа, координаты его 38º 04,026' северной широты, 67º 41,99' восточной долготы, высота 490 м над уровнем моря. Длина раскопа соответствует длине гряды и составляет 25–26 м, ширина, в зависимости от степени эрозии, увеличивалась по мере углубления – от 6 до 12 м (рис. 1)[3]. В центре, по линии юго-запад – северо-восток была оставлена бровка шириной 1 м.

В результате раскопок были вскрыт культурный слой высотой в среднем около 2 м с тремя уровнями полов, выделяющимися зольно-гумусной прослойкой (рис. 2). Самый нижний пол – пол 3 – накатан на материковом лёссе, выше лежит сырцовый завал и оплыв высотой 50–60 см. На нем расположен пол 2, на котором, в свою очередь, также покоится сырцовый завал толщиной около 1 м. Верхний уровень – пол 1 – сохранился лишь участками на юго-западе и северо-востоке раскопа, на нем залегает однородный слой средней плотности толщиной от 40 до 60 см.

Отдельные, обособленные остатки архитектурных сооружений были зафиксированы уже по верхнему уровню – полу 1, но систему всей конструкции удалось выявить только по уровню пола 2 (рис. 3). Разумеется, лучше всего стены и отдельные элементы здания сохранились на самом нижнем уровне – полу 3 (рис. 4). В результате выяснилось, что раскопанная нами терраса представляет собой северо-восточный край здания с кольцевой архитектурно-планировочной структурой диаметром около 60–65 м. Сооружение представляло собой обвод трёх концентрических стен со стенами-перемычками, делившими пространство между ними на отсеки-помещения, и, вероятно, обширным внутренним двором. Подобное архитектурное решение вполне соответствует строительной традиции Бактрии эпохи поздней бронзы, что известно

1. Отдельные находки эпохи бронзы встречаются далеко за пределами собственно Молали, особенно среди адыров к югу от поселения.

2. В низине между ними угадываются следы раскопа А.С. Сагдуллаева 1975 г.

3. Иллюстрации подготовлены Н. Бороффкой, рисунки керамики выполнила Э. Люне, компьютерная обработка – В.В. Мокробородов.

Рис. 1. Общий вид раскопа поселения Молали

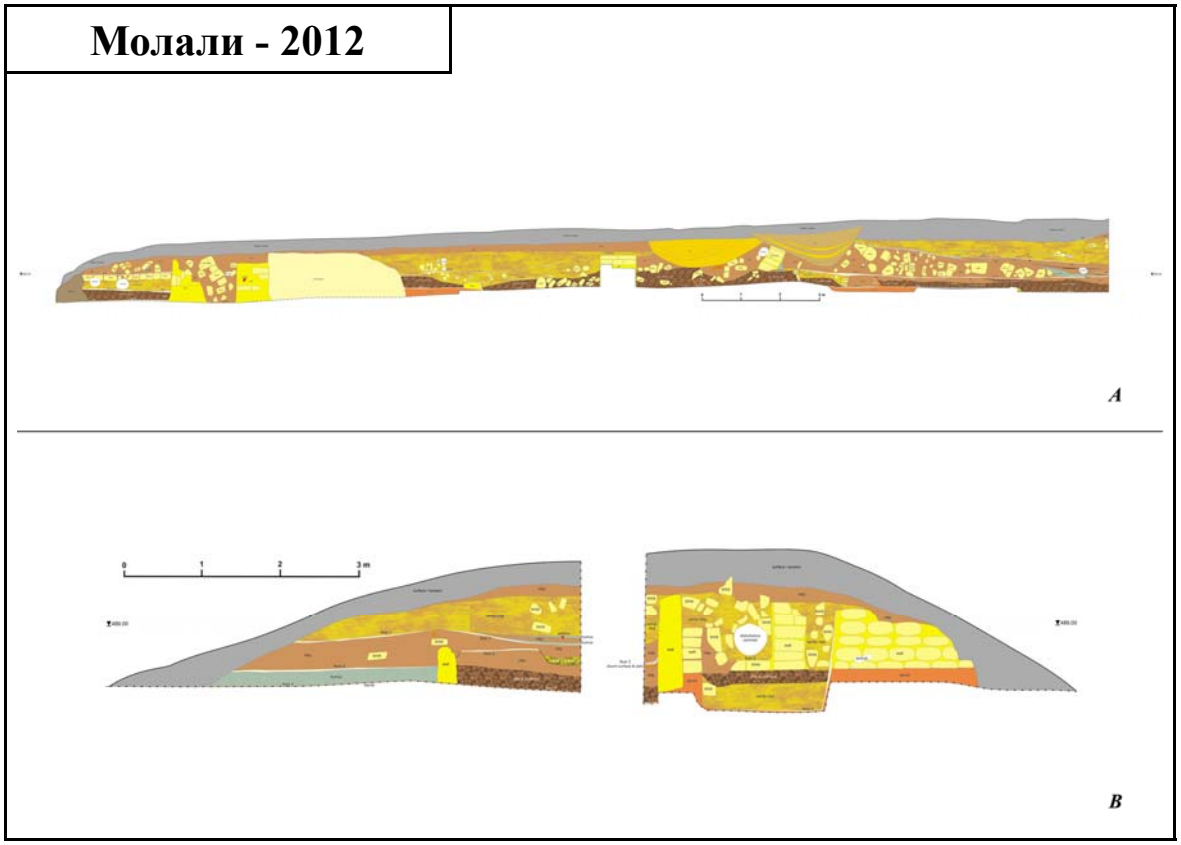

Рис. 2. Стратиграфические разрезы поселения Молали

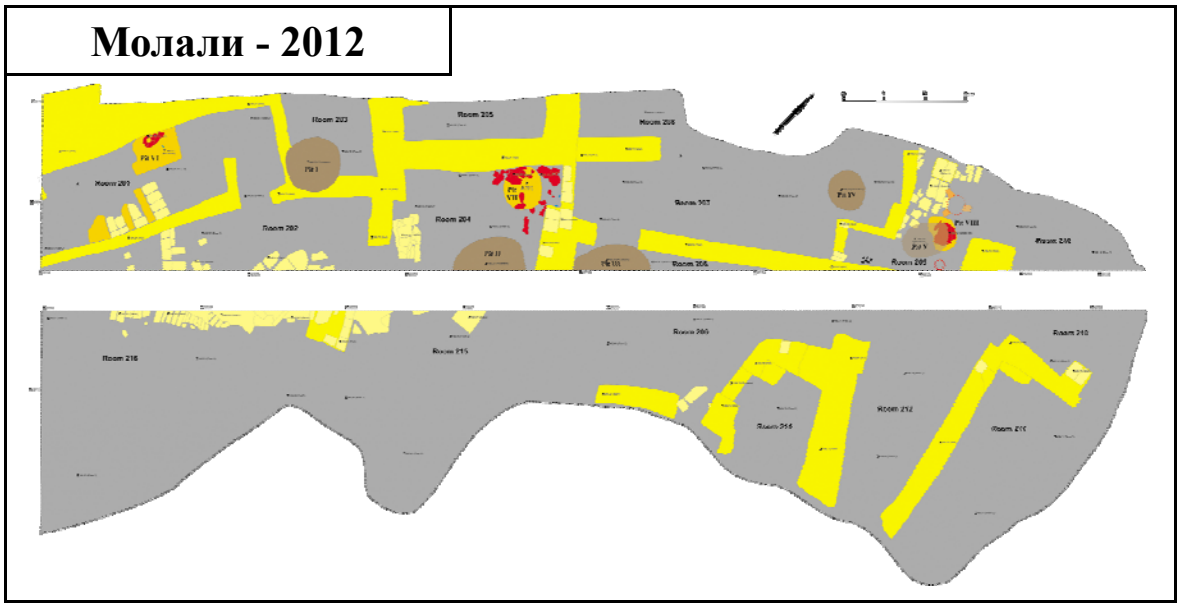

Рис. 3. План вскрытой части поселения Молали по полу 2

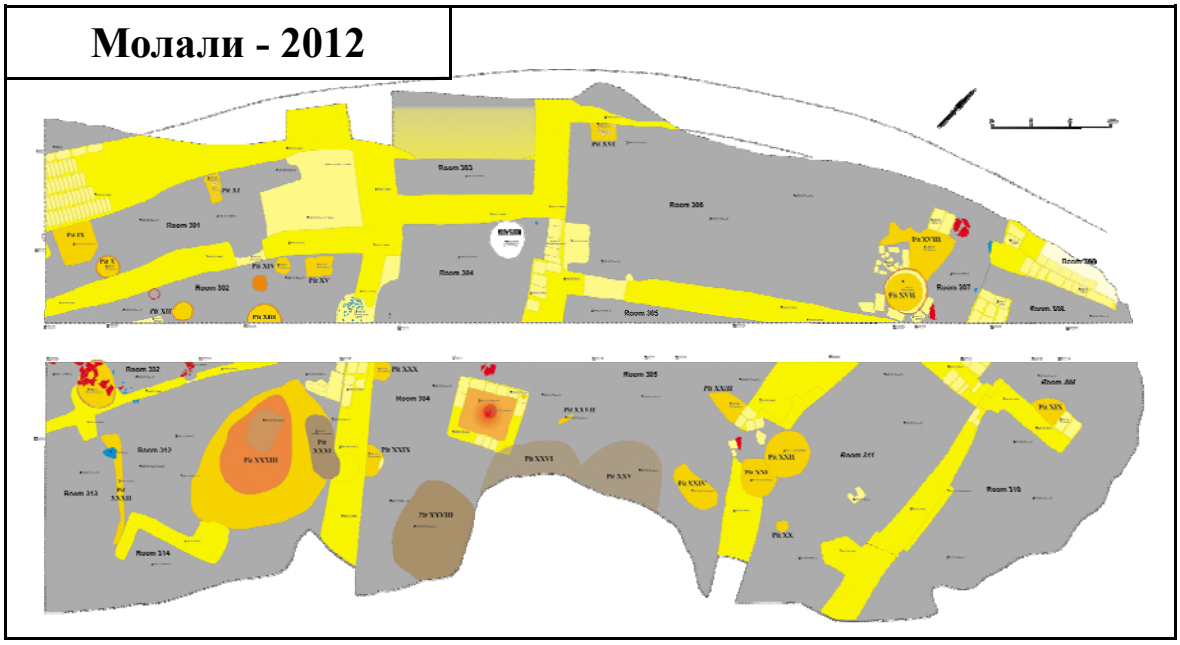

Рис. 4. План вскрытой части поселения Молали по полу 3

на примере поселения Дашлы 3 в Северном Афганистане (Сарианиди, 1984, с. 30, рис. 23).

Внешняя стена здания Молали толщиной около 2 м сложена «ёлочкой» из сырцовых кирпичей, поставленных наклонно на ребро (рис. 5). Кирпичи имеют овально-прямоугольную форму размером 40–45×24–26×7–8 см, одна сторона плоская, другая – выпуклая. Внутренние стены более тонкие, шириной до 1 м, сложены из обычных, прямоугольных сырцовых кирпичей размером 38-42×20-22×12 см, иногда 40×17×10 см, 48×24 ×12 см, в основание стен изредка закладывались кирпичи размером 56×27-28×12 см. В завале над полом 1 попадаются гуваля и отпечатки вертикально поставленных жердей диаметром 5-6 см. Сырье для формовки кирпичей брали здесь же, в помещении 312 под нижним полом открыта огромная строительная яма, где замеши-

Рис. 5. Разрез обводной стены Молали

вали глину. Размер ее 5×3 м, глубина 3 м. На дне ямы остался слой глины, насыщенный истлевшим саманом.

На протяжении всего существования здания его планировочная структура оставалась неизменной, незначительным перестройкам и ремонтам подверглись лишь отдельные компоненты. На раннем этапе (пол 3) внутреннее пространство обустраивалось основательно: полы ровные, в нескольких местах были сделаны аккуратно оштукатуренные ямы для хранения продуктов. В помещении 304 сооружен квадратный в плане очаг размером 1,6×1,5 м с круглой лункой-углублением в центре диаметром 12 см, заполненной золой. Обращенное на северо-восток устье очага по углам было оформлено круглыми сырцовыми колонками диаметром 8 см. Представляет интерес найденное под полом 3 помещения 301 детское захоронение (рис. 6, *1*). Еще одно погребение – молодого барана – было обнаружено под тем же полом 3, но в помещении 306 (рис. 6, *2*).

На среднем этапе (пол 2) внутренние стены стали тоньше, некоторые проходы между помещениями были заложены, наращивались пороги, обустраивались многочисленные хозяйственные и бытовые ямы. Но на полу 2 лежит внушительный слой завала, образовавшегося, как можно судить по его странному виду, не постепенно, в течение многих лет, а внезапно, что, вероятно, следует объяснить землетрясением. В данном случае мы не видим привычного в археологической практике однородного сочетания завала с оплывом – того, что обычно происходит с остатками сырцовых зданий. Об усилении сейсмической активности в этот период косвенно свидетельствует пристройка по уровню пола 2 контрфорса в помещении 210. Возможно, разрушения и изменения окружающей среды, связанные с землетрясениями, послужили

Молали - 2012

1

2

Рис. 6. 1 – детские захоронение под полом 3 в пом. 301;
2 – захоронение ягненка под полом 3 в пом. 306

Рис. 7. Печь в 300 м к востоку от Молали

Рис. 8. Центральный глиняный диск

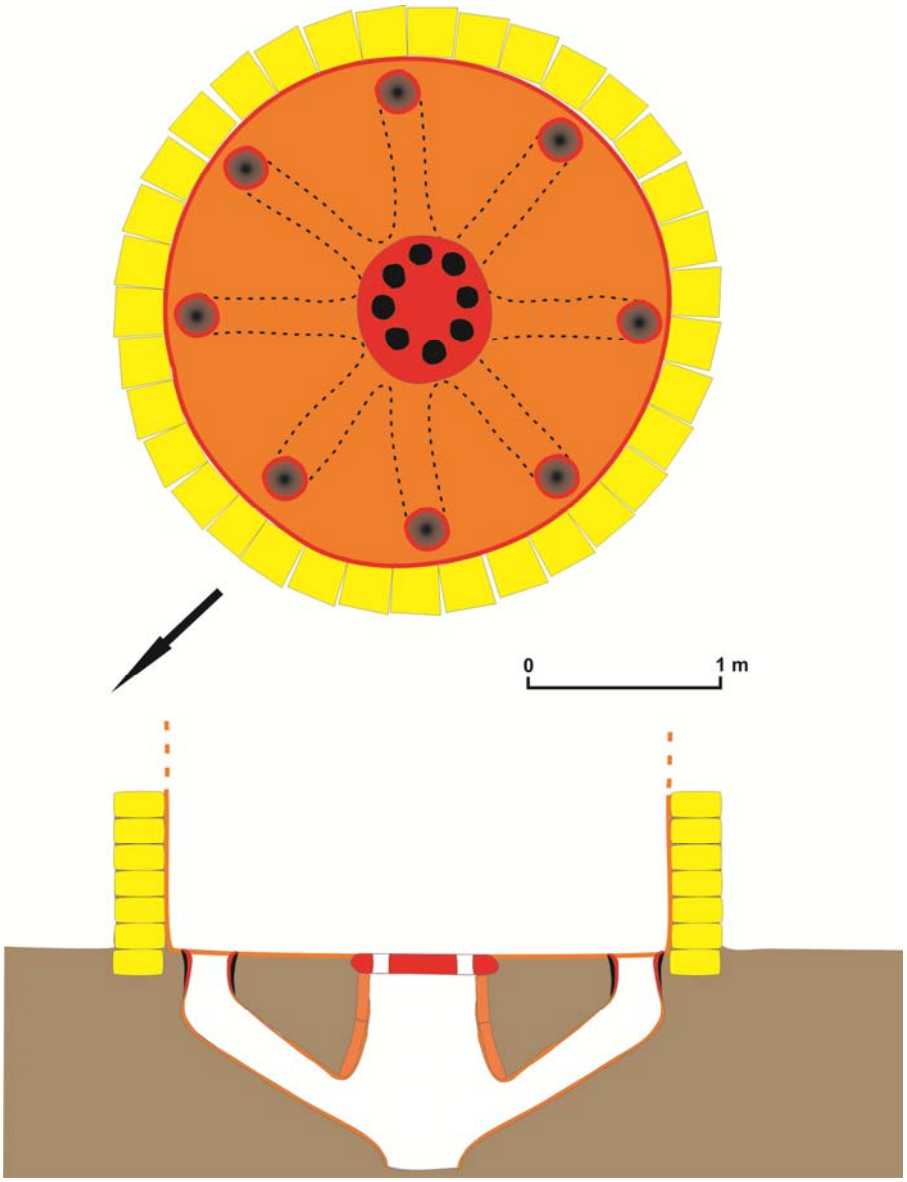

Рис. 9. План и разрез печи

главными причинами, по которым поселение пришло в упадок и окончательно заброшено.

В 300 м к юго-востоку от раскопа, в обрыве террасы правого берега Кизылджара У.В. Рахманов обнаружил не имеющую аналогов уникальную печь сложной конструкции (рис. 7). Её GPS координаты 38º 03,840' северной широты, 67º 42,132' восточной долготы, высота около 400 м над уровнем моря. Сооружение состоит из двух частей – наземной и подземной/ Верхняя часть имеет цилиндрическую форму с глиняным диском в центре пода (рис. 8), вдоль стенок печи имеются восемь жаропроводящих продухов. Диск также снабжен восемью отверстиями, которые для регуляции необходимого уровня жара можно было закрывать глиняными пробками. В подземной части все каналы соединялись, что обеспечивало непрерывную циркуляцию разогретого воздуха (рис. 9). Подобная конструкция представляет собой сложнейшее устройство наподобие тандыра, но, в отличие от последнего, с замкнутой системой циркуляции жара и регуляции температуры, напоминая современные духовые шкафы. Запекшееся в центре глиняного диска аккуратное круглое пятно позволяет пред-

положить, что оно оставлено днищем крупного котла, в котором, собственно, и приготовлялось что-то, требовавшее ровного и постоянного жара, т.е. узкого диапазона температур. Судя по количеству обмазок на стенках печи, она использовалась всего 2 –3 раза, после чего была заброшена.

Находки

При раскопках поселения Молали были найдены разрозненные бусы из сердолика, агата, бирюзы, ляпис-лазури, стеклянной пасты и глазурованной под фаянс керамики. Размеры их от 5 до 10 мм, диаметр от 3 до 5 мм.

Собрано незначительное количество обломков и мелких предметов из меди: обломок крученой проволоки, фрагмент булавки, половинка пластины с отверстиями для крепления, кусочки окисленного металла или руды. В детском захоронении под полом 3 помещения 301 былb рассыпаны медные цилиндрические бусы, изготовленные из свернутых в трубочку пластинок. Имеются два миниатюрных изделия, одно из которых, полукольцо, по форме похожее на полумесяц, аналогично серьгам из небезызвестного поселения культуры архаического Дахистана Изаткули (Мурадова, 1991, с. 126, рис. 47, 8) и знаменитого могильника Марлик (Piller, 2008, с. 285, табл. VIII, 1-3). Изаткули находится на юго-западе Туркменистана, Марлик - на северо-востоке Ирана, но оба эти памятника принадлежат одной общности - культуре черно-серой керамики, которую иногда называют марликской.

Особого внимания заслуживает найденный на полу 3 в помещении 311 обломок литейной формы, изготовленной из красновато-коричневого песчаника и предназначенной для отливки кельта-лопатки (рис. 10). Сохранившиеся размеры 12×13 см, толщина 4,5 см.

Предметы из кости представлены лощилом, пряслицем уплощенно-полусферической формы, фрагментом обработанной трубчатой кости, пластинками из спилов костей животных и скобелем, сделанным из ребра коровы.

Каменные изделия и орудия труда являются одной из самых многочисленных групп находок на поселении Молали. Обычно это обломки сработанных зернотерок ладьевидной формы, оселки, шаровидные терочники и удлиненно-овальные куранты. Типичны ядра для пращи, имеющие биконическую или яйцевидную форму, размером 5-6×3,5-4 см, весом от 40 до 80 г. Поверхность их тщательно отшлифована. На полу 3 в помещении 311 обнаружен обломок каменной мотыги размером 14×7 см (сечение 2 см) со сработанным рабочим краем.

Рис. 10. Литейная форма для отливки кельта лопатки

Керамический материал из раскопок поселения Молали представлен, в основном, типичными для позднего периода Бактрийско-Маргианского археологического комплекса (БМАК) сосудами – вазами, чашами, мисками, горшками, хумами и котлами (рис. 11–15), типология которых давно разработана А.С. Сагдуллаевым в специально посвященной этому вопросу статье (Сагдуллаев, 1989. С. 9–13). Автор, сравнивая материалы из Молали и Джаркутана, уже тогда обратил внимание на отличительные черты молалинского комплекса, в частности,

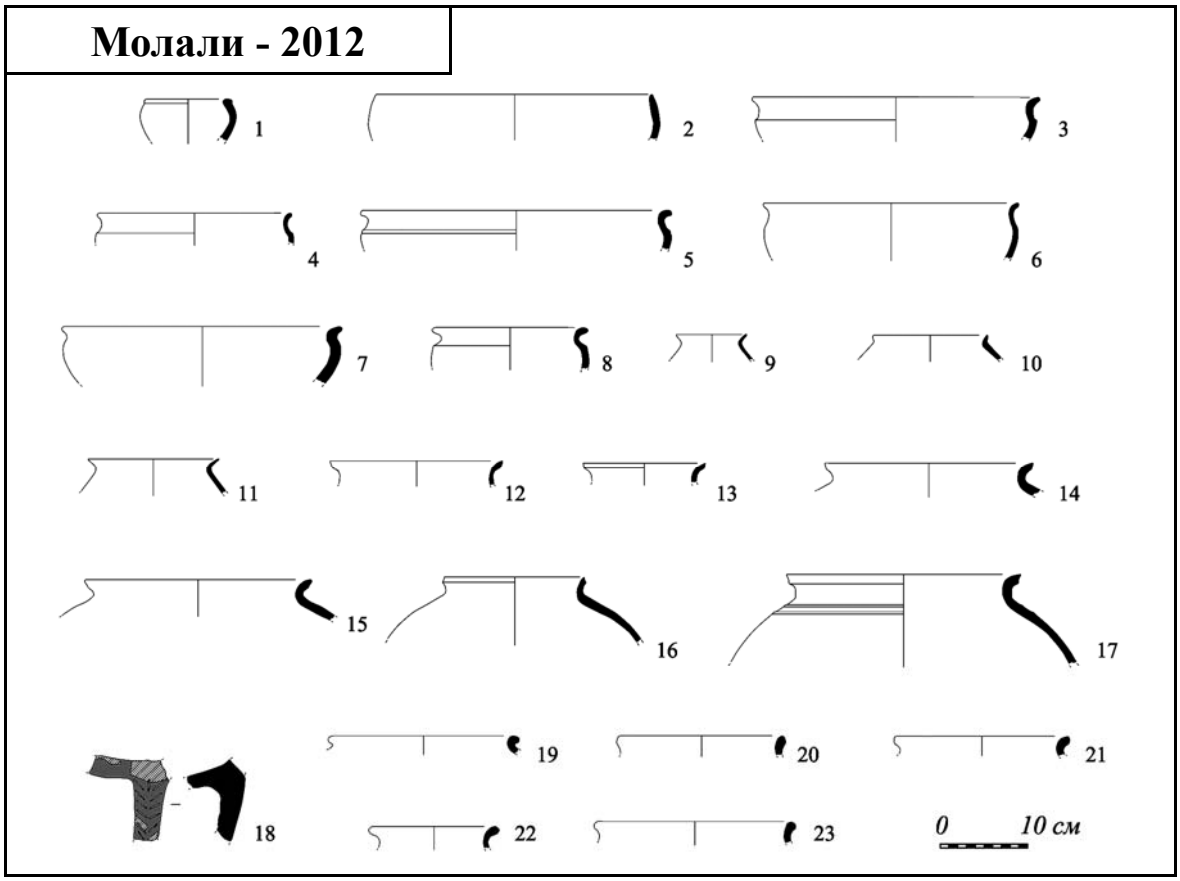

Рис. 11. Керамика с пола 1, последний этап поселения Молали

широкое употребление красного ангоба с лощением и, пожалуй, присущие только Молали сосуды с ручками (Сагдуллаев, 1989. С. 14-15. С. 16, 4-5).

Продолжая эту мысль, можно заметить, что, действительно, при раскопках поселения были обнаружены и сосуды с ручками, и довольно большое количество красноангобированной керамики с полосчатым лощением, однако этим не исчерпывается уникальность молалинского комплекса. Обращает на себя внимание красноангобированная ножка сосуда-трипода (пол 1) с прочерченным по сырой глине орнаментом в виде «ёлочки» (рис. 11, *18*). Подобная форма характерна для марликской культуры Ирана и Туркменистана, как и чёрно-серая керамика, в немалом количестве обнаруженная на всех трёх полах Молали. Также для всех трёх этапов жизни поселения характерно наличие керамики типично «степного» облика, с орнаментом в виде косых линий, ёлочек и треугольников, заполненных насечками (рис. 12, *35*; рис. 13, *35*). Отдаленные аналогии для неё имеются в материалах андроноидной бегазы-дандыбаевской культуры Центрального Казахстана эпохи поздней бронзы (Маргулан, Акишев, Кадырбаев, Оразбаев, 1966. С. 250, табл. XLV; с. 254, табл. XLIX). Прямые аналоги можно найти в комплексе керамики из знаменитых мавзолеев Северного Тагискена, сходство с которым, однако, не ограничивается только набором посуды. Довольно давно М.А. Итина и Л.Т. Яблонский обратили особое внимание на признаки земледельческих культур Юга, во множестве обнаруживаемые в археологических материалах Северного Тагискена. Это и применение в строительстве мавзолеев сырцового кирпича, причём типично молалинского размера и стандарта, и находки «южной» станковой керамики, и наличие в Тагискене южного антропологического компонента (Итина, Яблонский, 2001, с. 104–106). В свою очередь, как мы

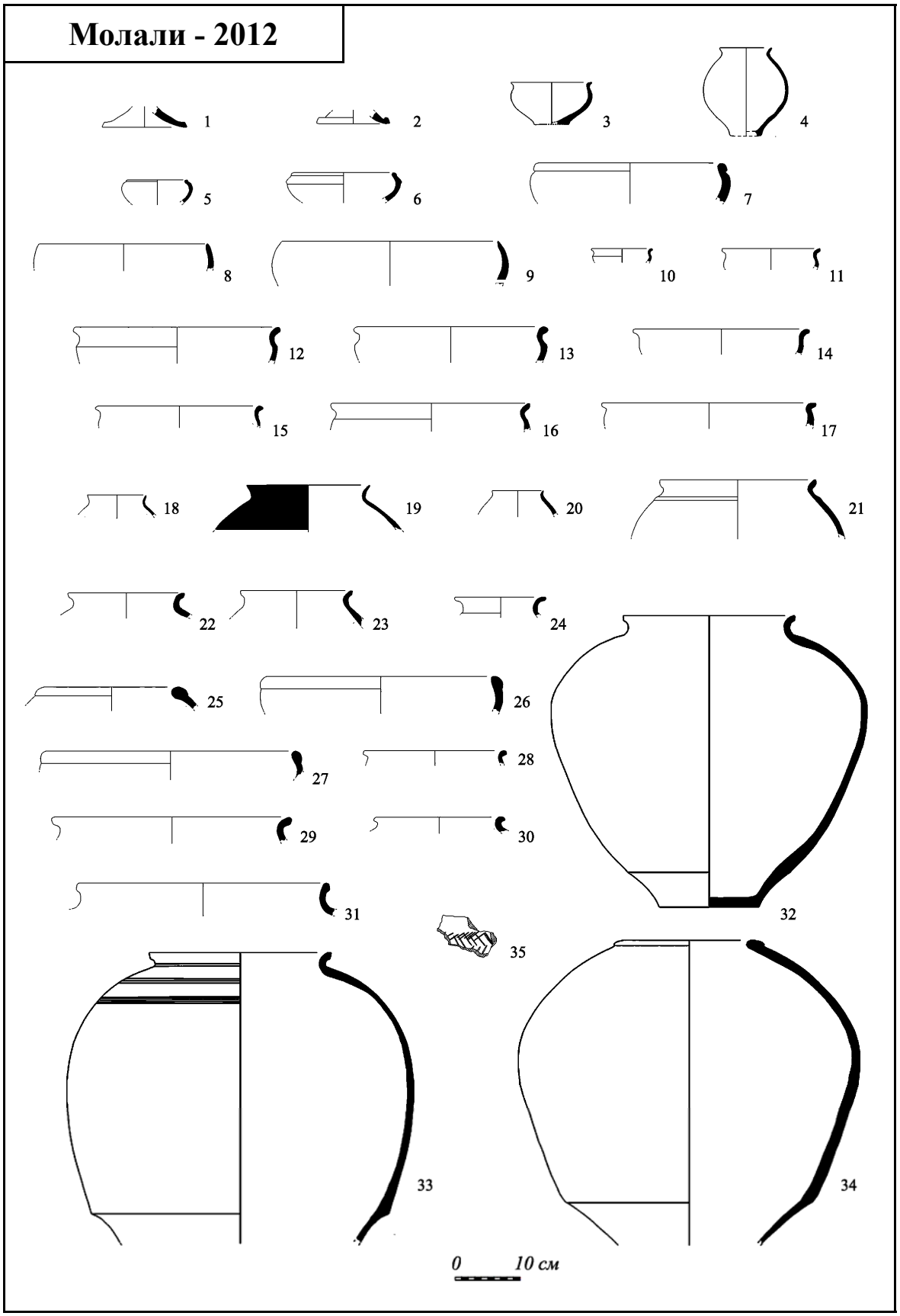

Рис. 12. Керамика с пола 2, средний этап поселения Молали

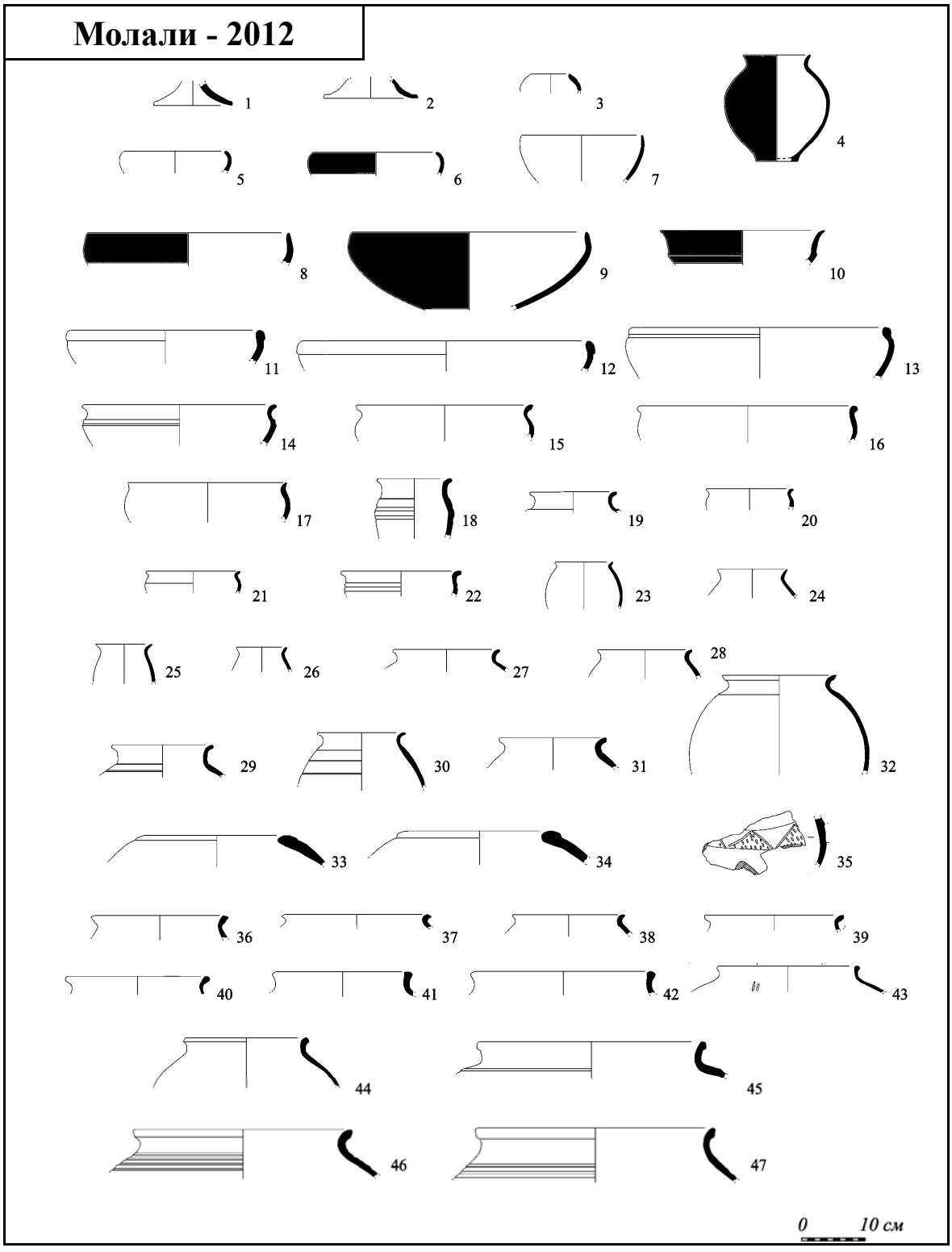

Рис. 13. Керамика с пола 3, ранний этап поселения Молали

видим, признаки проникновения степных культур Севера, может быть, пока не столь многочисленные, явно присутствуют в материалах раскопок поселения Молали.

Таким образом, археологический комплекс Молали является типичным для дашлы -сапаллинской культуры (БМАК), но выделяется среди прочих памятников этого

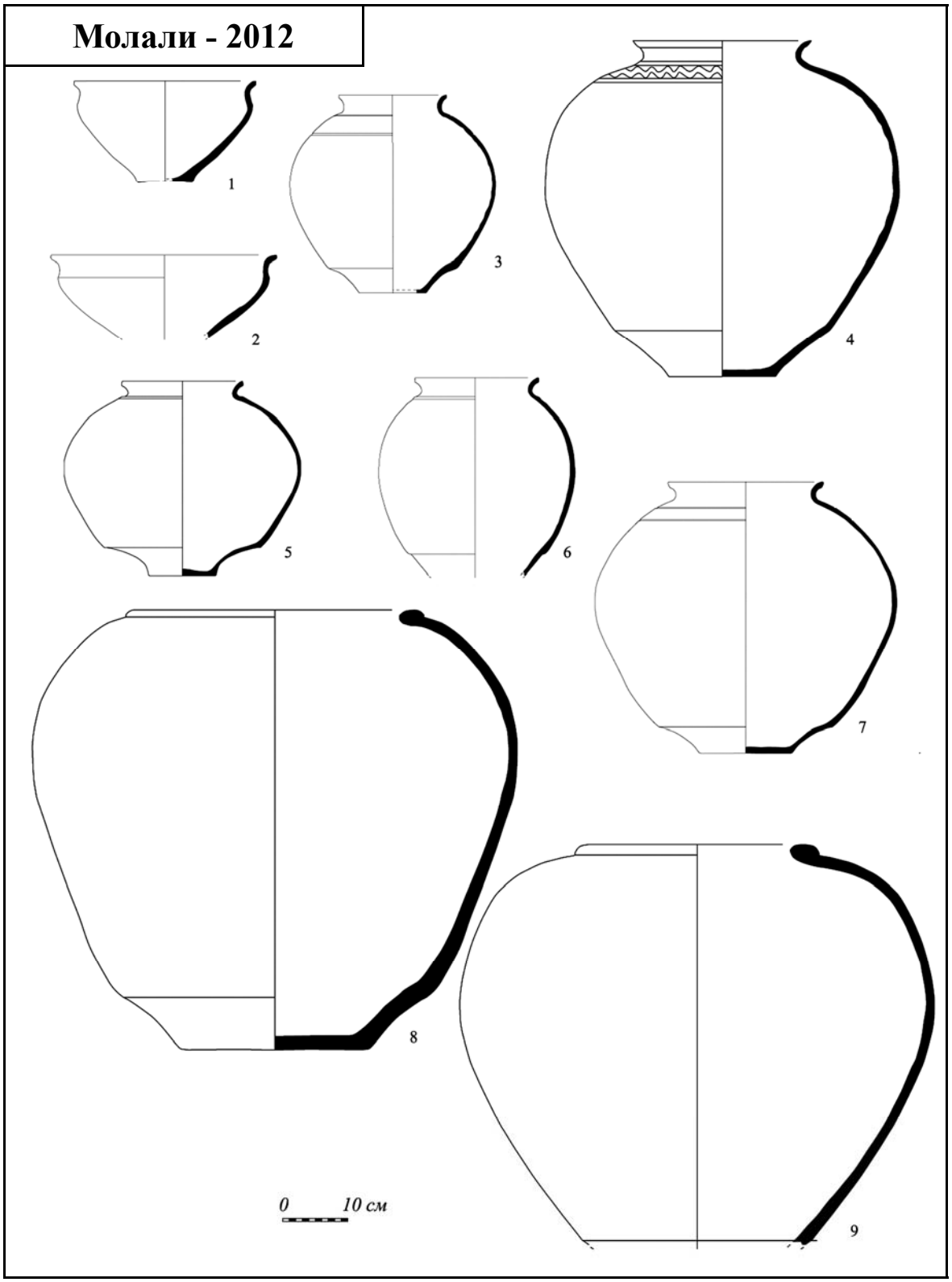

Рис. 14. Керамика с пола 3, ранний этап поселения Молали

круга присутствием ещё двух компонентов: культуры серой керамики Северо-Восточного Ирана и Юго-Западного Туркменистана (марликская культура), а также «степной» культуры типа бегазы-дандыбаевской Центрального Казахстана. Показа-

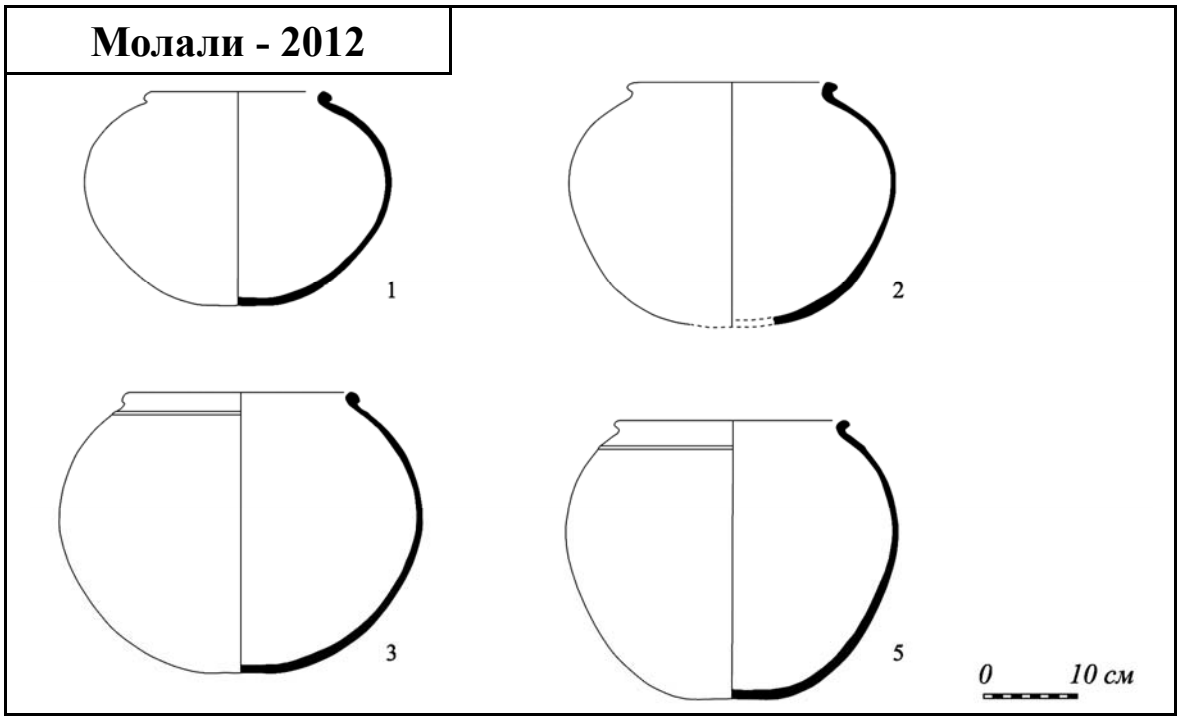

Рис. 15. Керамика с пола 3, ранний этап поселения Молали

тельно, что около середины II тыс. до н.э., т.е. примерно тогда, когда поселение Молали было окончательно заброшено, именно эта «триада» культур появляется на северо-западе полуострова Индостан.

В заключение необходимо подчеркнуть, что археологический комплекс поселения Молали отличается от комплекса могильника Молали, раскопанного в 1970 г. Памятники, получившие одно название и давшие имя одному из периодов дашлысапаллинской культуры, хоть и расположены относительно рядом (2 км), по времени, вероятнее всего, сменяют друг друга. Поселение Молали, предположительно, несколько моложе одноименного могильника, радиоуглеродный анализ десяти образцов (2 σ) позволяет датировать поселение концом XVI – началом XV в. до н.э.

Использованная литература:

Аскаров А.А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент, 1977.

Беляева Т.В., Хакимов З.А. Древнебактрийские памятники Миршаде // Из истории античной культуры Узбекистана. Ташкент, 1973.

Итина М.А., Яблонский Л.Т. Мавзолеи Северного Тагискена. Поздний бронзовый век Нижней Сырдарьи. М., 2001.

Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966.

Мурадова Э.А. Поселения архаического Дахистана. Ашхабад, 1991.

Piller C.K. Untersuchungen zur relativen Chronologie der Nekropole von Marlik. Dissertation an der Fakultät für Kulturwissenschaften der Ludwig-Maximilians-Universität München. München, 2008.

Пугаченкова Г.А. Новый памятник древнебактрийской культуры // УСА. Вып. 1. Л., 1972.

Сагдуллаев А.С. Древнеземледельческие поселения предгорий Байсунтау // История и археология Средней Азии. Сборник статей. Отв. редактор О.В. Обельченко. Ашхабад, 1978.

Сагдуллаев А.С. К изучению поселения Муллали // Краеведение Сурхандарьи. Сборник статей. Под редакцией Э.В. Ртвеладзе. Ташкент, 1989. С. 8–19.

Сарианиди В.И. Раскопки монументальных зданий на Дашлы-3 // Древняя Бактрия. Вып. 3. Материалы Советско-Афганской археологической экспедиции. М., 1984. С. 5–32.

ЁШ ТАДҚИҚОТЧИ МИНБАРИ

ТРИБУНА МОЛОДОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЯ

YOUNG RESEARCHER TRIBUNE

УДК: 902.6. (575)

ИЛК ЎРТА АСР СУҒД ТУРАР-ЖОЙ ҚУРИЛИШ АНЪАНАСИ ҲАҚИДА БАЪЗИ БИР МУЛОҲАЗАЛАР

© 2014. С. Кубаев

Ўзбекистон Республикаси Фанлар академияси Археология институти

Калит сўзлар: Илк ўрта аср, турар жой, хом ғишт, пахса,пахса блок, пишиқ ғишт, “хан-ту”, Шань-Инь, платформа, суфа, хона поллари.

В статье описываются строительные приемы жилых помещений Согда в эпоху раннего средневековья. Как известно, в период раннего средневековья Согд был одним из высокоразвитых культурных центров Центральный Азии. В строительной культуре жилых помещений раннесредневекового Согда появляется своеобразная традиция строений каждого элемента комплекса. В появлении данной традиции большую роль играло использование строительных материалов. В статье описывается именно это развитие использования строительных материалов на примере некоторых частей жилых помещений.

S. Kubaev

In article the building culture of premises of Sogd in an epoch of the early Middle Ages is described. As it is known, in the early Middle Ages Sogd was one of the advanced cultural centres in Central Asia. One of numerous elements of such progress is the building culture of premises. In building culture of premises there is an original tradition of structures of each element of a complex. In occurrence of the given tradition the big role played of developments of successful use of building materials. These developments of use of building materials on an example of some parts of premises are described in the article.

Илк ўрта аср Суғд турар-жой қурилиш маданияти узоқ асосларга эга бўлиб, унинг ривожланишида миллий анъаналар ва инновцион янгиликларнинг ўзига хос ўрни бор. Мазкур омилларнинг ўзаро қоришуви натижасида илк ўрта аср Суғд турар-жой қурилиш маданияти шаклланади. Бу анъана бино учун жой танланишидан бошланиб, то унинг устки қисми ёпилгунгача бўлган жараённи ўз ичига олади.

Илк ўрта аср шаҳарларида турар-жой учун жой танланиши биринчи навбатда уй хўжайнининг ижтимоий-иқтисодий даражаси ва молиявий қудрати, сўнгра унинг касбидан келиб чиққан. Масалан, баъзи-бир савдогарлар бозорлар ва серқатнов шоҳ кўчалар атрофидан уй қуришга ҳаракат қилишган. Кейинги қурилиш жараёнида суғдлик қурувчилар ўз тажрибаларини ошириб боришиб, янги иновацион усулларни қабул қилиб, қурилишда улардан фойдаланишган.

Турар-жой асоси: Марказий Осиё қурилиш маданиятида бинолар одатда платформа ва пойдевор устига қурилган. Мустаҳкам платформа илк ўрта аср Суғд қурилиш маданиятининг ажралмас қисми бўлиб, унинг аҳамияти жуда катта бўлган. Платформа биринчи навбатда қурилиш олиб борилаётган жой рельефи сатҳини текислаб олиш имконини берган[1]; иккинчидан, у бино деворларини турли табиий офатлар: захлик, ер силкинишидан сақлаган. Бундан ташқари платформаларнинг яна бир вазифаси бинога улуғворлик бағишлашдир. Шу боис ҳукмдорлар саройи учун жуда баланд

1. Шу боисдан баъзан бир қисми табиий жойда, иккинчи қисми платформа устида қурилган ёдгорликлар ҳам учрайди. Жумладан, Юқори Зарафшонда жойлашган Қум ёдгорлиги (Якубов, 1988).

платформалар тайёрланган. Бундай платформалар ҳукмдорнинг ўзига хос қўрғони бўлган саройни лаҳмлардан ҳам ҳимоя қилган.

Платформа учун ҳам асосий қурилиш материали пахса ва хом ғишт ҳисобланган. Пахсадан тайёрланган платформалар Суғднинг деярли барча ҳудудларида учрайди. Хусусан, Афросиёбда олиб борилган тадқиқотларда бундай пахса платформа кўпгина қазишмаларда қайд этилган. Масалан, ёдгорликнинг шарқий томонида, ҳозирги Самарқанд тарихи музейи ўрнида олиб борилган қазишмада 6 м чуқурликда илк ўрта асрларга оид турар-жой қолдиқлари қайд этилган. V-VII асрлар билан саналанган бино тозаланиб ўрганилганда у 1 м баландликдаги платформа устига тикланганлиги маълум бўлган (Садиев, 1973. С. 100). Бундай платформа “ихшидлар саройи” топилган машҳур 23-қазишмада ҳам қайд этилади. Мутахасислар фикрича, сарой ўрнида ўз вақтида донжонли қўрғон мавжуд бўлган. Ушбу қўрғон пахса деворлари мустаҳкам бўлганлиги туфайли усталар уларни сарой қурилишида бино асоси сифатида қолдиришган (Ахунбабаев, 1999. С. 21-23).

Марказий Суғднинг яна бир марказларидан бири Панжикентда ҳам пахса платформалардан кенг фойдаланилган. Бу ҳақда кўплаб тадқиқотчилар қайд этиб ўтганлар. Уларнинг маълумотига кўра, VI аср охири - VII аср бошларида шаҳарда кенг кўламда бошланган қурилишлар даврида, янги бинoларга жой тайёрлаш мақсадида, қурувчилар пахса ва пахса блокдан кенг, баланд платформалар тайёрлаганлар (Распопова, 1990. С. 169).

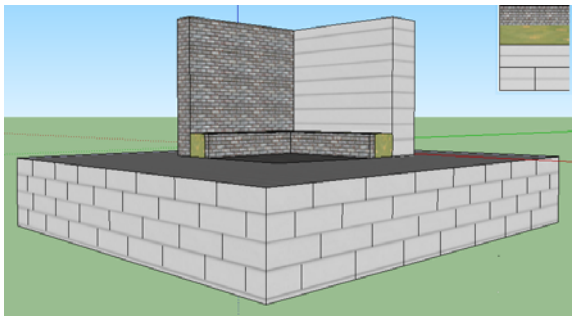
Турар-жойлар қурилишида пахса платформа билан биргаликда хом ғиштдан ҳам мустаҳкам платформалар тайёрланган. Бундай платформалар ҳам кўп бора қайд этилган. Жумладан, Гардани-Ҳисор саройи платформаси тўлиқ хом ғиштдан қурилган (Якубов, 1988. С. 99). Илк ўрта аср Ғарбий Суғднинг яхши ўрганилган ёдгорлиги Варахшада хом ғиштдан платформа тайёрлашнинг умуман ўзига хос услубидан фойдаланилган (Шишкин, 1963). Бу анъана аркни ўрганиш давомида қайд этилган. Аркнинг ғарбий қисми ўзига хос бўлиб, сунъий тарзда баландлиги 15 метрга кўтарилган. Бу қурилишнинг ўзига хос томони шундаки, у муайян тартиб асосида қурилган: дастлаб хом ғиштдан мустаҳкам деворлар қилиниб, уларнинг ораси ғишт синиқлари ва лой гувалалар билан 25-30 см қалинликда тўлдирилган ва шу тарзда мустаҳкам платформа тайёрланган (Шишкин, 1963. С. 85).

Демак, илк ўрта асрда Суғд қурилишида бино платформаларининг қуйидаги турлари қайд этилган:

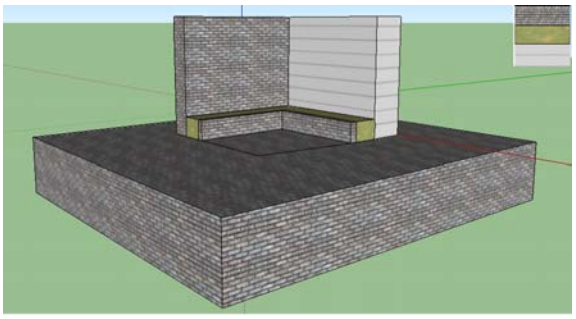
1. Монолит пахса ёки пахса блоклардан қилинган платформа (1 расм).
2. Тўлиқ хом ғиштлардан қилинган платформа (2 расм).
3. Пахса ва хом ғиштдан биргаликда тайёрланган платформа (3 расм).
4. Хом ғишт ва пахсадан деворлари терилиб уларнинг орасига нам тупроқни зичлаш йўли билан тайёрланган платформа (4 расм).

Пойдевор. Пойдевор илк ўрта асрларда кенг кўламда тарқалмаган. Фақатгина баъзи бир қазишмалардагина қайд этилган. Панжикент харобаларининг 5-объектида олиб борилган тадқиқотлар давомида қайд этилган VII-VIII асрларга оид турар-жой деворлари пахса блоклардан қурилиб, пахса блоклар остида хом ғиштдан қилинган девор пойдевори қайд этилган (Ставиский, 1953. С. 62). Панжикентда VIII аср бошларига келиб дастлабки пойдеворлар кузатила бошланган. Бу ҳақда 16-объектда олиб борлиган тадқиқотлар тасдиқлайди. Бу ерда қайд этилган турар-жой комплекси хона деворлари остига пойдевор терилган. Пойдевор дарё тошидан қилинган (Беленицкий и др., 1984. С. 235).

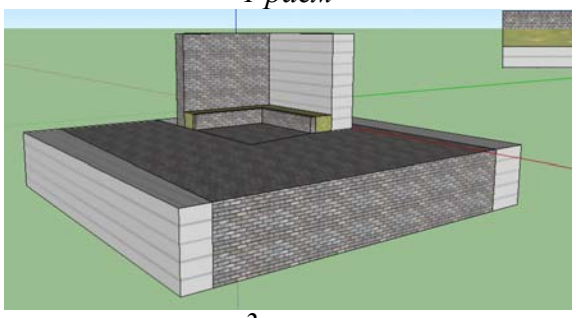
Деворлар: Суғд қурувчилари асосий қурилиш материали бўлган пахса ва хом ғиштдан жуда усталик билан фойдаланишган. Суғд ҳудудида олиб борилган архео-

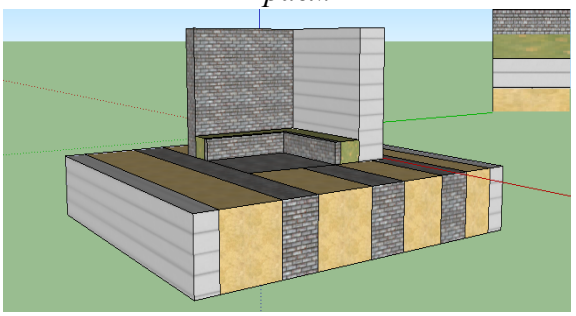
1 расм

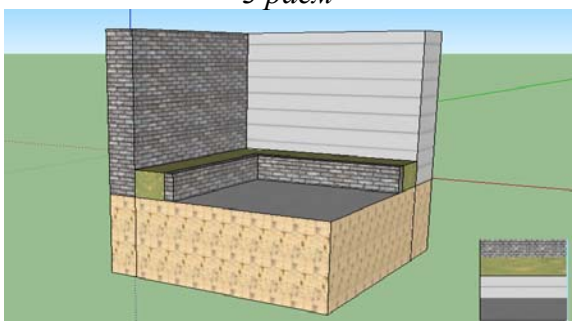
2 расм

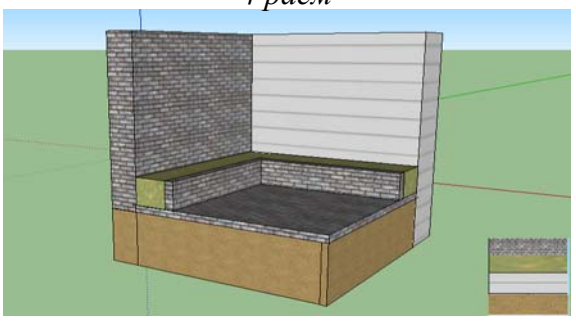
3 расм

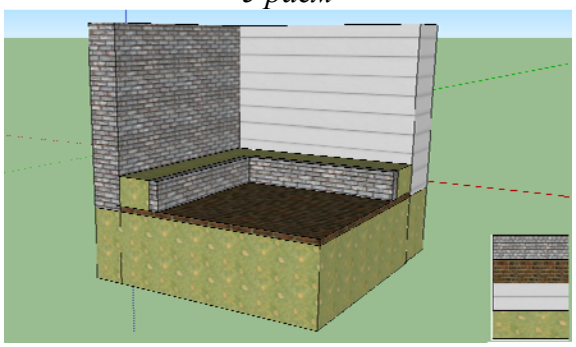
4 расм

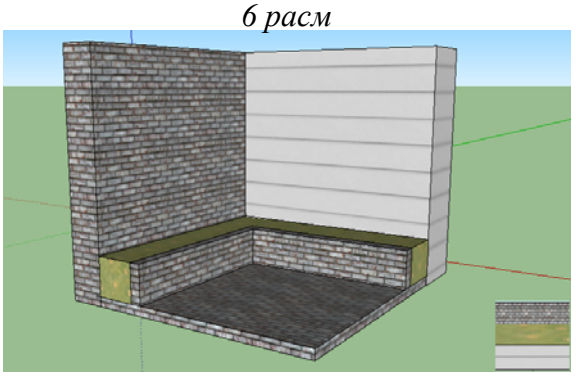
5 расм

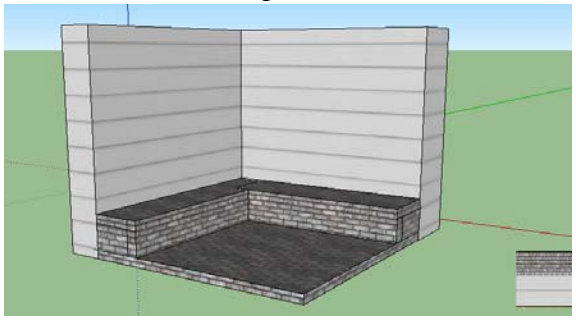
6 расм

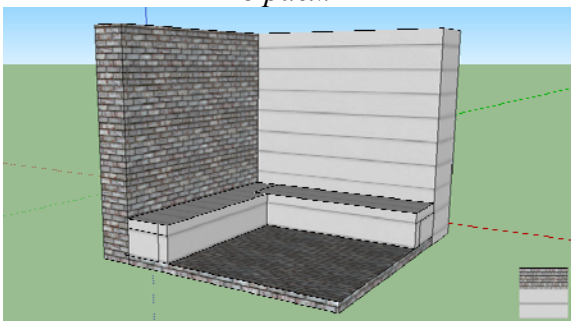
7 расм

8 расм

9 расм

10 расм

логик қазишмалар жараёнида очиб ўрганилган турар-жой қолдиқлари деворларини кузатган ҳолда айтишмиз мумкинки, турар-жой деворлари қурилишида бир неча услублардан фойдаланилган. Бундан олдинги ишларимизда мазкур масалага батафсил тўхталиб ўтганимиз боис, фақат бу услубларнинг келиб чиқиш сабаблари ҳақида фикр билдирамиз.

11 расм

Тадқиқотларга қараганда ҳар бир қурилиш услубининг ўзига хос вазифаси бўлиши билан биргаликда, келиб чиқиш сабаблари ҳам мавжуд. Жумладан, яхлит пахсадан қурилган деворлар қалин ва мустаҳкам бўлсада, девор қурилиши жуда кўп вақтни талаб этган. Зеро, пахса девор қуришнинг ўзига хос тартиби, қонун-қоидалари мавжуд бўлган, яъни, пахса қаватма-қават қурилиб борилиб, биринчи қават тайёр бўлгач, иккинчи қаватни бошлаш учун пахса яхши қуриши лозим бўлган. Шу боисдан, яхлит пахса, қурувчиларнинг кўп вақтини олган. Бундан ташқари пахса девор, кўпинча етарли миқдорида тупроқ олиш имконияти мавжуд бўлган жойда қурилган.

Иккинчи услуб, пахсани махсус қолиплар ёрдамида тайёрлаш (2 усул). Қолип ёрдамида қуйилган пахса блоклар орасидан шабада бемалол ўтганлиги боис, улар анча тез қуриган. Шу билан бирга, пахса блоклар турли табиий офатларга, ер қимирлашларга ҳам бардошли бўлган. Чунки, табиий офатлар натижасида монолит пахсадан қурилган деворларда катта тирқишлар ҳосил бўлган. Пахса блоклар ҳар бири алоҳида қурилганлиги боис, ёриқлар бутун деворни қамраб олмаган.

Суғд шаҳарларининг муҳим савдо йўлида жойлашганлиги уларни тез гуркираб ривожланишига олиб келган. Натижада, Еттисув, Шарқий Туркистон, кейинчалик ҳатто Силла (Корея)да Хитой давлатлари ҳудудларида суғдийларнинг факториялари ва колониялари пайдо бўлган (Беленицкий и др., 1973. С. 109; Анарбаев, 2012. С. 23-25). VI-VII асрларда Суғд шаҳарларида 2-3 қаватли уйлар турар-жойларнинг асосий қисмини ташкил қилган. Бунда қурувчилар бино деворининг мустаҳкамлигига янада катта эътибор берганлар.

Эндиликда Суғд қурувчилари пахса деворни қуришини тезлаштириш мақсадида яна бир янги усулни яратишган. Бу усул пахса орасига қуруқ хом ғиштларнинг қўйилишидир (3, 4, 5 усуллар). Мазкур усул V-VI асрларнинг инновацион янгилиги эди. Усул пахса қуришини янада тезлаштирганлиги боис, унинг бир қанча усуллари яратилган. Дастлаб пахса орасига бир қатор узлуксиз терилган ғиштлар, кейинчалик шахмат тарзида ва орада масофа ташлаган ҳолда бир қатор узунасига, иккинчи қатор кўндалангига териб чиқилган (4-5 усуллар).

Демак, V-VI асрларда Суғдда турар-жойлар қурилишида қуйидаги усуллардан фойдаланилган:

1. Монолит пахса деворлар.
2. Пахса блокдан қурилган деворлар.
3. Монолит пахса орасига белбоғ тарзида бир қатор хом ғишт териш.
4. Монолит пахса орасига шахмат тарзида хом ғишт териш усули.
5. Монолит пахса орасига бир текис тарзда лекин ўрталиқда масофа ташлаган ҳолда хом ғишт териш усули (бу усул белбоғли ва шахмат усулларининг қоришмаси десак бўлади).

Бу VII-VIII асрнинг бошларига келиб, Суғд шаҳарлари ўз ривожининг чўққисига чиққан. Бу ривожланиш қурилиш маданиятида ҳам яққол кўринган. Мудофаа

иншоотлари ва монументал бинолар, турар-жойлар қурилишида фойдаланилган усуллар янада мукаммаллашиб борган. Аммо, бу даврда пахса блок ўз аҳамиятини йўқотмаган. Шу сабабли, баъзи деворлар тўлиқ пахса блокдан терилган (1 усул).

Суғд қурувчилари деворни сейсмик ҳаракатларга бардошлигини кучайтиришга бўлган ҳаракатларини тўхтатишмаган. Эндиликда сейсмик ҳаракатлар таъсирини пахса деворнинг юқори қатламларига ўтказмаслик мақсадида пахса қаторлари орасига бир қатор горизонтал тарзда хом ғишт терила бошланган (2 усул).

Бу даврга келиб Суғдда ерларнинг асосий қисми дастлаб йирик мулк эгалари деҳқонлар, сўнгра босқинчи араб зодагонлари қўлига ўтиб кетиши натижасида, хонавайрон бўлган кўплаб майда ер эгалари шаҳарга чиқиб кетишга мажбур бўлишган (Смирнова, 1970). Бундай кишилар илк ўрта асрларда корикор ёки муздаварлар деб аталган шаҳар ёлланма ишчилари сафларини тўлдиришган (Смирнова, 1970. С. 85-90). Натижада, бу даврга келиб ишчи кучининг ортиши эвазига, қурилиш учун керак бўладиган кўп миқдордаги ғишт тайёрлаш имкони кенгаяди. Бундан ташқари, ғишт ишлаб чиқаришнинг ривожланиши натижасида эндиликда хом ғишт муаммоси ҳал бўлган. Шу сабабли, деворнинг қуйи қисми 1-2 қатор пахса ёки пахса блокдан терилиб, юқори қисми тўлиқ хом ғиштдан, баъзида, девор тўлиқ хом ғиштдан қурила бошланган.

Юқорида кўриб ўтганимиздек, пахса ва пахса блок - Суғд қурилиш маданиятида муҳим ўрин эгаллаганлигини, археологларимиз томонидан олиб борилган қазишмалар тасдиқлайди. Жумладан, В.Л. Воронина, Х.Г. Ахунбабаев, С. Хмельницкий, В.И. Распопова, М.Ҳ. Пардаев каби археологлар пахса ва пахса блокнинг қурилишдаги ўрни ҳақида ўз фикрларини билдиришган. В.Л. Воронинанинг фикрича яхлит пахса олдин тайёрланиб, сўнгра у тезроқ қуриши учун кесиб чиқилган (Воронина, 1953. С. 11). Ушбу хулосага, В.И. Распопова (Распопова, 1990), ва С. Хмельницкий (Хмельницкий, 2000. С. 34-35) каби мутаҳасислар ҳам қўшилганлар. Шунга яқин фикрни М.Ҳ. Пардаев ҳам ўзининг шимолий-ғарбий Уструшона қишлоқ маконларида олиб борган тадқиқотлари якунида келтириб ўтади. Мутахассис шимолий-ғарбий Уструшона қишлоқ маконлари қурилиш тартибининг айрим жиҳатларига эътибор қаратиб, шу асосда Уструшона қишлоқ маконлари деворлари қурилишининг бир қанча тартибини кўрсатиб ўтган (Пардаев, 1997. С. 142-143).

Ушбу фикрларга қўшимча қилган ҳолда, қуйидагиларни айтиб ўтмоқчимиз. Мантиқан олганимизда қалинлиги 1 метрга етувчи монолит пахса деворларни кесиш жуда ноқулай. Археологик маълумотларни таҳлил қиладиган бўлсак, Марказий Осиё турар-жой қурилиш маданиятида пахса блоклардан фойдаланиш бронза давридан бошлаб учрайди[2] (Исаков, 1971. С. 69). Демак, ҳали металлдан ясалган меҳнат қуроллари урф бўлишидан аввал пахса блоклар тайёрлана бошланган. Иккинчидан, махсус қолип (форма) ёрдамида пахса блок тайёрлаш анъанаси Хитойда ҳам учраши ҳақида маълумотлар бор (Васильев, 1976. С. 280). Шань-Инь цивилизацияси[3] даврида пайдо бўлган "Хан ту" усулидаги девор махсус қолипда тайёрланган блоклардан қурилган. Мутахассисларнинг фикрича, бу усулдан Хитойда ҳам узоқ вақт фойдаланилган. Чунки пахса блоклар қурилиш жараёнини тезлаштириши билан биргаликда, жуда мустаҳкам бўлган. Юқорида келтирилган маълумотларни, олдинги мақолаларимизда келтирган этнографик маълумотлар билан умумлаштирсак пахса блокларни қолип ёрдамида тайёрланганлиги кўпроқ асосли бўлиб чиқади.

VI аср охири - VII-VIII асрларга келиб турар-жой қурилишида Суғднинг барча ҳудудларида пахса қаторлари орасига 1-3 қатор хом ғишт териш, пахса ва хом ғиштни

2. Неолит даврида ҳам ўлчами 20-25х60-70 см бўлган лойдан тайёрланган блоклардан фойдаланилганлиги ҳақида маълумотлар бор (Массон, 1971. С. 15). В.М. Массон уларни "протоғиштлар" деб атайди. Балким, улар пахса блокларнинг ҳам келиб чиқиш асосларидир.

кетма-кет териш анъанавий қурилиш тизимига айланган. Бундай қурилиш маданиятини биз Афросиёб, Панжикент, Пойкенд каби йирик шаҳар марказлардагина эмас, балки деярли барча илк ўрта аср Суғд қурилишларида кўрамиз.

Демак, VII-VIII асрда турар-жой деворлари қурилишида қуйидаги усуллардан фойдаланилган:

1. Пахса блокдан.
2. Пахса блок ва монолит пахса орасига 1-4 қатор ҳом ғишт териш.
3. Деворнинг қуйи қисми 1-2 қатор пахса ва пахса блокдан юқори қисми хом ғиштдан.
4. Хом ғиштдан.

Бино поллари: Минг йилликлар давомида асосий қурилиш материали хом ғишт бўлиб келган Суғдда, бино хоналарининг полларига алоҳида аҳамият берилган. Зеро, хонанинг иссиқлиги, захдан холи бўлиши айнан уларнинг ишланишига боғлиқ бўлган. Илк ўрта асрларда хона полларини тайёрланишининг бир қанча усуллари бўлган. Агарда жой захликдан йироқ бўлиб, нисбатан қуруқ бўлса, хона поли фақатгина сомонли лой билан бир, ёки бир неча қават қилиб сувалган. Зах нисбатан кучлироқ бўлган ҳудудларда пол устига хом ғишт терилган. Бизнинг фикримизча, бундай турли усулларнинг келиб чиқишини икки хил сабабини кўрсатишимиз мумкин. Биринчидан, бу турар-жой жойлашган ҳудуднинг табиий шароитидан келиб чиққан. Иккинчи сабаби эса ижтимоий-иқтисодий омилларга боғлиқ. Яъни, хона полларининг тайёрланиши турар-жой хўжайинининг иқтисодий имкониятларидан келиб чиққан. Чунки, асосий қурилиш материалларидан бири бўлган хом ғиштнинг нархи барчага ҳам ундан турли мақсадларда фойдаланиш имконини бермаган.

Илк ўрта асрда Суғднинг бир қанча ёдгорликларида пишган ғиштдан ҳам хона полига қоплама сифатида фойдаланилганлиги қайд этилган. Бу усул Афросиёбда 23-қазишманинг учинчи қурилиш даврида кузатилади. Афросиёбда фойдаланилган пишган ғиштларнинг ўлчами 20-22х31-34х3-4 см бўлган. Панжикентда ҳам пишган ғиштлардан фойдаланилганлиги ҳақида маълумотлар бор. Хусусан, Панжикентнинг 5-объектини кўрсатишимиз мумкин. Комплекснинг шарқий томонида 3 та хонадан иборат, ўзаро туташган комплекс қайд этилиб ушбу комплекснинг зали тартиб рақами бўйича 13 хона катта зал бўлиб, мудофаа деворига туташган. Бу хонанинг ўзига хос томони шундаки, унинг полларига 34х24х5 см ўлчамдаги пишган ғиштлардан қоплама қилинган (Воронина, 1958. С. 211).

Шунга ўхшаш вазият 3-объектда ҳам қайд этилган. Маълум бўлишича, объектдаги бинонинг 2-чи қаватдаги хоналар поли 40-35-5,5 см ўлчамдаги пиширилган ғишт билан қопланган (Воронина, 1953. С. 115). Шунга кўра, айтишимиз мумкинки, баъзи бой хонадонларда юқори қават поли пиширилган ғиштдан қилинган. Амалдорлар квартали деб баҳо берилган 6-объектда ҳам пол устига пиширилган ғишт қопланганлиги қайд этилган. Бунда 18х15х3-5 см ўлчамдаги пиширилган ғиштлардан фойдаланилган (Ставиский, 1953. С. 133).

Демак, илк ўрта асрларда Суғд турар жойларининг поллари қуйидаги тартибда қурилганлиги аниқланган:

1. Нам тупроқни зичлаб, устини суваш орқали тайёрланган усул (5 расм).
2. Зичланган тупроқли пол устига хом ғишт териб чиқиш усули (6 расм).
3. Пишиқ ғиштдан қоплама қилиш усули (7 расм).

Турар жой хоналарининг интерьерига кирувчи яна бир таркибий қисм бу супадир. Илк ўрта асрда супалар ҳам бир неча усулда қурилган. Жумладан, четлари хом ғиштдан

3. Шань-Инь цивилизацияси-Хитойда бронза даврида (2 минг йиллик ўрталари) гуллаб-яшнаган цивилизация.

терилиб, ичи тупроқ, майда шағал билан тўлдирилган. Бундай тарзда тайёрланган супалар Суғднинг барча ҳудудлари учун хос. Лекин, Панжикентда пишган ғишт териб ишланган супа ҳам қайд этилган. Ушбу супа ҳам 5-объект залида очилган. Залдаги супалар икки қаватли бўлиб, устки қисми ва ёнлари пиширилган ғиштлар билан қопланган (Воронина, 1958. С. 211). Бундай супа сифатли бўлиб, оддий супаларга қараганда четлари тезда емирилиб кетмаслиги билан ажралиб турган.

Тадқиқотларга қараганда турар-жой супалари тайёрланиши ҳам бир неча усулда олиб борилган:

1. Супа четлари ва баъзан усти хом ғиштдан терилиб ичига тупроқ, майда шағал тўлдириш (8 расм).
2. Супа тўлиқ хом ғиштлардан терилган (9 расм).
3. Супа пахсадан қилинган (10 расм).
4. Супа юзасини пиширилган ғиштлар билан қопланганли (11 расм).

Хулоса, қилиб айтадиган бўлсак, илк ўрт асрда Суғдда турар-жой қурилишининг ўзига хос анъаналари шаклланган. Бу анъаналар бино учун жой танланишидан бошлаб устки қисми ёпилгунча бўлган жараённи қамраб олади. Юқорида кўрганимиздек, бу жараёнда қурилишнинг ҳар бир элементи ривожланиб, мукаммаллашиб борган. Шунингдек, янги инновацион ихтиролар ҳам яратилган. Илк ўрта аср Суғд турар-жой қурилишидаги инновацион ихтиролар бинонинг табиий офатларга чидамлилигини ошириш, қурилишга кетадиган вақтни тежаган ҳолда сифатли, ихчам ва муҳташам бино яратишга қаратилган.

Шу асосда Суғд турар жойлари қурилиш материалларининг илк ўрта асрлар даврида қуйидагича ривожланган кўрамиз:

Ушбу жадвалларда кўриниб турибдики, илк ўрта асрларда Суғд қурилиш материаллари ривожланишнинг ўзига хос жараёнларини босиб ўтган. Чунки турар-жой сифатини ошириб, унинг мустаҳкам ва муҳташам бўлишида, қулай ва ихчам қурилиш материалларини танлашнинг ўрни катта бўлган. Бу борада илк ўрта аср қурувчилари катта тажрибага орттиришган. Улар олдинги давр қурувчиларидан фарқли равишда

Турар-жой деворлари

Даврий ривожланиши	Қурилиш материали	
	Анъанавий	Инновацион янгилиги
V-VI асрлар	Монолит пахса деворлар, хом ғишт деворлар, кам миқдорда пахса блокли деворлар	Қурама усуллар
VI аср охири - VII аср	Пахса блок, антисейсмик усул, қурама усуллар	Антисейсмик усул
VII аср охири - VIII аср боши	Хом ғиштли деворлар, пахса блок, қурама усул, кам миқдорда баъзан пишиқ ғиштли деворлар	Хом ғиштдан фундамент-лар, кам миқдорда пишиқ ғиштдан фойдаланиш

Хона поллари:

Даврий ривожланиши	Қурилиш материали	
	Анъанавий	Инновацион янгилиги
V-VI асрлар	Хона ичи тупроғи зичланиб усти сувоқ қилинган	
VI аср охири-VII аср бошлари	Хона полларига хом ғишт терилиб устки қисми сувалган,	
VII-VIII асрлар	Юқоридаги усуллар давом этган	Пишиқ ғиштдан қоплама қилиш

Турар-жой супалари:

Даврий ривожланиши	Қурилиш материали	
	Анъанавий	Инновацион янгилиги
V-VI асрлар	Пахса супалар, четлари хом ғиштдан қилинган суфалар	
VI аср охири - VII аср	Юқоридаги усуллар анъанавий давом этган	
VII аср охири-VIII асрлар	Юқоридаги усуллар анъанавий давом этган	Супа четларига пишиқ ғиштдан қоплама қилинган

қурама усулдан (хом ғишт ва пахсадан биргаликда фойдаланиш) кўпроқ фойдаланишган. Шунингдек, илк ўрта аср Суғд қурувчилари антисейсмик шароитни ҳисобга олиб пахсадан кўра, пахса блокни устун қўйишган. Тадқиқотимиз давомида илк ўрта аср қурилишида шундай муҳим ўринга эга бўлган пахса блоклар асослари бронза даврига бориб тақалиши ва улар махсус қолиплар ёрдамида қуйилганлиги ҳақиқатга яқинлигини айтмоқчимиз.

Шунингдек, турар-жойлар қурилиши, уларнинг мустаҳкамлиги, хилма-хиллиги ва ички интерери биринчидан ўз даврининг ижтимоий-иқтисодий ҳаёти билан боғлиқ бўлса: иккинчидан бино қурилган жой ва унинг экологик ҳолати билан ҳам боғлиқ бўлган. Шу асосда, Суғд турар жой қурилиши илк ўрта асрларда ўзининг ривожланиш йўлига эга бўлган. Бунда маҳаллий анъаналар билан бирга янги инновацион янгиликлар ҳам муҳим аҳамият касб этган. Натижада, суғдийлар мустаҳкам ва шинам турар-жойлар қурибгина қолмай, балки уларда инсон яшаши учун қулай шароит ярата олган, яъни, қиш ойларида бинонинг хоналари иссиқликни сақлай олган бўлса, ёз ойларида салқин шароитни ярата олган.

Фойдаланилган адабиётлар:

Анарбаев А.А. Самаркандский Согд и Фергана на Великом шелковом пути // Another Silk Road. Korea Silk Road Project. Geong Gi. P/21-29.

Ахунбабаев Х.Г. Дворец ихшидов Согда на Афрасиабе. Самарканд, 1999.

Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973.

Васильев Л.С. Проблемы генезиса Китайской цивилизации. М., 1976.

Воронина В.Л. Древняя строительная техника Средней Азии // Архитектурное наследство. М., 1953. №3.

Воронина В.Л. Архитектурные памятники древнего Пянджикента // МИА. Т.2. 1953. №37.

Воронина В.Л. Архитектура древнего Пенджикента: (Итоги работ 1952—1953 гг.) // МИА. 1958. №66.

Исаков А.И. Саразм. (К вопросу становления раннеземледельческой культуры Зеравшанского долины (раскопки 1977-1983 гг.)). Душанбе, 1991.

Распопова В.И. Жилище Пенджикента. Л., 1990.

Садиев М. Археологические наблюдения на территории строительства здания Музея истории основания Самарканда // Афрасиаб. Вып. 2. Ташкент, 1973.

Смирнова О.И. Очерки из истории Согда. М., 1970.

Ставиский Б.Я. Раскопки квартала жилищ знати в юго-восточной части Пенджикентского городища (объект 5) в 1951-1959 гг. // МИА. М.-Л., 1964. №124.

Хмельницкий С.Г. Архитектура Средней Азии // Между кушанами и арабами. Рига-Берлин, 2000.

Шишкин В.Л. Варахша. М., 1963.

Якубов Ю. Раннесредневековые сельские поселения горного Согда. (К проблеме становления феодализма). Душанбе, 1988.

УДК: 902.6. (575)

ҚЎШРАБОДДА АНИҚЛАНГАН XIV-XV АСРГА ОИД МЕЬМОРИЙ ОБИДА ИЗЛАРИ

© 2014. М. Саидов, У. Ортиқов, М. Ирзаева

Ўзбекистон Республикаси Фанлар академияси Археология институти
Самарқанд Давлат университети қошидаги 2 сон академик лицейи
САмарқанд шаҳар 8 сон ўрта таьлим мактаби

Калит сўзлар: Пишиқ ғишт, ўтхона, пештоқ, хумдон, мақбара, даҳма, тиюл.

В данной статье описываются археологические находки, найденные в селе Шовва, где были найдены обломки глазурованных кирпичей и топочная камера кирпичеобжигательной печи. Анализ археологических и письменных данных дает возможность предполагать, что здесь был сооружен неизвестный нам мавзолей темуридской эпохи.

SCENTS OF THE ARCHITECTURAL CONSTRUCTION 14-15 th CENTURIES KUSHRABAT
M. Saidov
This article reflects the archaeological finds in the village of Shovva, where were detected the fragments of glazed bricks and furnace chamber of brick kilns. Analysis of the archaeological and written sources allows to presupposes, that here was built the nameless mausoleum of the Timurid epoch.

Археологик ёдгорликлар ҳар бир халқнинг тарихи, қадриятлари, маданияти ва маьнавияти тимсоли сифатида намоён бўлиб, унинг қисман ёки тўлиқ бузилиши тарихнинг қайсидир қисмини бутунлай йўқ бўлиб кетишига олиб келиши мумкин. Афсуски, турли асрларда ўтказилган қурилиш ишлари, содир бўлган демографик жараёнлар, қўриқ ерларни ўзлаштириш, деҳқончилик майдонларини кенгайиши юртимизда кўплаб ёдгорликларни вайрон бўлишига ёки жиддий шикастланишига олиб келган. Фақатгина тасодифий ҳолларда аниқланган археологик топилмалар ушбу ёдгорликларни ўрнини аниқлашга ва уларни илмий ўрганишга замин яратган. Худди шундай ёдгорликлардан бири Қўшрабод туманининг (Самарқанд вилояти) шимолий шарқий қисмида, Шовва-Пангат йўлининг 4-километрида, Пангатсойнинг ўнг қирғоғида жойлашган бўлиб (координаталари—42Т Шарқ 288500; Шимол 4468008), баҳорги шудгор вақтида бу ерда сирланган ва сирланмаган пишиқ ғишт бўлаклари, араб ёзувлари ҳамда ўйма нақшлар битилган сопол плиткалар қолдиқлари қайд этилган. Сирланган ғишт бўлаклари, плиткалар тарқалган ҳудуд дастлаб СамДУ магистранти М. Ирзаева томонидан аниқланиб, кейинчалик бу ерда ЎзР ФА Археология институти илмий ходимлари томонидан қазишма ишлари олиб борилди.

Археологик топилмалар аниқланган ҳудуд сарқадлари 100х65 м ўлчамда бўлиб, ғарбдан шарқ томонга 20‑30 даража нишаблик ҳолатида жойлшган. Бу ҳудуднинг устки қисми маҳаллий аҳоли сўзларига кўра, ўтган асрнинг 80-йилларидан бошлаб текисланиб, деҳқончилик қилинган. Айни вақтда 2014-йилнинг бошида майдоннинг ўрта қисми 40‑50 см чуқурликда булдозер билан сурилган.

Майдон юзасида сочилиб ётган сирланган ва сирланмаган ғиштлар, сопол плиткаларнинг келиб чиқиши ҳамда уларнинг даврий санасини аниқлаш мақсадида

икки жойда қазишма ишлари олиб борилди.

Биринчи қазишма 4х5 м ўлчамда бўлиб, майдоннинг шарқий қисмида жойлашган. Қазишма жараёнида бу ерда ғишт пиширишга мўлжалланган хумдоннинг ўтхонаси аниқланди. Ўтхона ер сатҳидан 20 см пастда жойлашиб, ўлчами 3,65х2,65 м, чуқурлиги 1,10 м ни ташкил этади (1-расм). Ўтхона ерга тўртбурчак шаклда чуқур кавлаб ҳосил қилинган бўлиб, ёнларига махсус ишлов берилган. Хусусан, ўтхонанинг шарқий ва ғарбий томонлари 4‑5 қайта сомонли лой билан сувалган, доимий олов таьсирида улар қаттиқлашиб, тўқ кулранг тусга кирган (2-расм). Шимолий ва жанубий деворлар эса 12‑13 қатор 24‑27х6‑7х4 см ўлчамдаги тўқ кулранг, оловга чидамли ғиштлар билан қопланиб, уларнинг юзаси ҳам бир неча қатлам сомонли лой билан сувоқ қилинган (2-расм). Деворларнинг орқа томонидаги қатлам 10‑13 см қалинликда доимий олов таьсирида қизғиш‑жигарранг тусга кирган.

Ўтхона поли ҳам сомонли лой билан сувалган, бир неча бор қилинган сувоқ натижасида қалинлиги 8‑10 см.га етган. Полнинг марказий қисми яхши сақланмаган, юзаси эса олов таьсирида кучли даражада куйган бўлсада, унинг устида кул, олов қолдиқлари кам миқдорда қайд этилди. Полнинг устки қисмида 5‑6 см қалинликдаги оқова қатлам мавжуд, унинг устидан қарийб 1 м қалинликдаги қизғиш тупроқ аралаш пишиқ ғишт бўлаклари қайд этилди. Айрим бутун сақланган пишиқ ғишт ўлчамлари 24‑24,5‑25х24‑24,5‑25х4,5‑5 см.ни ташкил этади. Хумдон ўтхонасидан эса кам миқдорда сирланган ғишт парчалари топилди.

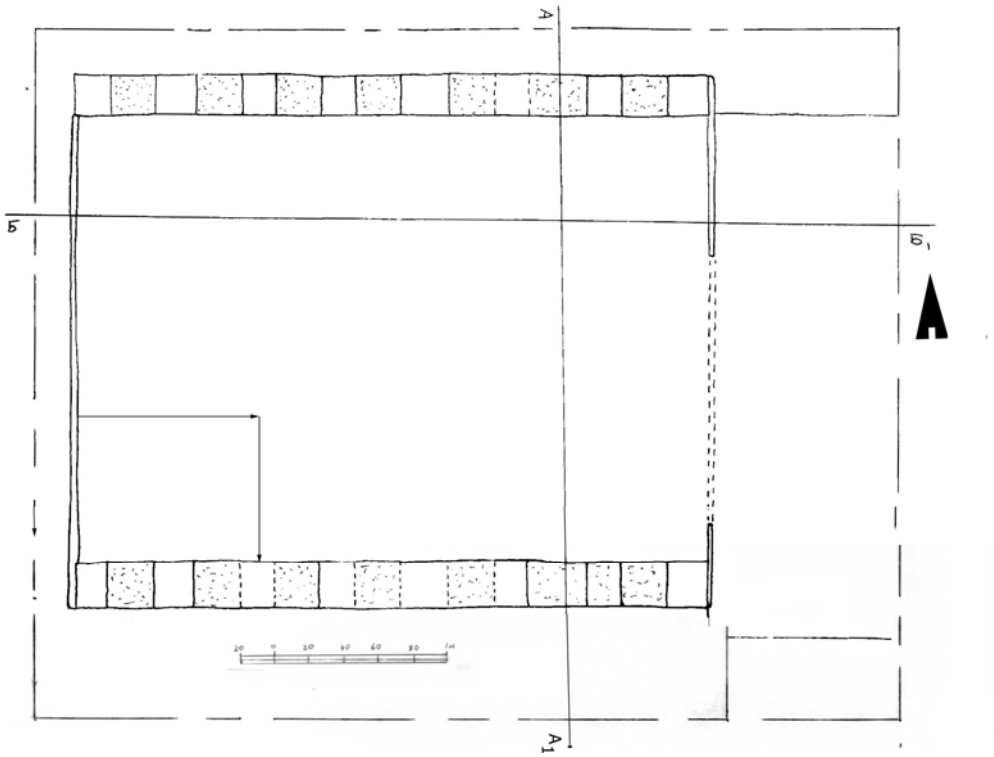
Ўтхонанинг шимолий ва жанубий деворлари устида 18-20х24‑26х18 см ўлчамдаги иссиқлик чиқиши учун мўлжаланган туйнуклар жойлашган бўлиб, уларнинг айримларини ичида катта тош бўлаклари қайд этилди.

Иккинчи қазишма биринчи қазишмадан 30 м ғарб томонда, 2х6 м ҳажмдаги майдончада ўтқазилди. Қазишма шарқ‑ғарб йўналишида, 1,40 см чуқурликга қадар, материкгача олиб борилди. Иш жараёнида ер сатҳидан 40‑50 см пастда, текисланган юза устида ёнбош ҳолатда терилган пишиқ ғиштларнинг (24,5х24,5х4,5 см) қолдиқлари аниқланди (3-расм). Шу билан бирга ушбу сатҳ юзасида сирланган ғишт парчалари, ўйма нақш ва араб ёзувлари битилган сопол плиткалар қолдиқлари ҳам қайд этилди (4-расм).

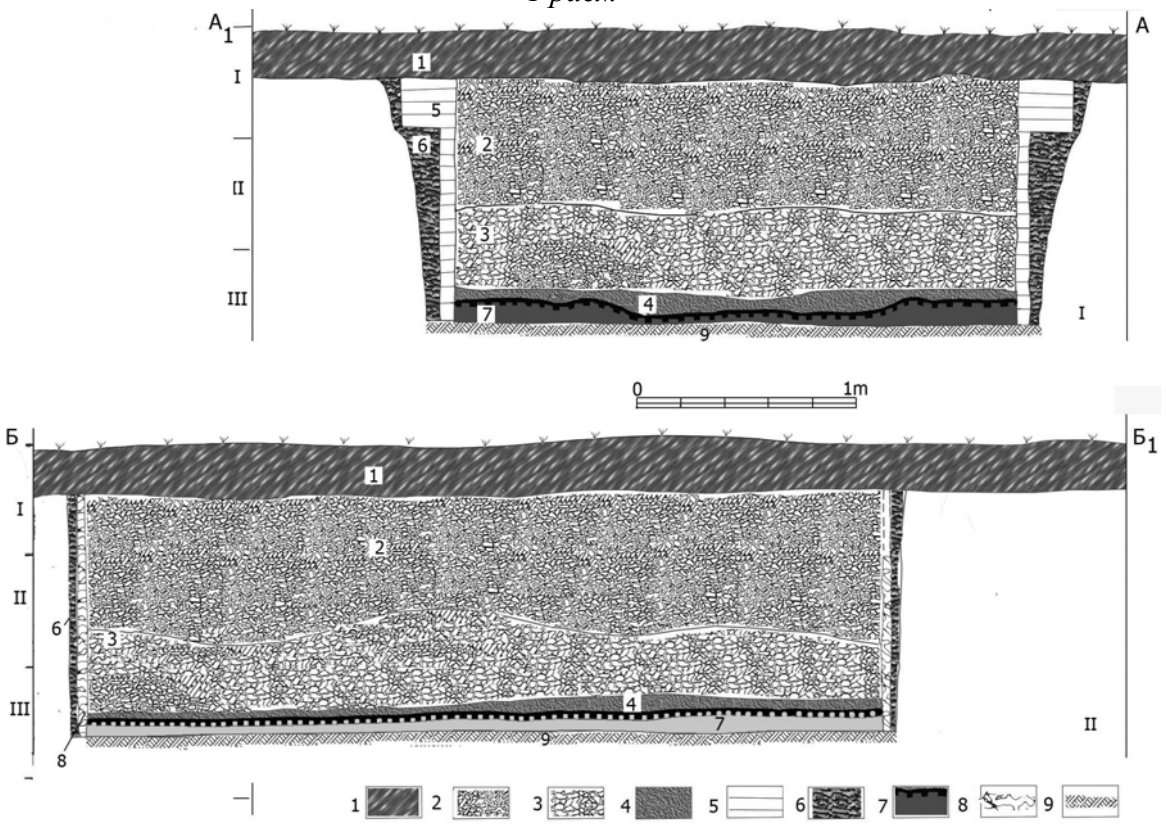
Ҳар иккала қазишмада даврий санага аниқлик киритувчи сопол буюмлар топилмаган бўлсада, аниқланган пишиқ ғиштлар, сирланган ғишт ва терракоталар ҳамда ўтхона қолдиқларини қиёсий таҳлили уларни XIV аср охири—XV аср, яьни, соҳибқирон Амир Темур ва темурийлар даврига оид эканлигини кўрсатди.

Қазишма ишлари жараёнида аниқланган пишиқ ғиштлар ўлчами тимурийлар даврига оид кўплаб архитектура ёдгорликларида, жумладан, Шоҳи Зинда мажмуаси (Немцева, Шваб, 1979), Шаҳрисабз (Усманова и др., 1991. С. 33-46) туманида аниқланган даҳмаларда ҳам қайд этилган. Аниқланган пишиқ ғишт пиширишга мўлжалланган хумдон ҳам ўз тузилишига кўра, 1971 йилда Афросиёбнинг жанубий-шарқий қисмида, ҳозирги Тошкент кўчасининг ёнида аниқланган ғишт пиширишга мўлжалланган хумдонга анча яқин (5-расм) (Шарахимов, 1974. С. 84‑89). Фақатгина Афросиёб яқинида аниқланган хумдон ўлчами жиҳатдан каттароқ бўлиб (7х5,3 м), унинг пишириш камераси ҳам қисман сақланган. Ушбу хумдон муаллиф томонидан XIV‑XV асрлар билан даврланган.

Қазишмалар жараёнида аниқланган сирланган ғиштлар ва ўйма нақш туширилган терракоталарда ишлатилган ранглар асосан оқ, ҳаворанг, тўқ кўк, жигарранг ва бинафша рангларда бўлиб, улар ислимий, геометрик, китоба услубларида берилган. Бундай ранг ва безакларни Шоҳи Зинда мажмуасига

1 расм

2 расм. 1 - чим қатлам, 2 ‑ куйган тупроқ ва пишиқ ғишт бўлаклари аралаш қатлам, 3 ‑ кулранг тупроқ ва пишиқ ғишт бўлаклари аралаш қатлам, 4 ‑ оқова қатлам, 5 ‑ пишиқ ғишт, 6 ‑ куйган қатлам, 7 ‑ пол, 8 ‑ девор, 9 ‑ материк

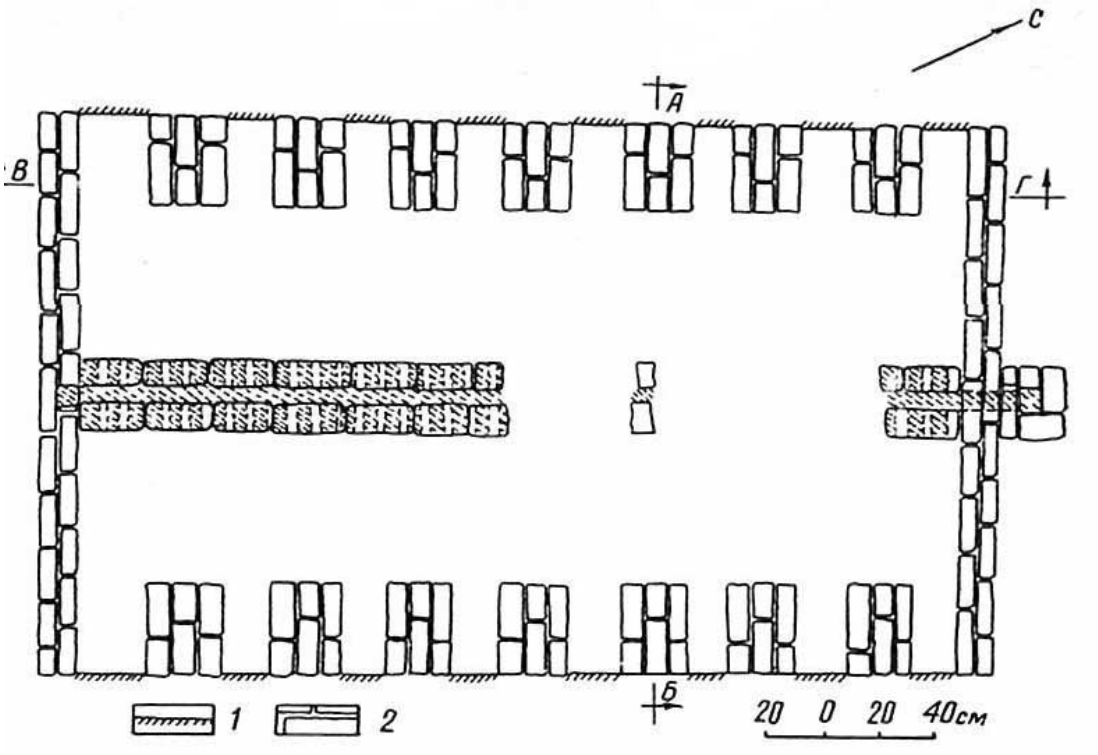
3-расм

кирувчи Хожа Аҳмад ва Қутлуқ оғо мақбараларида кўриш мумкин (Немцева, Шваб, 1979. С. 89‑125, 147‑162; Рempель, 1961. С. 269‑271). Иккинчи қазишмада аниқланган ўйма араб ёзуви туширилган терракота қолдиғи умумий кўк фонда оқ ранг билан безалган бўлиб, бундай услуб тадқиқотчилар томонидан XIV аср иккинчи ярмидан бошлаб қўлланилганлиги қайд этилган (Нильсен, Манакова, 1974. С. 21).

Маьлумки, Амир Темур даврида Мовароуннаҳрда марказлашган давлатга асос солингач, мамлакат бўйлаб кенг кўламли ободончилик ишлари амалга оширилади. Жумладан, тарихчи Муиниддин Натанзийнинг ёзишича “Амир соҳибқирон ғурбат ва маҳрумлик йилларида Оллоҳ таоло олдида қандай аҳду паймон қилган бўлса, айни ушбу тариқ ва қоидалар асосида иш кўрди. Аввало барча йўлларда ёмлар барпо этишни буюрди ва халқ ўтиб кечадиган жойлардаги харобаларни тузатиб обод қилдирди. Олий работлар ва ҳонақолар қурдириб фақиру мискинлар учун хайрия тарзда уларнинг эшикларини очиб қўйди” (Муиниддин Натанзий, 2011. 111 б.). Дарҳақиқат Амир Темур ва унинг кейинги ворислари даврида салтанатда жуда кўплаб қурилиш ишлари амалга оширилади. Сарой, мадраса, масжидлар, мақбаралар, хонақолар, даҳма ва ҳоказолар, нафақат, йирик шаҳар ва қишлоқларда балки узоқ чекка ҳудудларда ҳам бунёд этилади. Ободонлаштириш ишлари, нафақат, олий ҳукмдор, балки маҳаллий ҳокимлар, ер мулк эгалари томонидан ҳам амалга оширилади. Жумладан, улар томонидан чекка ҳудудларда мақбаралар, даҳмалар қурилиб, уларнинг қолдиқлари археологик тадқиқотлар давомида аниқланган (Гулямов, Ахраров, 1969. С. 26-30; Усманова, 1987). Аммо кейинги даврлардаги сиёсий, ижтимоий ва иқтисодий ўзгаришлар темурийлар даврида бунёд этилган кўплаб иншоотларни ўз ҳолига ташлаб қўйилишига, бу эса уларни аста секин бузилиб кетишига олиб келади. Бундай ҳолат, айниқса якка тартибда

4 расм

5-расм (Шораҳимов Ш. бўйича. 1974)

қурилган даҳма, мақбараларда кўпроқ кузатилади. Шу жиҳатдан, Шоввадан аниқланган топилмалар ҳам мана шундай даҳма ёки мақбарага тегишли бўлган бўлиши мумкин. Бу борада қўйидаги асосларни илгари суриш мумкин.

Биринчидан, даҳма ва мақбаралар одатда юқори мартабали шахсларга атаб бунёд этилиб, улар одатда бир ёки икки ярусли бўлган. Пишиқ ғиштдан бунёд этилган мақбаралар сирланган сопол кошинлар, майолика, мозаикалар билан безатилган. Худди шундай сирланган ғиштлар ва ўймакор нақшлар билан безатилган терракоталар Шоввадан ҳам топилган бўлиб, юқорида қайд қилинганидек, улар услуб жиҳатдан Шоҳи Зинда, Жаҳонгир Мирзо мақбаралари мажмуаси, Шаҳрисабз, Яккабоғ, Қамаши туманларида аниқланган даҳмаларда қайд этилган.

Иккинчидан, биринчи қазишмада аниқланган ғишт пиширишга мўлжалланган хумдон қолдиқлари ҳам бевосита мақбара қуриш учун бунёд этилган. Зеро, тадқиқотларнинг кўрсатишича, одатда бундай хумдонлар вақтни ва иш кучини тежаш учун бевосита қурилиш объекти ёнида бунёд этилган. Худди шундай ҳолатни 1959 йилда Я.Ғ. Ғуломов ва И. Аҳроровлар томонидан ўрганилган темурийлар даврига оид мақбарада ҳам кузатишимз мумкин. Хусусан, фақат остки қисми сақланган икки ярусли мақбара 1419 йилда вафот этган Амир Муҳаммад ибн Амир Айюкга тегишли бўлиб, тадқиқотчилар уни шу атрофдаги мулклар эгаси бўлган бўлса керак, деган фикрни билдиришади (Гулямов, Ахраров, 1969. С. 28-29). Мақбарадан шарқ томонда 200 м узоқликда ғишт пиширишга мўлжалланган хумдон аниқланади. Шуниндек, Қозоғистон Республикаси Қизил Ўрда вилояти, Борса келмас қўриқхонаси ҳудудида аниқланган, пештоқлари сирланган кошинлар билан безатилган темурийлар даврига оид мақбарадан унча узоқ бўлмаган жойда ҳам ғишт пиширишхумдони аниқланган (Смагулов, 2001. С. 75).

Ушбу фикрлардан келиб чиққан ҳолда, хулоса қилиш мумкинки, Шовва қишлоғи жанубида XIV аср охири - XV аср бошларида шу атрофдаги ер мулк, суюрғол эгаси ёки ҳокимга тегишли бўлган мақбара бунёд этилган. Аммо кейинги сулолалар, яъни, шайбонийлар, аштархонийлар даврида мақбара қаровсиз қолганлиги учун вайронага айланган. Кейинчалик, ерларни ўзлаштирилиш, демографик ўсиш мақбара натижасида тўлиқ бузилиб кетган.

Афсуски, ушбу мақбара билан боғлиқ маълумотлар ёзма манбаларда қайд этилмаган. Ушбу ҳудудда кенг қамровли тадқиқотлар олиб борилса Қўшработ туманида ҳам темурийлар даври маданиятига оидда янги маълумотларни қўлга киритиш имконияти туғилади.

Фойдаланилган адабиётлар:

Гулямов Я.Г., Ахраров И. Раскопки мавзолея в Яккабаге // Общественные науки в Узбекистане. Ташкент, 1969.

Муиниддин Натазий. Мунтахиб ут таворихи Муиний. Тошкент, 2011.

Немцева Н.Б., Шваб Ю.З. Шахи Зинда. Ташкент, 1979.

Нильсен В.А., Манакова В.Н. Архитектурный декор памятников Узбекистана. Ташкент, 1974.

Ремпель Л.И. Архитектурный орнамент Узбекистана. Ташкент, 1961.

Смагулов Е.А. Находка и исследования мазара на дне Аральского моря // Отечественная история. №4. Алматы, 2001.

Усманова З.И. Раскопки мавзолея в Кашкадрьинской области. Археологические открытия 1985 года. М., 1987.

Усманова З.И. и др. Отчет о полевых работах кафедры археологии Средней Азии в 1990 году. Самарканд, 1991. Архив института археологии АН РУз. Ф. 3, О.1, Д. 82.

Шарахимов Ш. Кирпичеобжитательная печь средневекового Самарканда // Сб. Афрасиаб. Вып. 3. Ташкент, 1974.

УДК: 902.6 (575.141)

О МАЗАРЕ ПОТОМКОВ ХАМУША

© 2014. М.Ж. Бузруков

Самаркандский государственный университет

Ключевые слова: археологический памятник, поливная керамика, фрагменты кувшина, Низам ад-дин Хамуш, мазар, вакуфный документ, ханака, худжра, мечеть, Талляк, Шавдар, Мир Хамуш, Лангар, шаджара (родословная), надгробный камень, эпитафия.

Мақола Самарқанд вилоятининг Тайлоқ туманидаги «Таллак-ота» зиёратгоҳига бағишланган. Муаллиф «Оғзаки тарих» («Oral history») методи асосида тўплаган маълумотларини бирламчи манбалар билан солиштириб, зиёратгоҳ тарихини ёритишга ҳаракат қилган. Унда Таллак-ота қишлоғи қабристонидаги Низомиддин Хомуш авлодларига тегишли қабртошлар, вақф ҳужжати, Мир Хомуш шажараси илк бор манба сифатида илмий муомалага киритилмоқда. Айрим олимлар бир шахс деб ҳисобловчи Мир Хомуш ва Низомиддин Хомушни турли даврда яшаган бошқа-бошқа шахс эканлиги кўрсатиб берилган.

ABOUT THE MAZAR OF DESCENDANTS OF KHAMUSH

M.J. Buzrukov

The article is devoted to mazar «Tallyak-ata», which is located in Taylak district of Samarkand region. The author to compiled informations about the shrine with a method of «Oral history». This information compared with sourse materials (vaqf and epitaph of descendants of Nizam ad-Din Khamush, pedigree (shajara) of Mir Khamush and manuscripts). He comes to conclusion that Nizam ad-Din Khamush and Mir Khamush lived at various historical epoches. They were not one person, as consider some scholars.

Почти во всех селениях Средней Азии имеются святыни – мазары и места поклонения, почитаемые народом. В последнее время вырос интерес к исследованию издавна фиксируемых и изучаемых среднеазиатских мазаров. Но до сих пор встречаются святыни, которые еще не были объектами изучения. Одна из них ныне находится в селении Талляк-ата Тайлякского района Самаркандской области. Хотя этот мазар популярен среди населения как святыня, он зарегистрирован как археологический памятник IX-XI веков.

Памятник представляет собой слегка вытянутый с северо-запада на юго-восток холм высотой 10,5 м, площадью 68х75 м с возвышенной частью площадью 30х31 м понижающейся к северной части. Поливная керамика представлена фрагментами кос с изумрудно-голубоватыми расплывающимися пятнами по белому фону и эпиграфическим орнаментом с точечным заполнением. Из неполивной – фрагменты кувшинов, покрытых светлым ангобом и прочерченным полосчатым орнаментом. На самой высокой части памятника сохранились остатки портальчика мавзолея, а вся площадь холма занята современным мазаром (Отчет, 1987. С. 56). Объект впервые обследован археологом В.Л. Вяткиным (Вяткин, 1902. С. 31) и отрядом Института археологии в 1987 году, хотя раскопок не производилось.

На сегодняшний день трудно встретить знатока преданий об истории кишлака. В 2000 году автору статьи удалось записать некоторые из них, со слов учителя, ныне покойного, Ахмадхона Ахророва (1922-2002 гг.). Надо отметить, что роль «Устной истории» («Oral history») как метода исторического исследования огромна. Сравни-

тельный анализ устных сказаний, составляющих основу исторической памяти народа с первоисточниками стали основой нашей статьи.

«В кишлаке проживают узбеки рода минг, баглан, коштамгали, ойтамгали, санчикули, туркбарлас. Среди населения имеются также 3 сословные группы ишанов (т.е. саййидов или ходжей), которые до 70-х г. XX в. говорили по-таджикски. Некоторые из них считают себя потомками Низам ад-дина Хамуша». Приводя эти сведения, наш информатор А. Ахроров, не различал саййидов и ходжей.

Специалисты, прежде всего этнографы, относят эти категории населения не к этнографическим, а к сословным группам «с этническим оттенком», в зависимости от языка их общения (Кармышева, 1976. С. 45). Примерно до XV-XVI вв. эти два термина имели схожее грамматическое значение (т.е. арабский и персидский аналоги), но прилагались к разным группам духовного сословия, в первую очередь выходцам из суфийских фамилий. Иными словами «саййиды» (равно как и шариф/ ашраф, ахл ал-байт) прилагались к именам тех персон, которые происходили от потомков Пророка или считались за таковых. Титулом «ходжа» (по крайней мере в Средней Азии) большей частью называли выдающихся суфиев и их потомков (Бабаджанов, 2010. С. 467-468).

В центре мазара Талляк-ата имеется высокий холм (по араб. *тал* – تل (рис. 1), от которого и происходит название кишлака. Старожилы, основываясь на преданиях, считают, что гробница Низам ад-дина Хамуша (прим. 1360-1450)[1] находится здесь. Исследуя происхождение кишлака, его название и связь с Низам ад-дином Хамушем на основе рукописных источников мы установили, что он умер в Ташкенте и был похоронен на мазаре Каффала Шаши (Бузруков, 2007. С.21-24). В мазаре селения Талляк-ата похоронены его потомки.

Самым ранним источником о святыне считается вакфный документ этого мазара от 1467 года, который имеет свою историю. Потомки Мир Шах Хусайна «Шах Абдулгаффорходжа ибн Шах Юсуфходжа» и «Шах Абдулъазизходжа ибн Шах Абдулкадирходжа» в 1887 г. написали прошение главному начальнику Самаркандской области. В этом документе, зарегистрированном, под №30 16 апреля 1887 г. написано, что «…Мир Шах Хусайн в месяце жумадил аввал 871 г. (декабрь 1466 г.) завещал вакф в пользу своего ханака и потомков. Это вакфнаме потерялось 60 лет назад (т.е. в 1827 г. – Б.М.) из-за этого земли стали государственными. Лет 9 назад (т.е. в 1878 г. – Б.М.) найдя этот документ, мы обратились уездному начальнику, но он не принял меры. С надеждой просим Вас возвратить вакфные земли» (ЦГА РУз. л. 1-2). Это прошение для изучения передано в поземельно-податный отдел в 1893 году. 26 июля этого года вакфнаме переведен О.Дмитриевым и оставлено до дальнейших распоряжений (ЦГА РУз. л. 10).

Прикрепленное к этому прошению вакфнаме представляет собой копию, снятую с ветхого оригинала в месяце мухаррам 1112 г. (июнь 1700 г.) (рис. 2). Как пишется в нем, «Мир Шах Хусайн ибн Мир Саййид Махмуд завещает вакф в пользу своего ханака и потомков из лично принадлежащего ему имущества: два участка земли в кишлаке Талляк и в селении Сари Осиё в Шаударском (ныне Тайлякском) тумане. Ханака состоит из навеса на четырех столбах, маленьких комнат для отшельников и нескольких худжр. Напротив холма, который расположен в селении Талляк تلک находится гробница Мир Саййида Махмуда. Он был из потомков маулана Низам ад -дина Хамуша… Вакфозавещатель поставил в условие: мутаваллий этого вакфа получает из доходности $^{1}/10$; оставшиеся должен разделить на три части: две части выдавать потомкам по мужской линии, одну часть употреблять на приготовление

Рис. 1. Мазар «Талляк-ата»

Рис. 3. Вид мечети

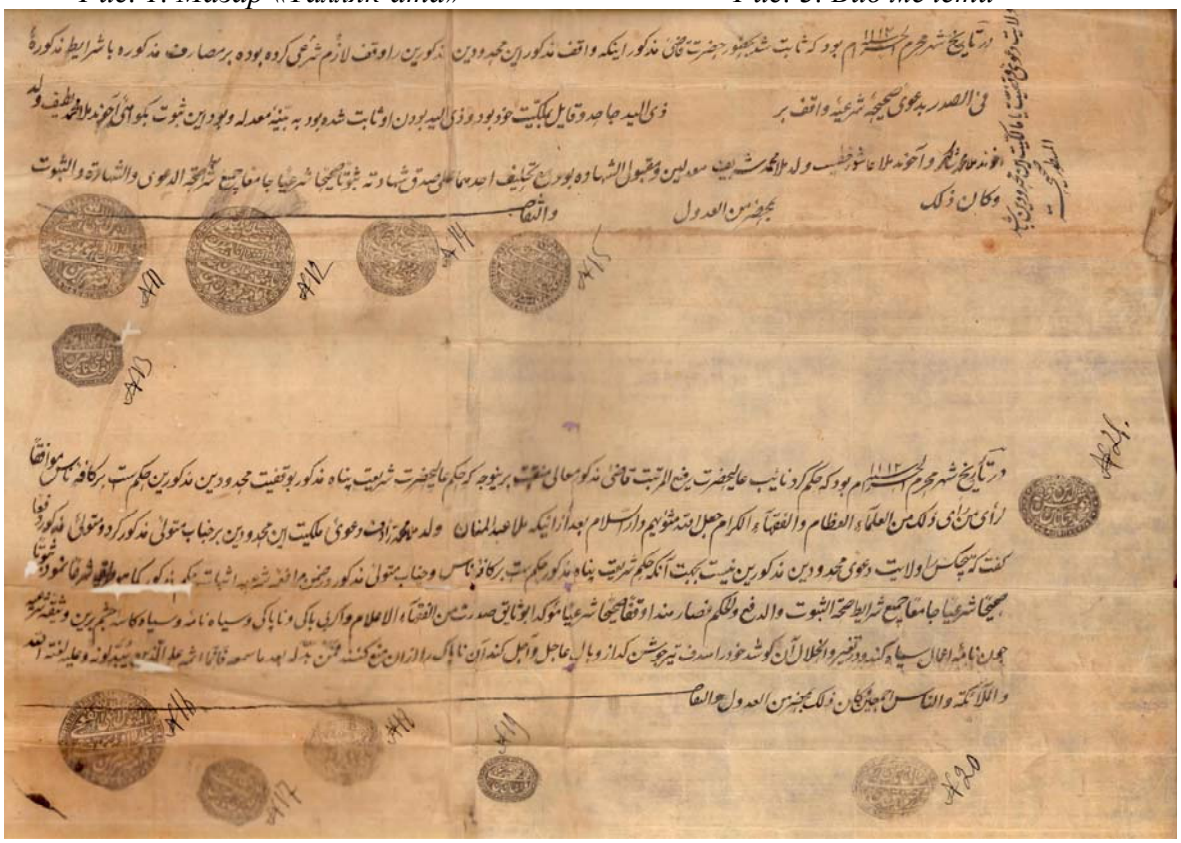

Рис. 2. Вакфный документ мазара

пищи учащимся в ханака какую они пожелают» (ЦГА РУз. Л. 3). Возможно гробница Мир Сайида Махмуда находилась под навесом в четерех столбах (Schaibanidische, 1997. P. 125).

О значении термина «ханака» того периода уже сказано в академических исследованиях (Бартольд, 1964. С. 423-454; Юсупова, 1997. С. 51-58). Описанный в вакфнаме «ханака» خانقاه مسافرپناه видимо, представлял собой своеобразный культовый и культурный комплекс, где обитали, учились дервиши тариката накшбандийа. В комплексе были сооружены все здания, нужные для быта дервишей: тахаратхана, мечеть для повседневных молитв, комнаты для зикров и учений, чиллахана и др. Главой (муршидом) ханаки был Мир Шах Хусайн, который упомянут у Алишера Навои (1441-1501 гг.) как «ученик (мурид) Ходжа Ахрара (1404-1490 гг.), достигший достоинства наставника (пир, муршид)» (Алишер Навоий, 2001. С. 281).

В этой ханаке совершали молитвы повседневные, по пятницам, в праздники Рамазан и Курбан, в которых участвовали жители окружающих селений, что прослеживается и ныне. Мазар пользовался широкой известностью и почитался. Мимо

него не проезжали на верховых животных. Приближаясь к мазару, всадники спешивались, ведя животное на поводу. Из-за уважения к святыне верующие прибавили слово «ата» к названию кишлака. Это отразилось в поздних источниках по мазарам Самарканда. Например, в произведении Мир Мухаммад Рахима Насафи (Мир Мухаммад Рахим Насафи. С. 253[а]).

Из зданий, описанных в вакфнаме, ничего не сохранилось, а нынешнее сооружение на холме построено в 1998-2000 гг. (рис. 1). Напротив мазара в сторону заката (примерно в 100 м) расположена большая, старинная мечеть, вмещающая около 200 человек (рис. 3). Нигде надписей о постройке и реставрации мечети не сохранилось. По данным старожилов некогда во дворе был большой мраморный камень, на котором имелись такие сведения. К сожалению никто не мог сказать о его дальнейшей судьбе, хотя отмечали что видели его в детстве. По сведениям Усто Хамдамкула мечеть построена в 1620 г. На месте старого и более маленького здания, мастерами из селения Испанза Шавдарского (ныне Ургутского) района. Только в XX веке она была три раза капитально отреставрирована.

На мазаре мы зафиксировали 42 надгробных камня, но не обнаружили мраморного надгробия самого Мир Шах Хусайна, хотя А. Ахроров говорил, что он имеется. Тем не менее по данным «Самарии» он также похоронен здесь (Мир Абу Тахир-ходжа Самарканди. С. 130[а]).

Эпитафии надгробных камней с именами «Шах Ибрахимходжа ибн Бадалшах-ходжи» и «Бадалшахходжа ибн хаджи Ходжа Басит ибн Шах Мир Хусайн ибн Мир Саййид Махмуд Хусайна» помогли установить надгробную надпись Шах Мансурходжи, умершего в джумади I 1235/1760 года: «Шах Мансурходжа ибн Мир Шахходжа ибн Шах Ибрахимходжа ибн Бадалшах ибн Ходжа Басит ибн Шах Мир Хусайн ибн Мир Сайид Махмуд Хусайн бин мавляна Низам ад-дин Хамуш». Согласно этой надписи, он является седьмым потомком Низам ад-дина Хамуша.

Имена приведенные на надгробных камнях схожи с именами саййидов, которых А. Ахроров считал «Гули сурх»ами. Хотя наши респонденты слабо знают о своем роде и родословной, они могут быть потомками Низам ад-дина Хамуша. Например, Суббипашша (1936-2014 гг.) сообщила, что «… её отца звали Шах Усманходжа. У него было два брата по имени Шах Саййидходжа и Шах Умарходжа. А как звали их отца, т.е. моего деда не помню. Потому что раньше старших по имени не звали, обращались как «ката амак (или хола, амма)», «майда амак», «аммача», «холача» и др., особенно женщины не должны были звать мужчин по имени»[2].

О.А. Сухарева имела возможность в 20-40-х годах XX века собрать некоторые сведения о потомках поколении Ходжа Ахрара, которые компактной группой проживали в селении Ходжа-Ахрар, в 4 км к югу от Самарканда. Она, основываясь на сообщениях своего информатора Ходжа Турахона пишет, что проживавшая в Самарканде группа ходжей «Гули сурх» – «ходжей красных цветов» (по выражению информатора, «Гулисурхиён») – вела происхождение от основателя известного ташкентского мазара Занги-ота, от которого якобы происходят все ходжи Гули сурх, что сомнительно. Что касается родословной ходжей Гули сурх, то она может быть верной только для одной их группы с ее ответвлениями. Ходжи Гули сурх фиксируются во многих пунктах, группируясь у тех мазаров, где совершались обрядовые праздники цветов (эти мазары образовались в местах древних культов). Мазары мусульманских святых (их могилы) оказались в этих местах более или менее случайно, но именно из-за праздников как мазары (могилы предков ходжей), так и сами ходжи получили название «Гули сурх» (Сухарева, 1985. С. 168). К. Каттаев,

основываясь на сведениях своего информатора, считает, что ходжи «Гули сурх» были потомками Шах Ниматуллаха Вали (1331-1431 гг.), который считается основателем суфийского братства «Ниматуллохийа» (Каттаев, 2006. С. 80).

Надгробные камни, которые мы изучали, находятся по самому верху холма. Здесь расположены так же мазары соседних селений Урта-кишлак и Мултани-кишлак. До 90-х г. XX в. на холме хоронили только саййидов. В нижней южной и юго-западной части холма хоронили узбеков, в восточной и юго-восточной части урта-кишлакцев. Гробницы принадлежащие мултани (среднеазиатские цыгане) находились в северной части, внизу холма. Это свидетельствует о социальной дифференциации населения. В связи с недостатком места, с 90-х г. XX в. жители кишлака Талляк-ата хоронят покойников в северо-западной части холма, не соблюдая разграничений.

Как объясняет Нубуват-пашша (1934 г. рождения) «раньше людей хоронили на мазарах, с погребением какого-нибудь ишана (саййида). Если в кишлаке не было ишана, то жители не могли создать мазар. Для этого они стремились переселить ишана или перенести его труп. После переезда сюда, мои предки (уроженцы Куляба), хотя были ишанами, как все уртакишлакцы предпочли быть погребенными на одном мазаре с потомками Низам ад-дина Хамуша»[3]. Сведения этого рода уже зафиксированы исследователями. Б.Х. Кармышева писала, что у кочевых и полукочевых узбеков было в обычае хоронить своих покойников на кладбище при той или иной святыне – мазаре, расположенном в относительной близости от своих зимовок (Кармышева, 1985. С. 95-96).

По словам информатора, жителя кишлака Талляк-ата Саййидамира Акилова (1962 г. рождения) «его дед Акилхан в конце XIX в. прибыл из Куляба. Он жил в кишлаке Пайшанба-сийаб Тайлякского района. Часто ходил в Куляб и там проживал каждый раз от двух до шести месяцев. В одну из поездок он скончался, его гробница находится в селении Лангар, на одном мазаре с Хамушом. После этого его отец Саййидабид Акилов (1909-1974 гг.)[4] переселился с Пайшанба-сийаба в Талляк-ата, где и похоронен. От него осталась родословная, в которой также упоминается Хамуш. Нам показалось интересным, почему пришельцы из Куляба расселились здесь? Могут ли быть родственниками Хамушы, похороненные в Талляке и Лангаре?»[5]. Местный любитель старины Толмас Салахиддинов сказал, что однажды бегло прочитал свою родословную, и оказалось, что она принадлежала роду Хамушидов.

С целью найти ответ на вышеуказанные вопросы, мы решили изучить родословную, хранящуюся у Саййидамира Акилова. Написана она красивым среднеазиатским настаъликом на самаркандской бумаге, ширина которого 26 см, а длина около 2 м. 4 листа приклеены друг другу, текст написан внутри 21 см рамки. Записи имеются и не в рамке, а также и на обороте листа. Родословная хранится в специально, изготовленной для этого деревянном пенале, о чем говорит его размер. Начинается она с аятов и хадисов о необходимости знания своих предков. Затем приводится генеалогия известного Амир Саййид Абулхасана бин Амир Саййид Хайдара Исфахани, прославленного под прозвищем «Шах Хамуш» и встречающегося в некоторых стихотворениях или двустишиях под прозвищем «Ишани самит»[6].

При изучении текста выяснилось, что родословная написана в 1907 г. Саййидмансурханом и принадлежит ему. В нем нет сведений об отце и деде Саййидамира Акилова. Оказалось, отец Саййидамира взял его у Саййидмахфирхана (1895-1975) младшего брата Саййидмансурхана, дяди Алихана. Согласно надгробной надписи

Алихана «Саййидаълоев Саййидмансурхон ўғли Алихон» проживал в 1927-1991 гг. в селение Урта-кишлак. Похоронен он в северной части мазара селения Талляк-ата. Его жена Нубуватпашша ещё жива и к ней часто обращаются исследователи.

По словам Нубуват-пашши «в конце XIX века из Куляба приходил Саййида'лахан. Вместе с ним но скорее после него, приходили Акилхан и Шамсиддинхан. Саййида'лахан сначала жил в кишлаке Кильдан Булунгурского района, а через некоторое время переселился в Урта-кишлак. Был женат на женщине из Кильдана, от которой родились три сына и три дочери. Старший сын Саййидмансурхан имел трех детей, из них остался только Алихан. Саййидмансурхан был грамотным человеком своего времени, учился в бухарском медресе Мир Араб, которую окончил в 22 года. Имел много книг, которые после его смерти были увезены книготорговцами из Пенджикента. Тогда мы не понимали их значимости. Они брали не все, а отбирали необходимое. Сейчас остался один сундук книг[7]. Был женат на женщине из Талляка-ата – Саламапашша. В 1930 г. переселился в Куляб, оставив жену с детьми, так как его тесть не желал отпустить дочь в Куляб. Через некоторое время вернулся за семьёй и на этот раз также не мог увезти[8]. Его детей воспитывал младший брат Саййидмахфирхан с женой Диловархон, у которых не было детей. Третий сын Саййида'лахана Саййидми'раджхан имел детей, которые умерли в детстве. От одной дочери Саййида'лахана по имени Кимяхан родилась я, оставшаяся с трёх лет сиротой. Меня тоже в числе многих сирот воспитывал Саййидмахфирхан с женой. В последние годы своей жизни отец Саййидамира – Саййидабид много приходил к Саййидмахфирхану. Однажды увез родословную. Какие были у них родственные отношения, точно не знаю. После смерти Акилхана его сын остался один в Пайшанба-сийабе, поэтому сыновья Саййида'лахана переселили его, поближе к себе в селении Талляк-ата»[9].

Под прозвищем Хамуш прошли несколько исторических лиц. Один из них был представитель братства ходжагон-накшбандийа мауляна Низам ад-дин (прим. 1360-1450), основная деятельность которого проходила в Самарканде. Его потомки проживали в селении Талляк-ата Тайлякского района Самаркандской области.

Другой – Амир Саййид Абулхасан Исфахани (1088-1137), деятельность которого проходившая в Шугнане, Хутталане и Бадахшане, известен распространением ислама на этих территориях. Его потомки проживали в селении Лангар Кулябского региона. Представитель этого рода Саййида'лахан в конце XIX в. приехал в Самарканд. Его потомки проживают в Урта-кишлаке и похоронены в Талляк-ате в одном мазаре с потомками Низам ад-дина Хамуша.

Вопрос о родственных отношениях Низам ад-дина Хамуша с Шах Хамушем остаётся открытым, потому что мы не имеем никаких сведений о предках, даже об отце Низам ад-дина Хамуша.

Исходя из вышеизложенных сведений, можно отметить, что археологический памятник с верхними культурными горизонтами IX-XI веков к середине XV века превратился в мазар и начиная с этого времени, представляя культово-культурный комплекс, стал почитаться как святыня. Проведение здесь археологических исследований помогут установить новые данные о ханаке эпохи тимуридов.

Святыня пользовалась широкой известностью и почиталась в регионе. Из-за чего через некоторое время название селения превратилось в «Талляк-ата». Под этим именем он зафиксирован почти во всех источниках по мазарам Самарканда.

Примечания

[1]. Он был наиболее влиятельным шейхом эпохи Улугбека (1409-1449), одним из главных учителей Ходжи Ахрара. Его основная деятельность, как главы братства ходжаган-накшбандийа, проходила в Самарканде.

[2]. Беседа состоялась 25 января 2011 года в доме информатора.

[3]. Беседа состоялась 21 января 2011 года в доме респондента.

[4]. Эти годы мы взяли с надгробной надписи. Как говорит Саидамир Акилов год рождения отца (1909) написан на военном билете. Сам отец говорил что он родился в году тигра, от которого выходит 1902 г.

[5]. Беседа состоялась 23 января 2011 года в святыне «Талляк-ата».

[6]. Слово «хамуш» перс. – خاموش и «самит» араб. – صامت на русский переводится как молчаливый или молчун.

[7]. Можно сказать, что он имел целую библиотеку. При рассмотрении оставшихся фолиантов выяснилось, что это были Коран изданный в Казани, Чоркитоб, диваны Саъди Ширази, Хафиза Ширази, Алишера Наваи, Абдулкадира Бедиля и другие, которые имелись почти во всех семьях в средневековье.

[8]. Саламапашша была сестрой нашего информатора Ахмадхона Ахророва. По его сведениям их отец Ахрорходжа умер в 1933 г. Ему было 56 лет, значит родился в 1877 г. Разумеется Сайиидмансурхан обратно приходил за семьёй после смерти своего тестя.

[9]. Беседа состоялась 21 января 2011 года в доме респондента.

Использованная литература:

Алишер Навоий. Насойим ул-муҳаббат. Тошкент, 2001.

Бабаджанов Б.М. Кокандское ханство: власть, политика, религия. Ташкент-Токио, 2010.

Бартольд В.В. О погребении Тимура // Соч. в 9-и томах. Т. 2. Ч.2. М., 1964.

Бузруков М. Низомиддин Хомуш ва Таллак қишлоғи // СамДУ илмий тадқиқотлар ахборотномаси. 2007. № 4.

Вяткин В.Л. Материалы к исторической географии Самаркандского вилаята. СКСО на 1902 г. Вып.7.

Кармышева Б.Х. Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана (по этнографическим данным). – М., 1976.

Кармышева Б.Х. О мусульманском духовенстве в сельских районах Бухарского ханства в конце XIX – начале XX века // Духовенство и политическая жизнь на Ближнем и Среднем Востоке в период феодализма. М., 1985.

Каттаев К. Шоҳ Неъматуллоҳи Вали тарихи. Тошкент, 2006.

Мир Абу Тахирходжа Самарканди. Самария // ИВ АН РУз. № 412.

Мир Мухаммад Рахим Насафи. Байони мозорати вилояти Самарқанд // Рукопись ИВ АН РУз. № 79 XIX.

Немцева Н.Б. Ханака Сайф ад-Дина Бахарзи в Бухаре (к истории архитектурного комплекса). Бухара, 2003.

Отчет по своду археологических памятников Самарканда сельского (района) и г. Самарканда // Научный архив Института археологии АН РУз. Ф.4, О.1, Д.170.

Сухарева О.А. Потомки Ходжа Ахрара // Духовенство и политическая жизнь на Ближнем и Среднем Востоке в период феодализма. М., 1985.

ЦГА РУз. Ф. И-18, оп. 1, д. 12707.

Юсупова М.А. Архитектура хонако эпохи темуридов (к эволюции суфийских обителей Средней Азии) // ОНУ. 1997. № 3-4.

Schaibanidische Grabinschriften. Herausgegeben von Baxtiyor Babadjanov, Ashirbek Muminov, Jurgen Paul. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag, 1997.

УДК: 902.6 (575.141)

О СЕМЕЙНОМ УСТРОЙСТВЕ КОЧЕВЫХ НАРОДОВ ТУРКЕСТАНСКОГО КРАЯ В КОНЦЕ XIX–НАЧАЛЕ XX ВВ.

© 2014. Н.С. Нуритдинова

Ташкентский Государственный экономический университет

Ключевые слова: *шариат, адат, Туркестанский край, брак, семья, кочевой народ, семейные отношения, мероприятие, помолвка.*

Мақолада XIX аср охири XX аср бошларида Туркистон ўлкасидаги кўчманчи халқларининг оилавий муносабатларининг айрим қирралари ўз аксини топган. Ушбу тадқиқот XIX аср охири -XX аср бошидаги рус шарқшунослари маълумотлари асосида таҳлил қилинган.

ABOUT THE FAMALY STRUCTURE OF THE NOMADIC PEOPLES OF THE TURKESTAN REGION IN THE LATE 19TH—EARLY 20 TH CC.

N.S. Nuritdinova

In the following article it has been researched some particular features of the history of Turkistan's nomadic population's bridal and family relationships between the end of XIX century and the beginning of XX centuries. The article has been founded on the basis of analysis of the data that was written by and inherited from Russian oriental scientists at the end of XIX century.

Изучение истории кочевых народов Туркестанского края в конце XIX - начале XX веков имеет особое политическое, социальное, экономическое и культурное значения для взаимоотношений с сопредельными странами, а также в целях сохранения мира и спокойствия. В данной статье проанализированы сведения об этапах формирования и становления семейных отношений у кочевых народов Туркестанского края по материалам российских востоковедов конца XIX - начала XX вв.

Кочевые народы, жившие в Туркестанском крае в конце XIX - начале XX веков были предками современных туркменов, казахов и киргизов. Кочевое население сплошной массой занимало всё пространство Семиреченской области и четырёх северных уездов Сырдарьинской области: Аулиатинский, Чимкентский, Перовский и Казалинский. Кочевое и полукочевое население в Семиреченской и Сырдарьинской областях значительно преобладало над оседлым (Маев, 1872. С. 123). Как отмечали российские востоковеды, самое многочисленное племя, обитающее в Туркестанском крае - это киргизы (современные казахи - Н.Н.), родственные им каракиргизы (современные киргизы - Н.Н.) и туркмены. Киргизы во всех уездах, за исключением двух южных уездов Сырдарьинской области Зарафшанского округа, составляли большинство населения. Города Туркестана были соединены двумя пограничными линиями на востоке: Сибирской и Оренбургской (Долинский, 1865. С. 4). Киргизская степь была разделена между Оренбургским краем и западной Сибирью. Киргизские племена кочевали по разным сторонам Оренбургского края.

По причине того, что туркмены, будучи народом кочевым, переходили с места на место, соприкасаясь с другими народами, перемешивались с их кочевьями – точное установление их границ весьма затруднительно. Принято считать границы: с севера - полуостров Мангишлак, с прилегающими к нему степями Оренбургского ведомства, с востока – Аму-Дарью, с Хивинскими и Бухарскими владениями, и с юга - Альбурзские горы, с Черной речкой, впадающей в Каспийское море и отделяющую Туркмению от Астрабадской области Персии (Галкин, 1868. С. 3).

Туркмены, проживавшие в Туркестанском крае, были оседлыми, полуоседлыми и кочевыми. Оседлые туркмены жили постоянно в аулах по оазисам, в своих усадьбах, садах. Полуоседлые племена лето проводили среди своих посевов, а на зиму перекочевывали со своими стадами в пески. Кочевые туркмены по преимуществу скотоводы, всегда кочевали в песках и вовсе не занимались земледелием. Туркменские племена жили преимущественно отдельно друг от друга, занимая зимние и летние кочевья. Жили они в аулах, состоящих из кибиток. Туркменская кибитка отличалась от киргизской более плоской формой, состояла из решетчатого остова, сделанного из ивовых кошем и камышовой циновки, покрывающих этот остов снаружи. Средней диаметр туркменской кибитки равнялся семи аршинам. А кочевые киргизы жили в юрте, которая состояла из двух частей - стен и верхнего покрытия. Стенки – это ряд жердей, составленных крест-накрест и образующих собой решетку. Юрта в диаметре имела не более пяти аршин. В такой юрте жили два, а иногда три семейства с детьми (Пашино, 1868. С. 12).

В конце XIX—начале XX веков в семейном устройстве кочевых народов Туркестанского края были некоторые различия. У туркменов в отличие от киргизов и каракиргизов часто практиковалось похищение девушки, устраиваемое по взаимному соглашению жениха и невесты (Гродеков, 1889. С. 99). Бежавшие скрывались в кибитке какого-нибудь почетного аксакала, которому волей-неволей приходилось быть посредником и мирить родителей жениха и невесты. После бракосочетания будущая невеста оставалась в кибитке мужа три дня, если брак был совершен между малолетними и до 10 дней. Затем жена возвращалась в дом своих родителей или опекунов и жила там до полной уплаты калыма. Если жених был несостоятельный - на это уходило 8-10 лет, а иногда и больше. В течение этого срока молодым супругам воспрещались всякие ночные свидания, за ними строго следили родители, так как в случае беременности жены её возвращали в кибитку мужа, не дожидаясь полной уплаты калыма.

Вступление в брак у кочевых народов Туркестанского края – туркмен, киргизов и каракиргизов обуславливалось уплатой калыма. У каракиргизских манапов (состоятельные люди) калым состоял из 100 лошадей, ныне (конец XIX века Н.Н.) из 30-40 голов. У простых каракиргизов калым для красивой невесты был из 15-17 голов, а у бедных из 9-10 голов. Обыкновенно калым не превышал 9 голов или 100 тиллей. В числе этих 9 голов были: 1 верблюд, 4 лошади и 4 коровы. А у бедных – 1 верблюд и 8 единиц мелкого скота (Гродеков, 1889. С. 83). Богатые обычно женили своих сыновей в возрасте 12-15 лет, бедные гораздо позже, например, в 30 лет. Когда по уплате калыма выявлялась неспособность жениха в супружеской жизни, то невеста могла отказаться выходить за него замуж, тогда почётные люди отдавали жениха для освидетельствования. Если жених в течение одного года не поправлялся, то невесте разрешали выйти замуж за другого, а уплаченный женихом калым возвращали. Если отец засватает свою дочь в детстве и получит за неё калым, а по достижении совершеннолетия она не захочет выйти замуж за своего нареченного - она не может уйти, пока жених сам не пожелает её взять в жены. В таком случае отец девушки должен был уплатить полученный им калым и кроме того, штраф в 27 голов скота, начиная с верблюда и кончая баранами и козами (Гродеков, 1889. С. 58). Определение штрафа за отказ одной из сватавшихся сторон зависел от биев (судей).

Киргиз, как мусульманин, имел право иметь до четырёх жён, но правом этим пользовались лишь наиболее богатые. Редко кто из них имел более двух жён, поскольку содержать много жён и уплачивать калым малосостоятельный киргиз не мог. Киргизская женщина пользовалась относительно большой свободой, могла разъезжать по степи и принимать участие в празднествах. У богатого киргиза, имевшего несколько жен, первая называлась старшей – “байбаше”, она распределяла работу между другими младшими женами. Приказывать байбаше мог только муж (Михайлов, 1900. С. 19). В отличие от киргизских жен, женщина-туркменка, кроме домашней работы, занималась ковровым или иным кустарным производством, а местами, и выкормкой шелковичных червей.

У невест кочевых народов были особые национальные костюмы. У богатых кочевых киргизов невесты надевали головной убор, так называемый, «саукале», у каракиргизов – «шаукале». Саукале – это конусовидный колпак из кошмы, оклеенный внутри и снаружи красным и чёрным сукном и богато украшённый мехом, золотом, серебром, жемчугом и камнями. Сверху к нему прикреплялось несколько перьев совы для защиты от дурного глаза. Саукале возвращали в род жены, если она умерала бездетною. В начале XX века саукале уже выходило из употребления. Вместо него стали носить более простой головной убор - «касабе». Касабе состояло из конусообразного куска кошмы, на который намотана белая ткань. Загнутая вперёд вершина этого конуса украшена разноцветною бахромой.

Туркменский женский костюм состоял из красной шелковой или пестрой хлопчатобумажной длинной рубашки. Грудь рубашки обыкновенно увешивалась небольшими серебряными кружевами и бляшками. На лоб надевали серебряный налобник, на руки – тяжелые серебряные браслеты и через плечо серебряную сумочку, предназначенную для ношения молитв, избавляющих от дурного глаза. Более богатые женщины надевали шелковый расшитый халат зеленого, желтого или белого цветов, смотря по тому, молодая, пожилая или старая это женщина.

Костюм туркмен - мужчин включал бязевую или красную шелковую рубаху, белые или темные бязевые, неимоверной ширины шаровары и один или два халата, надетых один на другой. Халаты были хлопчатобумажные, стеганые ватные, с красными продольными полосками. Носили и халат синего цвета из верблюжьей материи – чекмень местного производства. На голову туркмен надевал тюбетейку, вышитую шелком и большую баранью мохнатую шапку шарообразной формы.

У киргиз помолвленную невесту называли «калындик,», у каракиргиз «коруктык». Ещё до брака тайное посещение её женихом называлось у киргизов «орунберган» или «орунтой», а у каракиргизов «уй джаны килган». К орунтою жених приводил козла, как подарок старшему брату невесты, в кибитке которого происходил орунтой, а жена его служила посредницей - приводила невесту на одну или две ночи. Цель этого древнего киргизского обычая – «орунтоя» было одобрение жениха и совещание об окончательной уплате калыма. Иногда бывало такое, что на орунтое отдавали дочь, доверяя обещанию жениха о доплате калыма и избегали устройства торжественной свадьбы. Свадьбу можно было проводить во все месяцы, кроме месяцев лунного года сафарай и уразай (месяц поста). В отличие от празднества орунтой - свадебный пир, узататугун туй – называли отпускной пир, после которого отпускали невесту. Бедные не устраивали орунтой (свадебный пир), а устраивали отпускной пир (узататугун туй).

К торжеству бракосочетания, происходившего в ауле тестя, жених приезжал со спутником на убранном коне. Привозил с собою для матери невесты прочие подарки. Получив 7-8 халатов, под названием «той джитыс» и одну кобылу, тесть устраивал угощение. Старики угощались и смотрели, как парни скакали в купкари (скачки), призом в этот день служил зарезанный козлёнок. После скачки начиналось состязание в пении между парнями и девушками, во избежание споров, два парня пели вместе и по очереди. Хорошим певцам дарили кольца, запястья или деньги.

В некоторых местах обряд бракосочетания происходил таким образом: при чтении молитвы наливали в чашу воду, выходящая замуж девушка бросала в неё серьги или серебряное кольцо и закрывала сосуд белым платком. По окончании молитвы брала обратно из чашки брошенную туда вещь и должна была хранить её как залог счастья. Сначала воду пили муж и жена, затем чашка передавалась в руки всех присутствующих, которые отпивали из нее, не прикасаясь губами к тому месту, откуда пили новобрачные.

По другим данным российских востоковедов, обряд бракосочетания состоял из прочтения муллою специальной молитвы. Невеста, её подруги и другие женщины находились за занавесью, а по середине юрты сидел жених с двумя свидетелями. По одному от каждой стороны—родные без занавесей. Мулла спрашивал жениха: «согласен ли ты взять в же-

ны» такую-то (называя её имя), дочь такого-то (имя отца) и такой-то (имя матери). Жених отвечал возьму – «кабул килдым». С таким же вопросом обращались к невесте и получали подобный же ответ. Затем мулла читал молитву «хутба». По окончании обряда родные обращались к новобрачным с наставлениями к мирной жизни. Жениху говорили: «мы тебе дали в руки кость, обращайся с нею хорошо, не мучь и не бей, не брани без вины». Невесте говорили: «Живи так, чтоб нас (родителей Н.Н.) не проклинали».

Богатые киргизы устраивали на проводах дочери байгу или купкари. Новобрачных провожали: один мужчина и мать невесты, а если её нет, то жена старшего брата, если и таковой нет, то сам старший брат. Чтобы предупредить о приезде молодой, приблизившись к своему аулу, жених опережает свадебный поезд. Свекор устраивал скачки (купкари). На встречу шли девушки аула для чествования молодой. Молодую невесту вводили в кибитку свекра, но её не показывали ни ему, ни свекрови и вели за полог. До трех ночей она ночевала под пологом с девицами без мужа. Утром четвертого дня устраивали церемонию открытия лица. Свекр угощал гостей и раздавал им тюбетейки и устраивал скачки. Молодой супруг после свадьбы свободно посещал родню жены, а молодая супруга до одного года не ездила к своим родным из стыда, так как она теперь носила не девичий платок, а головной убор замужних жен. Известие о родных она узнавала от мужа. Только в случае смерти кого-либо из родных, она могла поехать и выразить свое соболезнование. Хорошая невеста всю жизнь скрывалась из стыда и почтительности от свекра и всех его восходящих родственников.

Как у оседлых, так и у кочевых народов Туркестанского края существовал обычай – обрезание. Когда мальчику миновало 6-7 лет, совершали этот обряд, сопровождаемый у богатых угощениями и скачками. Обычно обрезание совершалось между 1 и 12 годами возраста (Гродеков, 1889. С. 99).

Разводы у туркмен встречались весьма редко и то почти исключительно по суду, а иногда и не допускали развода (Михайлов, 1900. С. 54). Был даже случай, когда во времена хивинского хана Мухаммед-Рахима, одна женщина-туркменка, жалуясь на побои мужа, просила о разводе и получила ханское разрешение, но все туркменские старшины единогласно вынудили хана отказаться от этого решения (Галкин, 1868. С. 33). У киргизов и каракиргизов в случае безвестного отсутствия мужа в течение 7 лет брак расторгался. Жена доставалась старшему брату без калыма (Гродеков, 1889. С. 90).

Принимая во внимания вышеуказанные сведения, можно сделать следующие выводы: семейные отношения в Туркестанском крае в конце XIX—начале XX веков сформировались согласно шариату, однако некоторые кочевые народы, жившие в отдаленных местах, продолжали придерживаться адата. В изучаемый период у кочевых народов Туркестанского края почитались и считались священными семейные узы и отношения, а бракоразводные процессы осуждались. В результате чего разводы семей случались редко.

Необходимо отметить, что русские востоковеды, изучавшие быт кочевых народов Туркестанского края не могли раскрыть всех сторон семейных отношений, в силу того, что они не имели полной информации об истории, религии, культуре, нравах и быте кочевых народов Туркестанского края.

Использованная литература:

Галкин М.Н. Этнографические и исторические материалы по Средней Азии и Оренбургскому краю. С.-Пб., 1868.

Гродеков Н.И. Киргизы и Каракиргизы // Юридический бытъ. Т. I. Ташкент, 1889.

Долинский В. Об отношениях России к Средне-Азиатским владениям и об устройстве киргизской степи. С.-Пб., 1865.

Маев Н.А. Материалы для статистики Туркестанского края. С.-Пб., 1872.

Михайлов О.А. Туземцы Закаспийской области и их жизнь // Этнографический очерк. 1900

Пашино П.И. Туркестанский край в 1866 году // Путевые заметки. С-Пб., 1868.

ТАНҚИД ВА ТАҚРИЗ

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

CRITIQUE AND BILBIOGRAPHY

А.А. Абдуразаков
ИСТОРИЯ СТЕКЛОДЕЛИЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ (основные этапы)
Ташкент, Фан. 2012.

A.A. Abdurazakov
GLASSMAKING HISTORY OF CENTRAL ASIA IN ANCIENT AND THE MIDDLE AGES (MAIN PHASE)
Tashkent, FAN. 2012.

Ўзбекистон – тарихий ёдгорликларга бой ўлка. Мазкур ҳудудда қадимдан жуда кўп ҳунармандчилик соҳалари шаклланган ва тараққий топган. Уларнинг тарихий тараққиётини таҳлил этишда нафақат тарихчилар, балки табиий фанлар вакилларининг ҳам роли каттадир. Хусусан улар қадимги технологияларни тиклашда самарали тадқиқотлар олиб борадилар. Мазкур муаммоларни ечишда кўплаб фан соҳалари амалга оширадиган комплекс тадқиқотлар қўл келади. Айнан кимё, геология, археология ва тарих фанлари ютуқларидан фойдаланиб қадимги шиша ишлаб чиқариш технологиясининг сир асрорларини ўрганиш Ўзбекистонда хизмат кўрсатган фан арбоби, тарих фанлари доктори, профессор Абдуғани Абдураззоқовнинг ҳаёт мазмунига айланди ва узоқ йиллар мобайнида шу соҳанинг захматкашларидан бири бўлиб келмоқда. А.А. Абдураззоқов Ўзбекистоннинг бир қатор тарихий ёдгорликларининг шишасимон сирлари, ҳамда сопол ва кошин асосли қоплама материалларнинг таркибини, технологиясини, физик-кимёвий кўрсаткичларини ўрганди ва бу тажрибалар асосида янги замонавий қоплама материалларни яратишга муваффақ бўлди, олинган натижалар устида кўплаб амалий тажрибалар олиб борди, тарихий ёдгорликларни таъмирлаш ва консервация қилишнинг замонавий усулларини ишлаб чиқди. Турли тажрибалар, нодир ёзма манбаларни ўрганиш, кимёвий ва спектрал таҳлиллар натижасида, муаллиф қадимги шиша ва сопол сиртига копланган шишасимон сирларни ўрганиш борасида катта муваққиятларга эришди. Тадқиқотчининг машаққатли меҳнатлари эвазига шиша ва шишасимон сирларнинг катта комплекси аниқланди, ўрганилди ва умумлаштирилди. Ниҳоят 2012 йилда “История стеклоделия Центральной Азии в древности и средневековье (основные этапы)” (“Қадим ва ўрта асрларда Марказий Осиё шишасозлик тарихи (асосий босқичлари)”) монографик тадқиқот нашр этилди. Асар билан танишар эканмиз юртимизда археология фани ривожланиб, олиб борилган қазув ишлари натижасида топилган шиша буюм намуналари бу ҳудуд қадимдан шишапазликнинг йирик марказларидан бири бўлганлигига воқиф бўламиз.

Монография етти бобдан иборат. Биринчи боб қадимги шишасозликни ўрганишдаги методик усулларга бағишланган. Мазкур усуллар А.А. Абдураззоқов меҳнатлари эвазига йилдан-йилга такомиллашиб борди ва ундан ўзимиздаги ва хориждаги кўплаб мутахассислар фойдаланмоқдалар. Муаллиф ёзади: "физик-кимёвий ва технологик усуллар тарихий-типологик, кимёвий-таҳлилий йўналишларни тўлдириб табиий фанларни кадимги технологияларни ўрганишда ва бу жараёнларни тиклашда муҳим роль ўйнайди (Абдураззоқов, 2012, 10-17-с.). Муаллиф миқдорий кимёвий ва спектрал таҳлил усулларидан унумли фойдаланиб, бу усулларнинг ютуқ ва камчиликларини кўрсатиб ўтади.

Иккинчи боб Марказий Осиёда шишасозликни пайдо бўлиши ва унинг илк босқичлари муаммоларига бағишланган. Мазкур ҳудуддаги археологик комплексларни ўрганиш Марказий Осиёда илк шиша бронза давридан пайдо бўлганини кўрсатади. Яъни бу давр едгорликларидан дастлабки шишасимон ёки "паста" моддалардан тайёрланган мунчоқлар бундан гувоҳлик беради. Маълумки, илк темир давридан шиша буюмлар тарқалиши ҳудудий географияси кенгаяди ва унинг хиллари ортади. Шиша буюмларининг тарихий тараққиётдаги босиб ўтган йўлларини муаллиф учта босқичдан иборат деган мухим хулосага келади. Шишапазлар биринчи босқичда – фаянс (ганч аралаш лой) тайёрлаганлар, иккинчи босқичда шишасимон фаянс кашф қилинган, ниҳоят учинчи босқичда шишани тайёрлашни ўрганганлар (Абдураззоқов, 2012, 18-87 с.). Ишнинг ушбу бобида Марказий Осиё, Кавказ, Яқин Шарқ, Хитой ва Ҳиндистондан топилган шиша буюмларнинг таркиби ва технологиясини қиёсий ўрганиш натижалари тўғрисида қимматли маълумотлар келтирилган.

Учинчи бобда муаллиф антик давр шишасозлиги хусусиятларига тўхталган. Бу даврда шиша идишларнинг ошхонада ва алхимиклар томонидан ишлатилган турлари билан бирга шишадан ясалган тақинчоқлар пайдо бўлади. Кўплаб ҳудудларда маҳаллий шиша ишлаб чиқариш устахоналари фаолият кўрсата бошлайди. Мазкур маълумотлар устида узоқ тадқиқотлар ўтказган Бу бобда шиша идишлар турларини типологик таснифини ишлаб чиқади ва уларнинг кимёвий таркиби типологиясини яратади. Оғир ва машаққатли меҳнатлар эвазига Марказий Осиёнинг 9 та тарихий-географик ҳудудларининг 92 та пунктида шиша идишлар топилди ва улар илмий муомалага киритилди (умуман олганда китоб муаллифи 385 ёдгорликдан намуна олиб 777 та кимёвий анализ ўтказиб 20 хил шиша турини аниқлаган). Марказий Осиёдан топилган шиша идишлардан олинган барча маълумотлар монографияда ҳудудий жиҳатдан умумий жадвалларга жойлаштирилган.

Тўртинчи боб ўрта асрлардаги Марказий Осиё шишасозлиги тарихига бағишланган. Топилган шиша идишлар классификацияси ва ҳар бир давр учун кимёвий таҳлиллар натижалари жамланган. Бобда илк ўрта асрларда шишасозлик равнақини кўрсатувчи янги пунктларга тўхтаб ўтилган. Мазкур ҳудудда шиша буюмларининг 11 тури қайд этилган булиб шиша идишларнинг кимёвий таркиби бир-биридан фарқ қилади. Муаллифни қайд этишича, бу даврда шишасозликда қўлланилган ранглар хили ортади ва ушбу ҳунармандчиликнинг географик кўлами кенгаяди. Китобнинг яна бир яна бир ютуги Арманистон, Афғонистон, Сибирь шиша намуналарини ҳам тадқиқ этганлигидир.

IX-XIII асрларда шишасозлик ўзининг юқори тараққиёт босқичига кўтарилади. Шишасозликнинг Самарқанд, Бухоро, Тошкент, Ниса, Термиз, Фарғона каби

шаҳарлардаги марказларида юқори самарадорликка эришилади (Матбобоев Б., 1998; Ширинов Т.Ш., Матбобоев Б.Х., Иванов Г.П., 1998; Абдураззоқов А., 2009; Мирзаахмедов Ж., 2011). Айрим археологик ёдгорликларда ранг-баранг шиша намуналари ва шиша булакларидан ташкари шиша ишлаб чиқариш билан боғлик топилмалар – хумдон қолдиқлари, шиша эритадиган махсус кўза-тигеллар, қолиплар, эриб қотиб қолган шиша бўлаклари, хом-ашё қолдиқлари қайд этилган бўлиб, бу ҳолат мазкур ҳудуднинг қадимги ва йирик шишасозлик марказларидан бири эканлигини тасдиқловчи омиллардандир. Шиша буюмларнинг кўпчилиги махсус қувурча-найлар орқали пуфлаш йўли билан ясалган, уларга ингичка рангли ипсимон шиша таёқчаларни идиш юзига эритиб ёпиштириш, қолипга босиб нусха кўчириш, ҳали қотишга улгурмаган шиша юзига ўйиш-босиш усуллари орқали нақшлар солинган. Монографияда топилган шиша идишлар тури, шакли ва уларнинг кимёвий таркибининг хилма-хиллиги ҳақида маълумотлар берилган. Жумладан 170 та археологик ёдгорликдан 40 та тоифадаги идишлар аниқланди, улар кимёвий таркиби жихатидан 11 турга мансуб.

Мўғуллар истилоси даврида шиша ишлаб чиқариш кўлами сусайсада, тўхтаб қолмади. XIII-XVII асрларга тааллуқли 30 та ёдгорликдан шиша идишлар топилган. Фақат идишлар ассортименти камайиб 15 тагача тушиб кетади. Бироқ айни шу даврда шишасозликнинг қурилиш ойнаси ва сирланган безакли меъморчилик қоплама ғиштлар ишлаб чиқариш ривожланди. Бешинчи боб Марказий Осиёдаги шишасимон сир қопланган буюмлар ва сирларнинг шиша ишлаб чиқариш анъаналари ва ўзаро таъсир алоқаларига бағишланган. Бу бобда сирларнинг антик даврдан (кушонлар даври) бошлаб қўлланилгани таъкидланади ва уларнинг тарқалиши VIII-IX асрларда содир бўлганлиги исботланади.

Ушбу бобда Марказий Осиёнинг кўплаб меъморий ёдгорликларидан олинган шишасимон сирларнинг кимёвий таркибини текширишга эътибор қаратилган. Кўплаб сир намуналари таркибига оид таҳлиллар натижалари ва маълумотлар келтирилган. Чунки ўтган асрдан бошлаб меъморчилик ёдгорликларини таъмирлаш ва консервация килиш ишлари кўлами бир неча баробарга кўпаяди. Кўплаб меъморчилик обидаларида турфа ранг сирлар тайёрланиб таъмир ишларида қўлланилади. Муаллиф тадқиқотларида қадимги кошинлар, сопол плиталарни замонавий усулда пишириш ва уларни тайёрлашда ҳосил қилинадиган иссиқлик натижаларига ҳам аниқликлар киритилган. Маълумки, Ўрта Осиё сопол буюмларини пиширишнинг ўртача иссиқлик ҳарорати 900-1000 даражани, шиша пишириш учун 1400-1500 даража иссиқликни, қўрғошинли шишасимон сирлар 850-950 даражада, ишқорли шишасимон сирлар 1000-1200 даража иссиқликни талаб қилади (Сайко Э., 1966; Абдураззаков А., 1963; Качалов Н., 1959).

Олтинчи бобда Марказий Осиё ҳунармандлари фойдаланган шиша ва ўтга чидамли буюмларни физик-химик ва технологик хусусиятларига батафсил тўхтаб ўтилган. Шиша ишлаб чиқариш кўҳна технологияси қайта тикланган. Бунда асосий эътибор шиша таркибига, унинг сифатлилигини, шаффофлигини оширувчи омилларга алоҳида эътибор берилган. Кўп сонли тажрибалар асосида шиша қуйиш ва шиша суюқлиги таркибидаги компонентлар мутаносиблигини аниқлашга эришилган.

Еттинчи бобда муаллиф Марказий Осиёда шишасозлик тараққиётининг асосий босқичларини янги топилмалар илмий ишланмалар орқали баён этган. А.А. Абдураззоқов фикрича, Шарқ ҳунармандчилигида шишасозлик ўзига хос мавқейга

эга бўлган. Шишасозлик ҳунармандчилиги эришган ютуқ ва харидоргирлик даражаси Жанубий-Шарқий Осиё, Кавказ ва Яқин Шарқ мамалакатлари билан иқтисодий, технологик ва маданий алоқалар натижасида шаклланган.

Китоб хулоса ва 716 та адабиётни ўз ичига олган библиография билан якунланади. 128 та аналитик жадвал ва 50 га яқин оқ-қора ҳамда рангли расмлар китоб мазмунини янада бойитган.

А.А. Абдураззақовнинг мазкур монографик тадкикотини чоп этилиши қадимги ҳунармандчилик соҳаларини ўрганилиш тарихида ўзига хос воқелик ва технологиялар тарихини ўрганишга қўшилган муҳим ҳисса бўлди. Унда шишасозлик соҳасининг пайдо бўлишидан сўнгги ўрта асрларгача бўлган қарайиб 4000 йиллик тарихи ўз ифодасини топган. Мавжуд адабиётларни чуқур ўрганиш, кўп йиллик илмий изланишлар натижалари шишасозлик технологиялари тадрижий ривожланиши қонуниятларини ва уни узоқ, яқин ҳудудлар билан алоқалари кўламини аниқлашга имкон берди. Мазкур иқтисодий-маданий алоқалар антик даврдан, айниқса, Буюк Ипак йўли фаолият кўрсата бошлаган даврдан равнақ топган. Марказий Осиё шишасозларининг юқори малакавий саъвияси кўплаб далилий хулосалар билан таҳлил этиб берилган.

Монография содда ва равон тилда ёзилган, тарихий фактларга бой, хулосалар илмий ва объектив. Шу сабабли, асар нафақат мутахассислар, балки, бошқа соҳа вакилларини ҳам бефарқ қолдирмайди. Китобда келтирилган маълумотлар ва хулоса-фикрлардан кўп жилдлик Ўзбекистон тарихи, Ўзбекистон археологияси каби фундаментал тадқиқотларни ёзишда кенг фойдаланиш мумкин.

Б.Х. Матбобоев, М.А. Реутова, Б. Болиев
Ўзбекистон Республикаси
Фанлар академияси
Археология институти

B.H. Matbabaev, M.A. Reutova, B. Boliev
Institute of Archaeology
Academy of Sciences
Republic of Uzbekistan

АХБОРОТ

ХРОНИКА CHRONICLES

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНЕЙ И СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИСТОРИИ ФЕРГАНСКОЙ ДОЛИНЫ

(Международная конференция: Андижан, 12 октября 2014 г.)

PROBLEMS OF STDUY OF ANCIENT AND MEDIEVAL HISTORY OF FERGHANA VALLEY

(International Conference: Andijan, October 12th, 2014)

12 октября 2014 г. в зале заседаний Международного общественного фонда имени Захириддина Мухаммада Бабура в рамках Узбекско-Китайской совместной комплексной археологической экспедиции в Андижанской области состоялся международный научный семинар по теме «Проблемы изучения древней и средневековой истории Ферганской долины». В нем принимали участие председатель общественного фонда З. Машрабов, заместитель хокима Андижанской области Ш. Шералиев, узбекские (Б.Х. Матбабаев, М.Х. Исамиддинов, Б.М. Абдуллаев, докторант Х.Б. Хошимов) и китайские (академик Ванг Вей, проф. Жу Янши, Лю Тао, Хе Сули, Алижан Айшиа и докторант Танг Сиянг) археологи, а также историки, этнографы и докторанты высших учебных заведений Ферганской долины (У. Абдуллаев (АндИМ), А. Алиохунов, З. Рахманов (ФерГУ).

Открыл заседание председатель общественного фонда проф. З. Машрабов. Он, акцентируя на исторические китайско-узбекские культурные взаимоотношения, констатировал, что проходящий научный семинар ставит перед собой задачу рассмотрения проблем изучения исторических городов и населенных пунктов, расположенных на трассах Ферганского ответвления Великого Шелкового пути. Именно здесь с древнейших времен развивались и принимали активное участие в торгово-экономических отношениях с соседними странами такие города Ферганской долины как Дальверзин, Эйлатан, Андижан, Мингтепа, Кува, Ахсикет и другие на протяжении тысячелетий (с эпохи поздней бронзы до позднего средневековья). Он подчеркнул, что в последнее время китайские археологи с особым энтузиазмом принялись к глубокому изучению процессов урбанизации на территории Андижанской области и то, что эти изыскания приносят свои научные плоды.

Также председателем были изложены основные итоги деятельности Международного общественного фонда имени Захириддина Мухаммада Бабура в текущий период.

Затем взял слово заместитель хокима Андижанской области Ш. Шералиев, начав доклад с приветствием хокима области участников научного семинара. Он особо подчеркнул длительную археологическую деятельность (с 2000 года) группы исследователей возглавляемых заведующим отделом Института археологии Б.Х. Матбабаевым по изучению древностей города Андижана и его окрестностей. В частности

результатом данных исследований Института археологии совместно с общественным фондом имени Захириддина Мухаммада Бабура явилась публикация двух монографий, посвященных древней истории города Андижана на русском и узбекских языках. Важнейшим результатом этих публикаций явилось достоверное обоснование 2500 летней даты зарождения города Андижана. За эти заслуги Ш. Шералиев вручил доктору Б.Х. Матбабаеву почетную грамоту и памятные подарки от имени хокима области.

Следующим выступил член верхней палаты парламента КНР, директор Института археологии Академии общественных наук, академик Ванг Вей. Он подчеркнул, что Узбекско-Китайские торгово-экономические взаимоотношения имеют длительные исторические корни, и они берут свое начало с середины II тыс. до н.э. Целый ряд археологических артефактов, выявленных в этих странах, указывают на наличие взаимоотношений между культурой Яньшао в Китае и Чусткой культурой в Узбекистане. Узбекско-Китайские взаимоотношения получили новый мощный импульс в период государственной Независимости Узбекистана, что нашло свое отражение в «Программе партнерских отношений на 2014-2018 годы», подписанного главами двух государств во время официального визита Президента Узбекистана И.А. Каримова в Китай. «Несомненно, нас радует, - констатировал академик Ванг Вей, - что мы имеем честь участвовать в деле укрепления соседских взаимоотношений между нашими странами посредством широкомасштабных археологических исследований на городище Мингтепа и все это позволяет лучше понять богатое наследие прошлого Узбекистана».

Затем по проблемам места и роли городища Мингтепа в истории градостроительства древней Ферганы был сделан совместный доклад заведующего отделом «Археологии периодов Хань и Тань» Института археологии АОН КНР профессора Жу Янгши и заведующего отделом «Археология Турана» Института археологии АН РУз Б.Х. Матбабаева. Важным в изучении памятника явилось открытие новых археологических комплексов, а также использование современных технологических методов исследования. На руинах городища Мингтепа получены материалы, освещающие особенности урбанизационных процессов в античной Фергане. Возможно, именно открытия на этом памятнике позволят воссоздать эволюционное развитие городских центров древнего государства Давань.

На семинаре была презентация книг «Древний и средневековый Андижан» и «Андижон тарихи», опубликованных по результатам многолетнего сотрудничества Института археологии и Международного общественного фонда имени Захириддина Мухаммада Бабура в изучении древностей города Андижана, а также книги, изданной общественным фондом «Библиография Бабура и бабуридов» и др. С отзывами на эти публикации выступили д.и.н. М.Х. Исамиддинов и У. Абдуллаев, д.фил.н., профессор А. Нурманов, народный поэт Узбекистана Тулан Низом и другие.

Следующим вопросом обсуждения на семинаре было планирование публикационных проектов книг-альбомов «Энциклопедии Андижана» («Андижон қомуси») и «Жемчужины исторических памятников Ферганской долины» («Фарғона водийси тарихий обидалари дурдоналари»). Все организационные вопросы предстоящих мероприятий по данным проектам подробно было прокоментировано председателем общественного фонда З. Машрабовым. Он также отметил, что, учитывая важнейшее значение роли и места памятника Мингтепа в истории страны,

необходимо оградить памятник и последовательно музеефицировать весь его комплекс. Это предложение было единогласно принято участниками семинара, которые поделились своими мнениями по поводу проведения подобного мероприятия.

Затем выступил ректор Андижанского государственного университета профессор Т.А. Мадумаров. За заслуги в исследовании древней истории страны, проведения мероприятий по возврату научно-культурного наследия великих предков на Родину и благоустройства их мавзолеев, деятельность в деле изучения литературы, истории и культуры периода Бабура и Бабуридов, а также инициативу и активность в мероприятиях по определению 2500 летнего возраста города Андижан, ректор вручил удостверение «Почетного профессора» Андижанского государственного университета председателю Международного общественного фонда имени Захириддина Мухаммада Бабура З.З. Машрабову. Подобного почетного звания был также удостоен член верхней палаты парламента КНР, директор Института археологии АОН КНР, президент Шанхайского археологического форума, академик Ванг Вей за заслуги в укреплении дружбы между странами, исследование культур Узбекистана в древности и средневековье, в частности, в изучении возникновения и этапов развития градостроительства Ферганской долины, а также за инициативу и помощь в организации Узбекско-Китайской археологической экспедиции и непосредственной активной деятельности в исследовании городища Мингтепа.

В завершении научного семинара были объявлены основные принятые решения:

1. Одобрить проводимые научные изыскания Узбекско-Китайской комплексной экспедиции на памятнике Мингтепа и считать целесообразным дальнейшее их продолжение.

2. Одобрить создание музея под открытым небом над руинами городища Мингтепа и представить запрос областному хокимияту по принятию необходимых мер по положительному решению данного вопроса.

3. Рекомендовать публикацию итогов научного семинара в виде книги.

4. Принять к сведению презентацию книг «Древний и средневековый Андижан» и «Андижон тарихи».

5. Одобрить план-проект публикации книг-альбомов «Энциклопедии Андижана» («Андижон қомуси») и «Жемчужины исторических памятников Ферганской долины» («Фарғона водийси тарихий обидалари дурдоналари»), а также создать рабочую группу по решению организационных вопросов.

Совещание широко освещалось представителями местной и республиканской прессы.

Абдуллаев Б.М., Хошимов Х.Б. **B. Abdullayev, H.B. Hashimov**

ЮБИЛЯРИМИЗ

НАШ ЮБИЛЯР OUR JUBILAR

К 60-ЛЕТИЮ МУХИДДИНА МУСТАФАКУЛОВИЧА ХУЖАНАЗАРОВА

TO 60th ANNIVERSARY OF MUHIDDIN MUSTAFAKULOVICH HOJANAZAROV

Хужаназаров Мухиддин Мустафакулович – один из ведущих научных сотрудников Института археологии АН РУз, международный эксперт по петроглифам, широко эрудированный и разносторонний исследователь - гуманитарий. Известный специалист в области неолита и наскального искусства Центральной Азии. Член Международной организации по сохранению культурного наследия ИКОМОС, Международной организации по изучению наскальных изображений САИПИ и CARAD. Научные работы нашего юбиляра получили признание как у нас в стране, так и за рубежом. Им и его коллегами создана первая в странах Средней Азии школа по изучению и сохранению наскальных рисунков, которая пользуется ныне широкой известностью. Значителен его вклад в развитие первобытной археологии Узбекистана, внедрению результатов исследований в практику и расширение научного сотрудничества, в том числе и международного. При его активном участии организованы и успешно работают ряд Международных экспедиций по изучению каменного века на территории Кызылкумов и наскальных рисунков на многочисленных памятниках республики.

Мухиддин Мустафакулович Хужаназаров родился 9 июня 1954 г. в кишлаке Шихла Хатырчинского района Самаркандской области в семье колхозника.

Его отец – Хужаназаров Мустафакул (1926-1978 гг.) всю свою жизнь проработал бригадиром и агрономом в родном селе. Мать – Хужаназарова Халима (1926-1991 гг.), скромная труженица, любящая и добрая мама посвятила свою жизнь воспитанию пятерых детей.

Мухиддин Хужаназаров унаследовал от своих родителей трудолюбие, любознательность, требовательность к себе и окружающим, стремление к полной самоотда-

че в свершении любого дела, а также оказании бескорыстной помощи каждому, кто нуждается в ней.

В 1971 г. Мухиддин окончил Хатырчинскую среднюю школу № 20 им. А.С. Пушкина. В том же году поступил на исторический факультет Ташкентского государственного педагогического института им. Низами. Уже в студенческие годы у Мухиддина Хужаназарова проявляется живой интерес к исторической науке. Он активно участвовал в работе студенческого научного общества факультета, которое занималось изучением истории городов Узбекистана. Мухиддин Мустафакулович работал под руководством доцента Маъруфа Рахимова, преподавателя кафедры «История Узбекистана», выступал с научными докладами на республиканских студенческих конференциях. О научном уровне докладов свидетельствуют дипломы и грамоты, врученные молодому исследователю.

После успешной защиты диплома и окончания Института, Мухиддин поступил на работу в Институт археологии АН РУз. Он с головой окунулся в работу – участвовал в археологических экспедициях на неолитических шахтах Учтута, Джаркутане, Кучуктепа, на памятнике Кульбулак. Здесь он познавал методы и навыки полевых исследований, обработки и документации археологических артефактов. Во время межсезонья повышал свой научный уровень сидя за книгами в библиотеках.

С конца 1979 г. до конца 1981 года Мухиддин был командирован в г. Ленинград для стажировки в ЛОИА (Ленинградский отдел Института Археологии, ныне ИИМК АН РФ). Его научным руководителем была назначена профессор Н.Н. Гурина. Во время стажировки М. Хужаназаров получает фундаментальное образование у крупнейших специалистов в области археологии и наскального искусства, таких как Я.А. Шер, А.Д. Столяр, З.А. Абрамова, В.М. Массон, Ю.А. Заднепровский, Е.А. Окладникова и др. За этот период Мухиддин Хужаназаров приобретает необходимый опыт самостоятельной работы, участвует в работе археологических экспедиций в Узбекистане и России.

После стажировки он поступает в аспирантуру Института археологии АН РУз и работает под руководством профессора У.И. Исламова. Будучи аспирантом, М.М. Хужаназаров участвует в работе экспедиций, ведущих исследования в Ферганской долине и проводит самостоятельные археологические обследования на памятниках эпохи камня и наскального искусства. Именно в это время М.М. Хужаназаровым были обнаружены многочисленные неизвестные ранее местонахождения петроглифов и впервые на территории Ферганской долины найдены росписи в гроте Эшма. Своей научной темой он выбрал исследование памятников наскального искусства. С большим увлечением он взялся за разработку нового для него направления.

К концу 70-х годов, в Узбекистане, наскальные изображения изучались рядом исследователей. Некоторые из них делали описания памятников, датировку отдельных рисунков, попытку интерпретации сюжетов, высказывали ряд гипотез о функциональном назначении петроглифов. Однако наскальные изображения не были темой специального научного исследования. Для того, чтобы они стали полноценным историческим источником необходимо было их систематическое, подробное описание и всесторонний источниковедческий анализ.

Поэтому темой своей кандидатской диссертации он выбрал "Наскальные изображения северо-восточного Узбекистана", которую успешно защитил в 1985 году на заседании Спецсовета ЛОИА. В процессе выполнения научной темы М. Хужаназаровым было проведено сплошное обследование, описание, копирование наскаль-

ных изображений Северо-Восточного Узбекистана. Выявлены новые пункты петроглифов, открыты уникальные изображения эпохи энеолита и ранней бронзы. Многие из них не были ранее известны для данного региона. В итоге этого кропотливого труда был получен и обработан по единой методике обширный материал, насчитывающий более 4500 изображений. На основе полученных результатов в 1995 году была выпущена монография "Петроглифы Ходжакента и Каракиясая".

Этой работой было положено новое, специализированное направление – изучение наскальных рисунков, которыми так богаты регионы нашей страны. После защиты диссертации работы по изучению памятников наскального искусства продолжаются. Их список постоянного пополняется новыми местонахождениями, а изучение оказывает существенное влияние на наши представления о локальных традициях.

Много лет своей научной деятельности М. Хужаназаров посвятил комплексному изучению жемчужины наскального искусства Узбекистана – памятнику Сармишсай.

Хочется отметить, что если в пятидесятые годы прошлого столетия целью исследователей было расширение хронологических и географических границ такого феномена как искусство на скалах, то в последние десятилетия все большее значение приобретает проблема сохранения найденного. Такая работа была начата и у нас в республике. В 2002 году Хужаназаровым была организована группа "Сармиш", целью которой было комплексное изучение, сохранение и музеефикация Сармишсая. Значительную поддержку в выполнении этой задачи оказали наши норвежские коллеги Анни-Софи Хиген и Кнут Хельског, представители Директората по культурному наследию Министерства охраны окружающей среды Норвегии. Совместными усилиями была разработана и осуществлена программа по изучению и сохранению культурного наследия Сармишсая, подготовлен пакет документов. Итогом совместных работ стало создание археолого-природного музея-заповедника Сармишсай, который в 2010 году был включен в Предварительный Список Всемирного культурного наследия ЮНЕСКО. На базе Сармишсая трижды проводились Международные научные конференции, на которых обсуждался и обобщался опыт изучения и сохранения памятников наскального искусства – этого природного и культурного достояния человечества.

Другим важным археологическим объектом, на котором с 1995 года ведутся постоянные археологические раскопки является поселение эпохи неолита, расположенное в Кызылкумах – Аякагитма. Здесь, вместе с Мухиддином Мустафакуловичем работают профессор Варшавского Университета К.Шимчик и доктор наук из Нантерского университета Фредерик Брунет (Франция). Почти за двадцать лет раскопок были получены важнейшие результаты, обнаружена масса уникальных каменных орудий, которые были обработаны по современнейшим методикам, включая радиоуглеродный анализ. Одновременно проведены уникальные исследования по палеоботанике, палеозоологии, геоморфологии и климатологии и др.

Значение открытой и изучаемой стоянки трудно переоценить. Достаточно сказать, что в настоящее время в низовьях Зарафшана известны около тысячи памятников эпохи мезолита и неолита, но новая Аякагитминская стоянка – четвертая из памятников, имеющая культурный слой с разнообразными элементами, позволяющими дать абсолютные даты существования данного поселения. Результаты многолет-

них исследований обобщены и опубликованы в виде коллективной монографии и многочисленных научных статей.

Результаты научных исследований М. Хужаназарова становятся достоянием научной общественности благодаря его постоянным выступлениям на республиканских и международных конференциях (Ташкент, Бишкек, Алматы, Баку, Москва, Кемерово, Варшава, Париж, Рим и т.д.), на республиканском радио и телевидении. По результатам исследований опубликовано 8 монографий и более 160 научных статей. Он участник Международных археологических экспедиций в России, Казахстане, Польше и Омане.

С 2000 года Мухиддин Мустафакулович возглавляет Отдел Камня Института археологии АН РУз. Своим богатым научным опытом и неутомимой энергией он делится со своими учениками. Мухиддин Мустафакулович не только высококлассный специалист, но и замечательный человек. Добрый, искренний, бескорыстный, в любой ситуации готовый помочь каждому человеку. Любящий муж , отец и дедушка.

Коллектив Института археологии АН РУз желает юбиляру крепкого здоровья, больших творческих успехов и много замечательных научных открытий, которые позволят нам прочитать новые страницы истории нашей Республики.

М.А. Реутова
и коллектив
Института археологии

M.A. Reutova
and collective of
Institute of Archaeology

ТУХТАШ ДЖУРАЕВИЧ АННАЕВ ПРЕДАННЫЙ УЧЕНЫЙ АРХЕОЛОГИИ СУРХАНА

TUKHTASH DJURAEVICH ANNAEV DEVOTED TO THE SURKHAN ARCHEOLOGY SCHOLAR

В этом году исполнилось шестьдесят лет известному ученому археологу, специалисту по древней истории Средней Азии Аннаеву Тухташу Джураевичу.

Тухташ Аннаев родился в 1954 году 15 июня в селении Салават Термезского района Сурхандарьинской области. После окончания средней школы, он поступил на исторический факультет Ташкентского государственного университета (ныне Национальный Университет Узбекистана им. М. Улугбека). После завершения университета по специальности историка-археолога молодой специалист в 1975 году был принят на работу в Институт археологии в качестве лаборанта.

В 1977 г. Т. Аннаев направлен на стажировку в Ленинградское отделение Института археологии АН (ныне Институт истории материальной культуры АН РФ г. Санкт-Петербурга). В 1980 г. он поступил там же в аспирантуру очного обучения. После успешной защиты кандидатской диссертации под руководством известного ученого В.М. Массона, Т. Аннаев в 1984 г. был назначен младшим научным сотрудником в Институт археологии АН (г. Самарканд). За успешную и плодотворную работу затем он был переведен в должность старшего научного сотрудника института.

Т. Аннаев участник многочисленных, в том числе международных экспедиций, организованных в нашей стране и по Средней Азии. Он автор около 160 научных трудов: монографии, брошюр, статей, изданных в нашей стране и за рубежом. Огромная заслуга Т. Аннаева в выявлении и сохранении памятников культурного наследия, в том числе археологических памятников Сурхандарьинской области. Начиная с 1984 г., когда в связи с освоением новых земель под хлопчатник подверглись разрушению многие археологические памятники, он решительно поставил вопрос о их охране и при этом добился, в определенной мере, их сохранения. То, что в настоящее время в Сурхандарьинской области выявлено более 700 археологических объектов, в этом есть значительная заслуга археолога Т. Аннаева. При подготовке архитектурных сооружений к частичной реконструкции и благоустройству, таких как мавзолей Хаким ат-Термезий, Султан Саа-

дат, Ходжа Исо Ота (ныне мавзолей Абу Иса Мухаммад ат-Термезий), Ак Астана бобо и Кокилдор ота, он настойчиво стоял за сохранение их древнего облика. Точно такую же позицию он отстаивал при выполнении международного проекта «Консервация и реставрация руин Фаязтепе», осуществленной по линии Министерства по делам культуры и спорта Республики Узбекистан, Японским Трастовым фондом по сохранению мирового наследия и представительством ЮНЕСКО в Республике Узбекистан. В течение 2004-2006 гг., будучи руководителем археологического проекта буддийский монастырь Фаязтепа им же фактически был раскопан заново.

Археолог Т. Аннаев, один из авторов тематическо-экспозиционного плана и основной составитель экспонатов, внес весомый вклад в оформление Термезского музея археологии и Музея «Истории Термеза и наследия Термезидов», входящих в архитектурный комплекс Хаким ат-Термезий. Благодаря его деятельности, ежегодно коллекция музея археологии пополняется, а демонстрация предметов древностей совершенствуется.

Т. Аннаев известный организатор археологической науки в Сурхандарье. Одновременно, будучи заведующим Проблемной лабораторией по археологии и этнографии в Термезском Государственном университете, а затем с 1992 г. - заведующим Региональным отделом археологии Сурхандарьи Института археологии АН РУз, всячески содействует в организации международных археологических экспедиций, в подборе и подготовке молодых кадров, прежде всего, из числа преподавателей Термезского государственного университета. За плечами специалиста организация нескольких международных конференций, проведенных в стенах университета с участием Института археологии и других научных учреждений нашей страны и за рубежом.

Тухташ Джураевич Аннаев плодотворно сочетает научную сферу с педагогической деятельностью. Его курс лекций «Археология Средней Азии», «Нумизматика и эпиграфика Средней Азии», «История Узбекистана (древность и средневековье)», «Историческая топонимика», «История культуры» являются самыми любимыми и посещаемыми курсами студентов-бакалавров и слушателей магистратуры по специальности «История Узбекистана». В своей преподавательской деятельности, с 1989 г., и особенно с 2004 г., ежегодно под его руководством 4-5 бакалавров защищали «Выпускную квалификационную работу» (ВКР). До настоящего времени под руководством Т. Аннаева 8 слушателей успешно защитили магистрскую диссертацию по древней и средневековой истории Узбекистана.

Аннаев Т.Дж. является также крупным популяризатором достижений археологической науки. При непосредственном его участии в республиканской и местной теле- и радиокомпаниях было подготовлено более 150 телепередач, интервью и научно-популярные документальные фильмы.

В докладе Президента Республики Узбекистана И.А. Каримова 26 ноября 2008 года при встрече с представителями избирателей Сурхандарьинской области, наряду с деятелями культуры, литературы и образования отмечено имя ученого-археолога Тухташа Аннаева.

За плодотворную работу Т. Аннаев награжден нагрудным значком «20 лет независимости Республики Узбекистан». В настоящее время Тухташ Аннаев полон сил и энергии. Коллеги, друзья и ученики желает ему крепкого здоровья и творческих успехов.

Т. Ширинов, А. Бердимурадов, М. Пардаев, Дж. Аннаев, А. Абдурахманов, Г. Бекмурадова, С. Бобоева

T. Shirinov, A. Berdimuradov, M. Pardaev, Dj. Annaev, A. Abdurahmanova, G. Bekmuradova, S. Boboeva

АМРИДИН ЭРГАШОВИЧ БЕРДИМУРАДОВ 60 ЁШДА

TO 60th ANNIVERSARY OF AMRIDIN ERGASHOVICH BERDIMURADOV

ФАНГА БАХШИДА УМР

Таниқли ўзбек археолог олими, Ўзбекистон Республикаси Фанлар академияси Яҳё Ғуломов номидаги Археология институти директори Амриддин Бердимуродов муборак 60 ёшини қаршиламоқда. Олимнинг яқин қадрдони, таниқли япон олими Такао Уно институт олимларидан бирининг олтмиш йиллиги нишонланаётганда донишманд япон халқининг бир мақолини келтириб, – Олтмиш ёшда одам қайта туғилади, ҳаёт олтмиш ёшдан кейин қайта бошланади, – деганди.

Ўтган асрнинг 60-йилларида Ургут туманинг тоғли, қадимий Мўминобод қишлоғига академик А. Асқаров бошчилигида бир гуруҳ археологлар ташриф буюришадир. Улар қишлоқ ҳудудида топилган бронза даврига оид ёдгорлигида бир ойча иш олиб боришди. Ҳар бир тупроқ қатламини пичоқчалар ёрдамида кавлаётган, ҳар бир топилмани чўтка билан авайлаб тозалаётган археологларнинг иши ҳар нарсага қизиқувчи, синчков қишлоқ боласи Амриддинни бутунлай ром этди. Мана шу бир ой унинг умр йўлини белгилаб берди.

Археолог бўлиш орзусида А.Бердимуродов Самарқанд давлат университетининг тарих факултетига ўқишга кирди. У талабалик йиллариданоқ Ўзбекистон Фанлар академияси Археология институтининг археологик экспедицияларида иштирок этиб, археолог олимлардан бу мураккаб фаннинг сир-асрорларини қунт билан ўзлаштиришга киришди.

Талабалик йиллари ҳам ортда қолди. Бўлғуси археолог олим катта орзулар йўлида М.В. Ломоносов номидаги Москва давлат университети аспирантурасига ўқишга кирди. Университетнинг йирик олимларидан бири, профессор Г.А.Федоров-Давидовга шогирд тушди. Археология фанинг фидоийси, юксак қалб эгаси бўлган бу олим билан бўлган илмий ва инсоний мулоқотлар Амриддин Бердимуродовнинг

олим бўлиб шаклланишида катта рол ўйнади. Аспирантура даврида у қадимги Уструшона ўлкасининг илк ўрта асрлар даври маданияти тарихи устида иш олиб борди ва 1985 йилда Г.А. Федоров-Давидов раҳбарлигида “Жиззах воҳасининг илк ўрта асрлар маданияти” мавзусида тарих фанлари номзоди диссертациясини муваффақият билан ҳимоя қилди.

1985 йилдан бошлаб яна Ўзбекистон Фанлар академияси Археология институтида иш бошлади, илмий ходим катта илмий ходим, етакчи илмий ходим, бўлим бошлиғи лавозимларида фаолият кўрсатди. Шу даврда институтнинг бир қатор экспедициялари бошлиғи сифатида Ургут туманидаги Жартепа ибодатхонаси зардуштийлик ибодатхонаси ҳамда Ёнчашма қасрини очилишида раҳбарлик қилди.

Мустақиллик Археология институти учун жаҳон эшикларини очиб берди. Ўзбек археологлари Франция, Германия, Италия, АҚШ, Польша, Россия, Япония каби мамлакатларнинг йирик университетлари ва археология марказлари билан ҳамкорликда бир қатор экспедициялар очдилар. Улар қаторида очилган икки халқаро экспедицияга Амриддин Бердимуродов 2000 йилдан Ўзбекистон–Италия, 2005 йилдан эса Ўзбекистон–Япония халқаро археологик экспедицияларга бошчилик қилмоқда.

Археология институти Ўзбекистон ижтимоий ҳаётида фаол иштирок этади. Бухоро, Термиз, Хива шаҳарларининг 2500, Қарши, Шаҳрисабз шаҳарларининг 2700, Самарқанд шаҳрининг 2750, Тошкентнинг 2200 ва Марғилон шаҳрининг 2000 йиллиги саналари археолог олимларнинг узоқ йиллик илмий изланишлари асосида аниқланган. Амриддин Бердимуродов айниқса Самарқанд шаҳрининг 2750 йиллигига тайёргарлик кўриш ва уни ўтказишда жонбозлик кўрсатди. У мана шу сана муносабати билан чоп этилган тўпламнинг асосий муаллифларидан биридир.

Амриддин Бердимуродов собиқ шўролар тузуми давридаёқ Амир Темур фаолиятини илмий тарзда ўрганишга киришган кам сонли олимлардан биридир. Ўзбекистон мустақиллиги олимнинг имкониятларини тўла намоён қилишига йўл очиб берди, соҳибқирон фаолияти тўғрисида бир нечта монография, ўнлаб пишиқ-пухта мақолалар дунёга келди. Олимнинг бу тадқиқотлари ҳорижда ҳам эътироф этилди. 1995 йилда Амриддин Бердимуродов Париж шаҳрида француз олимлари томонидан ташкил этилган “Амир Темур ва темурийлар даврини ўрганиш жамияти”нинг вице-президенти этиб сайланди. Унинг Амир Темур ва темурийлар сулоласи фаолиятига бағишланган кўплаб мақолалари ушбу жамият томонидан Парижда нашр этиладиган “Ла Тимуриде” журнали саҳифаларида эълон қилинди. Бу ҳамкорлик ҳануз давом этмоқда

2009 йилда Амриддин Бердимуродов Археология институти директорлиги лавозимига тайинланди. Янги раҳбар ўз фаолияитнинг дастлабки давридаёқ асосий эътиборини нашр ишлари ривожига қаратди. Ўзбек археолог олимларининг узоқ йиллик орзуси айнан мана шу даврда амалга оширилди. 2010 йилдан бошлаб Ўзбекистонда биринчи марта “Ўзбекистон археологияси” журнали нашр этилиши йўлга қўйилди.

Яна бир муҳим вазифа – ёш археолог олимлар тайёрлаш, иқтидорли ёшларни бу фанга олиб кириш ва Ўзбекистон археология фанининг келажагини таъминлашни Амриддин Бердимуродов ўзининг раҳбар сифатидаги энг муҳим вазифаларидан бири ҳисоблайди. Шунинг учун ёш ўзбек археолог олимларини хорижий мамлакатларга малака оширишга юборишга, машҳур хорижий олимлар билан

биргаликда иш олиб боришларини таъминлашга Археология институтда алоҳида эътибор берилади.

Ҳозирги кунларда Археология институти фаолиятнинг бош йўналишларидан бири Ўзбекистоннинг археология ёдгорликлари каталогини яратишдир. Бу иш халқимизнинг бебаҳо миллий мулки ва маданий мероси бўлган ёдгорликларимизни сақлаб қолиш ва келгуси авлодларга етказиш борасида фавқулодда муҳим вазифадир. Шу кунгача республикамизнинг Самарқанд, Сирдарё, Тошкент, Наманган, Фарғона ва Андижон вилоятларида жойлашган бир неча минг археологик ёдгорликлар Ўзбекистоннинг археология ёдгорликлари каталогига киритилди. Бу мураккаб иш бошқа вилоятлар ҳудудларида ҳам муваффақият билан амалга оширилмоқда.

Амриддин Бердимуродовнинг директорлик фаолияти даврида институтнинг халқаро алоқалари яна кенгайди, АҚШнинг Нью Йорк, Вашингтон университетлари, Хитой ижтимоий фанлар академияси Археология институти, Францияниг Лувр музейи билан халқаро археологик экспедициялар ташкил этилди. Шу билан бирга олим томонидан Ўзбекистон археология фани ва унинг ютуқларига бағишлаб Франция, Хитой, Япония, Англия, Германия, Россия, Корея ва бошқа давлатларда ўтказилган энг нуфузли халқаро сипозиум, коллоквиум ва конференцияларда қатор илмий маърузалар қилинди.

Узоқ йиллик илмий тадқиқотлар самараси ўлароқ А. Бердимуродов томонидан Ўзбекистонда ва хорижий нашрларда 4 та илмий монография, 5 та илмий-оммабоп рисолалар, 200 га яқин илмий ва 150 дан ортиқ илмий оммабоп мақолалар чоп этилди.

Ҳозирги кунларда Яҳё Ғуломов номидаги Археология институти олимлари ўзининг 60 ёшини қаршилаётган фидоий раҳбар, етук археолог олим Амриддин Бердимуродов бошчилигида Ўзбекистоннинг қадимий тарихини, халқимиз томонидан минг йиллар давомида яратилган буюк мерос ва маданиятни янада чуқуроқ ўрганиш уни жаҳон миқёсида тарҳибот қилиш борасида ҳормай-толмай меҳнат қилмоқдалар.

Абдисабур Раимкулов
Мухторқул Пардаев
ва Археология институти жамоаси

Abdisabur Raimkulov
Mukhtarkul Pardaev
and collective of
Institute of Archaeology

.

ХОТИРА

ПАМЯТИ УЧЕНОГО

IN MEMORIAM OF A RESEARCHER

ВЕРА АНДРЕЕВНА БУЛАТОВА

VERA ANDREEVNA BULATOVA

11 декабря 2014 года ушла из жизни, представительница старейшего поколения узбекистанских археологов Вера Андреевна Булатова.

В.А. Булатова родилась 30 сентября 1915 года в Москве. В 1937 году вместе с мужем Митхатом Сагадатдиновичем Булатовым приехала в Ташкент. Интерес к наследию древних среднеазиатских цивилизаций, проявившийся еще в молодости, породил стремление участвовать в их изучении, что она смогла осуществить здесь, на древней земле Узбекистана. В Ташкенте она поступила на кафедру археологии исторического факультета Среднеазиатского государственного университета (ныне Национальный Университет). Став студенткой кафедры археологии, созданной в 1941 г. и руководившей в то время профессором М.Е. Массоном, она вошла в число первых учеников его научно-методической школы. Выбор профессии оказался удачным и определил её судьбу на всю жизнь.

В.А. Булатова принадлежит к ранней плеяде выпускников кафедры САГУ, страстно преданных археологии исследователей, многие из которых впоследствии стали крупнейшими учеными, трудившимися в разных республиках бывшего Союза. Их вкладу в археологию и древнюю историю Средней Азии мы обязаны самим формированием этой дисциплины, как методически самостоятельной науки, обладающей полноправной базой материальных источников для воссоздания древних и средневековых периодов истории народов Средней Азии.

Научно-методическая школа М.Е. Масона предусматривала знакомство студентов с азами научной деятельности, методикой раскопочных работ и камеральной обработки археологических материалов в составе Южно-Туркменистанской комплексной археологической экспедиции (ЮТАКЭ), и в стенах учебных аудиторий Университета. Традицией школы М.Е. Массона был непрекращающийся процесс приобщения учащихся к знаниям и овладения методикой полевых археологических исследований. Выпускники кафедры выходили из стен университета уже с багажом практического опыта и подчас, будучи авторами первых печатных работ.

Склонность к научной работе проявилась у Веры Андреевны еще в студенческие годы, когда М.Е. Массон поручил ей в составе ЮТАКЭ изучение средневековых винодавилен близ Анау, под Ашхабадом.

На кафедре руководителем дипломной работы В.А. Булатовой, а затем в будущем ее кандидатской диссертации стала Г.А. Пугаченкова, в то время начинавшая свою научно-преподавательскую деятельность и карьеру ученого, которая возвела ее затем на Олимп современной науки как археолога и историка архитектуры.

Диссертация В.А. Булатовой была посвящена изучению поселений XIX –XX вв. в Южном Туркменистане. Работая над ней, Вера Андреевна, наряду с методами археологического исследования, привлекла этнографические источники, оценила на практике традицию школы М.Е. Массона заключавшуюся в комплексном подходе к объектам изучения. Она проводила раскопки поселений и обследование позднего городища Анау XIX в., а также усадеб (хаули), жилых домов и башен-дингов туркменских племен Мукры, Эрсали, Чакыр, Бадам. Проводя архитектурные обмеры этих сооружений, она собирала также этнографические данные о племенном составе, хозяйстве, фольклоре туркмен.

Свою работу в археологии она продолжила в качестве сотрудника Специальных научно-реставрационных производственных мастерских при Управлении по делам архитектуры, изучая историю сложения средневековых памятников архитектуры Хивы, Бухары, Самарканда, Шахрисабза, Термеза, Ташкента. Ею проведены первые археологические раскопки средневекового арка Ичан-Калы, обследование памятников в Хорезмской области. Результаты этих работ отражены в небольшой книге «Архитектурные памятники Хивы» (Ташкент, 1965, в соавторстве с И.И. Ноткиным) и, особенно, в широко известной монографии «Памятники зодчества Хорезма» (Ташкент, 1978, в соавторстве с Л.Ю. Маньковской). Первыми сведениями об истории возведения медресе Улугбека, Кукельдаш, Мири-Араб, торгового купола Тильпак Фурушон, мечети Зайнутдина в Бухаре реставраторы обязаны В.А. Булатовой, также как и раскопочными данными комплекса мавзолеев Шахи-Зинды, ансамбля Гур-Эмир, площади Регистан с ее тремя медресе в Самарканде. Ею собраны научные сведения археологического порядка о мавзолеях Шахрисабза, Термеза, мавзолея Ходжа Ахмада Яссави в Туркестане. Памятники средневекового зодчества Ташкента также вошли в поле деятельности исследователя В.А. Булатовой. Шурфы и небольшие раскопки у мавзолеев Зайнаддина-бобо (Арифон), Мухаммада Каффаль Шаши, Юнус-хана, шейха Хавенди Тахура, медресе Барак-хан, Кукельдаш – лишь часть результатов ее работы в Ташкенте. Попутно с выяснением истории сложения этих памятников, собирались сведения по исторической топографии Ташкента, впоследствии использованные В. Булатовой, когда ей вплотную довелось заняться историей столицы Узбекистана.

Посвятить себя полностью археологическим исследованиям В.А. Булатова смогла, начав работать с 1957 года старшим научным сотрудником Института истории и археологии Академии наук. С этим научным учреждением оказалась связанной вся ее последующая жизнь в науке, включая то время, когда от него отделился самостоятельный Институт археологии, основанный в Самарканде в 1971 г. Она участвовала в раскопках поселения Кызылкыр в Бухарском оазисе в составе экспедиции, руководимой Я.Г. Гулямовым. Затем активно включилась в разработку темы по истории средневековых городов Узбекистана. Это была эпоха накопления сведений о крупных городских центрах в различных регионах Республики, где проводились

первые археологические раскопки. С небольшим отрядом сотрудников, она приступила к исследованиям раннесредневекового городища Кува и ее округи в Ферганской долине. Работы, организованные по всей территории городища – шахристане, цитадели, рабаде дали важные сведения об одном из интереснейших городов региона, его топографии, культуре и ремесле жителей в период, предшествовавший арабскому завоеванию Средней Азии и в первые века ислама. Открытие на городище буддийского храма VII-VIII вв., его скрупулезное изучение, организация сохранения и консервации культовых скульптур храма поистине являются ее звездным часом. Результаты этой работы отражены в ее монографии «Древняя Кува», вышедшей в Ташкенте в 1972 году. В книге содержится всеобъемлющий анализ комплекса храма VII-VIII вв., находок и, особенно, богатой коллекции глиняной скульптуры. Автору удалось показать не только принадлежность храма буддизму особого толка, но и огромное влияние этой религии на сложение пантеона и иконографии культов местных божеств и мифологии. В этом отношении Вера Андреевна стоит в числе первых исследователей, показавших синкретический характер верований народов Средней Азии до прихода ислама, что затем многократно доказали последующие исследования в этом регионе.

Следующий значительный этап деятельности В.А. Булатовой связан с археологическими наблюдениями и раскопками в Ташкенте, приобретшими широкий размах в связи со строительными работами в городе по ликвидации последствий землетрясения 1966 года. Руководство специально созданным в 1967 году Ташкентским отрядом было поручено ей Я.Г. Гулямовым. Отряду предстояло работать в условиях «кипящей строительной площадки», в которую превратился Ташкент. Повсюду работала техника, сносились постройки, закладывались котлованы новых зданий, траншеи коллекторов пересекли Старый город, то есть Ташкент в границах XIX века. Привычная методика раскопок в таких условиях не работала. Зачастую действия сотрудников отряда походили больше на «скорую помощь» гибнувшим в этом размахе земляных работ археологическим памятникам. Рождалась новая методика «новостроечной археологии», где зачистки стенок котлованов и траншей сочетались с извлечением из ковшей экскаваторов археологического материала или выборкой его из вывезенного в другое место грунта.

В этих условиях сказались ее качества ученого, организатора и человека. Она сумела сплотить вокруг себя сотрудников отряда, привлечь научное и общественное внимание к ситуации, в которой решалась судьба одного из крупнейших древних городов Мавераннахра – Ташкента.

Работы отряда затронули всю территорию реконструкции города, так называемый «большой Ташкент». В.А. Булатова участвовала в разработке стратегии его изучения в археологическом плане. Основной задачей определялось изучение археологических памятников внутри города, для разрешения историко-культурной проблемы территориального развития процесса урбанизации, установления места и хронологии зарождения городского ядра и перемещения его во времени. Эта большая и многогранная задача решалась во все последующие годы работ отряда. Вера Андреевна, уйдя на пенсию в 1975 году, отошла от руководства отрядом. Это, однако, не означало, что она отстранилась от большой науки. Наоборот, с этого момента начинается новый, может быть, даже еще более насыщенный период ее творческой деятельности.

Она активно продолжает работать над темой «Ташкент в прошлом, настоящем и будущем» в соавторстве с архитекторами. Является одним из авторов нескольких коллективных монографий и научных сборников по истории и археологии Ташкента. В монографии «Памятники зодчества Ташкента. XIV-XIX вв.» (Ташкент, 1983, в соавторстве с Л.Ю. Маньковской), она написала историческое предисловие, используя в нем материалы, полученные в ходе археологических исследований города.

Вера Андреевна вела активную популяризацию науки, ей принадлежат десятки рецензий на диссертации и сборники, опубликованные статьи и книги. Кроме ее опубликованных работ и рецензий существует обширный перечень отзывов, очерков, статей по поводу юбилеев видных ученых, популярных работ, оставшихся в рукописном виде.

Вера Андреевна Булатова была человеком большой воли, самодисциплины, бескомпромиссной требовательности к себе, беспредельной собранности и трудоспособности. Эти качества позволяли ей, подчас преодолевая физические недуги, сохранять активность и плодотворно трудиться.

Уже будучи в очень преклонном возрасте Вера Андреевна не потеряла интереса к науке и жизни во всех её проявлениях. Её молодые коллеги, к которым она всегда благоволила, постоянно снабжали её вышедшими публикациями по археологии, истории и др. Она всегда была в контакте с молодежью, стараясь понять, может быть новые для неё взгляды и отношение к бытию. Она всегда проявляла интерес к жизни молодежи и находила общие темы для бесед, оставаясь в курсе открытий и достижений любимой науки, прочитывая все новинки научных и литературных изданий. Любовь к чтению вообще всегда была страстью Веры Андреевны, и не только новые публикации по археологии входят в круг литературы, избиравшейся для знакомства. Открытия других наук, художественная литература (проза и поэзия) всех народов, издававшиеся на русском языке книги по искусству, архитектуре, фольклору, музыке, истории, религии, мифологии – не перечислить всего, что вызывало её живейший интерес. Все это создавало вокруг нее ауру высокой духовности и компетентности, которую ощущали все, кому выпало счастье общения с ней. Её коллеги, младшие современники, молодые друзья, новое поколение археологов, не только знавшие этого высокоинтеллигентного, стойкого в трудностях, скромного и доброго человека, воспринимают её кончину, как невосполнимую утрату. Мы всегда будем хранить в сердцах память о ней.

Коллектив Института археологии
АН РУз

ISSN 2181-032X